Ф 64/139
ксерокопия

Т 64/139

В. А. Добролюбовъ.

ЛОЖЬ

гг. Николая Энгельгардта и Розанова

о

Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ и духовенствѣ.

ОТДѢЛЪ
Иноличныхъ Богослов. ЧТЕНІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Е. Колпинскаго. Конная улица, домъ № 3—5.
1902.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В.И. Ленина

без рег. №

ксерокопия

Ложь гг. Николая Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ и духовенствѣ.

Умѣешь ты мѣшать со вздоромъ небылицы,
Смѣшить съ ученымъ видомъ знатока:
Иди же, наполняй веселыя страницы
Великодушнаго, игриваго „Свистка!"

* * *

Ты о „Свисткѣ" писалъ съ презрѣньемъ величавымъ,
Въ намѣреньи его жестоко оскорбить,
Но онъ давно простилъ рѣчамъ твоимъ неправымъ:
Онъ такъ высокъ, что можетъ все простить!

* * *

Иди же къ намъ! Въ „Свисткѣ" мы памятникъ поставимъ
Всѣмъ шуткамъ, шалостямъ и подвигамъ твоимъ,
Ученость дряхлую мы свистомъ успокоимъ
И слухъ твой ласковымъ романсомъ усыпимъ.

(Сочиненія Н. А. Добролюбова „Свистокъ", т. IV, стр. 491).

О г. Кусковъ! Повѣдайте же мнѣ, есть ли истина на свѣтѣ.

(Тамъ же, т. II, стр. 57).

День сорокалѣтія со смерти Н. А. Добролюбова почтила вся русская печать, исключая „Новаго Времени", которое только 21 ноября помѣстило въ приложеніи его портретъ (и то самый неудачный) и снимокъ съ

могилы [1]). Та часть публики, которая читала, читаетъ сочиненія Н. А. Добролюбова и „Новое Время“, не удивилась его молчанію, находя что это было самое лучшее, что оно могло рѣшить. Н. А. Добролюбовъ, о которомъ составилась цѣлая литература, до сихъ поръ понимаетъ интеллигентное меньшинство, а нѣкоторая часть публики враждебна даже ему, потому что не понимаетъ его. При необыкновенномъ умѣ, знаніи, нравственности, Н. А. Добролюбову противно было все невѣжественное, безнравственное, темное; его ученіе развивало самыя возвышенныя стремленія — основу всеобщаго благополучія. Противъ него не можетъ быть никто, кто его понимаетъ и руководится тѣми же высокими стремленіями, которыми онъ былъ одушевленъ.

„Новое Время“ молчало до 6 декабря только. Въ № 9253 выступилъ г. Николай Энгельгардтъ (его имя надо писать, чтобы не смѣшивать съ другими однофамильцами), затѣмъ г. Розановъ. Г. Ник. Энгельгардтъ и Розановъ распространяютъ превратныя идеи о Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ, о семинаристахъ, о всемъ духовенствѣ, объ искусствѣ и т. д. Молчать о такомъ печальномъ явленіи невозможно.

„Противодѣйствовать ложной идеѣ, старающейся утвердиться посредствомъ ложнаго толкованія фактовъ, составляетъ, по нашему мнѣнію, одну изъ важнѣйшихъ обязанностей современной критики“, писалъ Н. А. Добролюбовъ [2]).

Вотъ эта причина, помимо еще другихъ, не менѣе важныхъ причинъ, которыя приведу ниже, заставила

---

[1]) Отзывъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, издаваемомъ А. С. Суворинымъ, не читалъ; не знаю, былъ ли отзывъ въ „Гражданинѣ“. Если въ этихъ органахъ печати и вспомнили о Н. А. Добролюбовѣ, то, нѣтъ сомнѣнія, справедливости сужденія о немъ не было.

[2]) Н. А. Добролюбовъ, т. II, стр. 275, V изданія.

меня обратить вниманіе на „издѣлія“, какъ Н. А. Добролюбовъ ихъ называлъ, г. Ник. Энгельгардта, получившаго уже прозвище „современнаго Булгарина“ [1]) и г. Розанова,—этого „созрѣвающаго философа“, по выраженію г. А. С. Суворина,—этихъ „столповъ Новаго Времени“, по выраженію г. Мордовцева и, между прочимъ, сказать немного о двухъ другихъ сотрудникахъ, ради характеристики литературы въ началѣ XX вѣка.

Въ № 9253 было напечатано „Утилитаризмъ въ искусствѣ“ г. Николая Энгельгардта. Я, какъ и всѣ мои знакомые, которыхъ я спрашивалъ, прочтя когда-то двѣ его статьи, никогда уже не читаю его писаній, равно и г. Розанова, и, только случайно, увидѣвъ въ серединѣ фельетона фамиліи Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго, заинтересовался узнать, что рѣшится сказать о нихъ „Новое Время“ и на чемъ будетъ основывать свой взглядъ, который долженъ быть противоположенъ взгляду всей остальной печати. Задача очень мудреная!

Я былъ пораженъ той беззастѣнчивостью г. Ник. Энгельгардта, съ которой онъ пишетъ о Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ, Надеждинѣ, не имѣя никакого понятія объ ихъ сочиненіяхъ. Предположить умышленное извращеніе—я еще не рѣшаюсь, хотя достоинство поступка не измѣняется.

Что говорить! Рѣшительность гг. Ник. Энгельгардта и Розанова печатать въ газетѣ, имѣющей еще десятки тысячъ подписчиковъ, свою ложь, велика, но также велико значеніе того отношенія „Новаго Времени“ къ читающей публикѣ, которое проявилось въ этихъ „издѣліяхъ“.

Сначала, при появленіи „Утилитаризма въ искусствѣ“, меня удивило, что г. Ник. Энгельгардтъ пишетъ

---

[1]) „Россія“, № 954.

о Н. А. Добролюбовѣ и Н. Г. Чернышевскомъ, а г. Буренинъ, — единственный критикъ „Новаго Времени“, придерживающійся прежней системы подтверждать свои выводы фактами, молчитъ, и я предположилъ, что г. Ник. Энгельгардтъ какъ-нибудь случайно напечаталъ свою ложь, но, къ сожалѣнію, мое предположеніе не оправдалось: черезъ нѣсколько времени появились „издѣлія“—„Отецъ Матвѣй въ русской критикѣ“ г. Ник. Энгельгардта, „Сословное ли только безвкусіе“ г. Розанова, выступившаго на подмогу г. Ник. Энгельгардту, чтобы его мудрые выводы обозначить „философской формулой“, но ограничившагося тѣмъ, что „онъ намѣтилъ только тему большихъ размышленій (!) легкимъ пунктиромъ“. Если кто читалъ про „О. Матвѣя“ и „сословное безвкусіе“, тотъ, навѣрное, очень смѣялся надъ темой большихъ размышленій „созрѣвающаго философа“! Наконецъ появилось еще замѣчательное „издѣліе“ г. Ник. Энгельгардта—„О наслѣдіи шестидесятыхъ годовъ“.

Тутъ уже стало ясно, что „Утилитаризмъ“ попалъ въ печать не случайно. Такъ же понятно стало и молчаніе г. Буренина. Годъ, два, болѣе или менѣе, не помню, г. Буренинъ писалъ по поводу виршей, называемыхъ теперь декадентскими, не назвавъ автора, а сказавъ, сколько мнѣ помнится, что авторъ имѣлъ дерзость или что-то въ этомъ родѣ, взять псевдонимомъ фамилію нашего знаменитаго критика. Фамилія автора также — Добролюбовъ. Послѣ того, что писали перья г. Ник. Энгельгардта и Розанова, мнѣніе г. Буренина не могло появиться въ „Новомъ Времени“, которое имѣло въ виду не выясненіе дѣятельности, личности Н. А. Добролюбова, а совершенно другое.

О разборѣ такихъ „издѣлій“, какъ вышеозначенныя мною, Н. А. Добролюбовъ, по поводу разбора книги О. Миллера „О нравственной стихіи въ поэзіи“ писалъ

слѣдующее: „Разборы подобныхъ книгъ составляютъ подвигъ и подвигъ неблагодарный. Нужно ихъ уничтожить, а для этого надо слѣдить изъ строки въ строку, потому что каждая строка въ нихъ заключаетъ въ себѣ непремѣнно ложь или чепуху". При этомъ онъ указалъ на такой подвигъ, совершенный надъ „Печатной Правдой" г. Жемчужниковымъ. „Разборъ его превосходенъ, но зато вышелъ гораздо обширнѣе самой книжонки" [1]), которая, къ счастію, была не велика. Это вполнѣ оправдывается на „издѣліяхъ" г. Ник. Энгельгардта и Розанова, но достаточно будетъ разобрать „Утилитаризмъ въ искусствѣ", чтобы объ остальныхъ издѣліяхъ сказать вкратцѣ и сократить значительно время на совершеніе „неблагодарнаго подвига".

Въ своихъ „издѣліяхъ" г. Ник. Энгельгардтъ является ярымъ защитникомъ „искусства",—главный врагъ котораго—„утилитаризмъ"—„эта ржавщина и тля искусства, прочная традиція нашей критики". (!) А вотъ и виновники, которые привили „утилитаризмъ" къ нашей критикѣ и погубили „искусство": это Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій.

Г. Ник. Энгельгардтъ произноситъ свой приговоръ, ни на чемъ не основывая его, безъ всякихъ доказательствъ. Иначе и не можетъ быть, такъ какъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что печатаетъ, а его мнѣніе о читателяхъ — совершенно противоположно мнѣнію Н. А. Добролюбова, который, находя, что „та небольшая часть людей, которую мы считаемъ читающей публикой, даетъ право думать, что въ ней охота къ самостоятельной дѣятельности пробудилась уже", считалъ „*весьма неудобнымъ третировать ее свысока и бросать ей сентенціи и приговоры, основанные Богъ вѣсть на какихъ теоріяхъ*".

[1]) Н. А. Добролюбовъ, т. II. стр. 314.

„Самымъ лучшимъ способомъ критики мы считаемъ изложеніе самого дѣла такъ, чтобы *читатель самъ*, на основаніи выставленныхъ фактовъ, *могъ сдѣлать свое заключеніе*. Мы группируемъ данныя, дѣлаемъ соображенія объ общемъ смыслѣ произведенія, указываемъ на отношеніе его къ дѣйствительности, въ которой мы живемъ, выводимъ свое заключеніе и пытаемся обставить его возможно лучшимъ образомъ, но при этомъ стараемся держаться такъ, чтобы читатель могъ совершенно удобно *произнести свой судъ надъ нами и авторомъ*“ [1]). Н. А. Добролюбовъ требовалъ отъ литературы одного качества, безъ котораго въ ней не можетъ быть никакихъ достоинствъ, именно—*правды* (к. авт.), „Надо, чтобы факты, изъ которыхъ исходитъ авторъ и которые онъ представляетъ намъ, были переданы вѣрно. Какъ скоро этого нѣтъ, литературное произведеніе теряетъ всякое значеніе; оно становится даже вреднымъ, потому что служитъ не къ просвѣтленію человѣческаго сознанія, а, напротивъ, еще къ большему помраченію. И тутъ напрасно стали бы мы отыскивать въ авторѣ какой-нибудь талантъ, кромѣ развѣ таланта враля“ [2]).

Г. Ник. Энгельгардтъ смотритъ иначе, не стѣсняясь ничѣмъ.

„Въ литературѣ“, говоритъ онъ, существуетъ *предразсудокъ*, который не поколебленъ до сихъ поръ (!). Именно Добролюбовъ и Чернышевскій, которымъ преимущественно обязана наша критика прививкой утилитаризма, *почитаются у насъ „критиками“*. (Замѣтьте кавычки, которыя означаютъ, что это ложный взглядъ). *Если* критика есть оцѣнка художественнаго достоинства словесныхъ произведеній, то они *болѣе публицисты, чѣмъ критики*. Даже задача писаній (какое пренебреженіе!) Добролюбова—Чернышевскаго была скорѣе *антикритическая:* отвлечь общество отъ искусства и *всѣ силы его ума сосредоточить въ одну точку, на сокрушеніе крѣпостного строя. Цѣль великая и оправдываемая исторической минутой*“.

---

[1]) Курсивъ безъ обозначенія автора—мой.

[2]) Н. А. Добролюбовъ, т. III, стр. 433.

Обратите вниманіе на понятія и логику г. Ник. Энг. Онъ признаетъ критику, въ которой утилитаризмъ сдѣлался прочной ея традиціей,- значитъ признаетъ такъ называемую, выдуманную „утилитарную критику“, основателями которой были (по его мнѣнію, конечно) Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій, а ихъ критиками *не признаетъ*, говоря что они считаются таковыми *по предразсудку*. Кто же они, по мнѣнію г. Ник. Энгельгардта? „Они скорѣе публицисты, чѣмъ критики“, *если* критика есть оцѣнка художественныхъ произведеній (!). Въ концѣ же своего писанія, онъ называетъ задачу ихъ писаній (!) антикритической, воображая, что ante можно прилагать ко всякому слову и вмѣсто, наприм., „жалкій писака“ сказать „жалкій антиписака“ оцѣнка—„антиоцѣнка“, низость—„антинизость“, глупость—„антиглупость“ и т. п.

Очень характерны слова: „если и антикритическая задача писаній“, доказывающія, что г. Ник. Энгельгардтъ, помимо всѣхъ другихъ данныхъ, не имѣетъ никакого понятія, что такое критика. Онъ не можетъ знать, какъ убѣдимся ниже, что Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій были *реальными критиками*, не можетъ знать, что Н. А. Добролюбовъ разбиралъ литературныя произведенія и съ эстетической точки зрѣнія, когда это вызывалось ихъ достоинствами, какъ, напр., романъ Гончарова—„Обломовъ“, повѣсть Тургенева—„Наканунѣ“, признавалъ, что „критика должна служить приложеніемъ вѣчныхъ законовъ искусства къ частному произведенію, должна, какъ въ зеркалѣ, представлять достоинства и недостатки автора, указать ему вѣрный путь, а читателямъ—мѣста, которыми они должны или не должны восхищаться“, но при этомъ объяснилъ, что „эта теорія критики такъ же неприложима бываетъ, какъ и теорія о томъ, какъ сдѣлаться

богатымъ и счастливымъ" [1]. Онъ доказалъ полную негодность теоріи Кошанскаго, Ив. Давыдова и всѣхъ прочихъ, приложивъ ихъ къ „Грозѣ" Островскаго, которая, по ихъ теоріи, не удовлетворяла ни одному требованію, и которая была причиной того, что въ теченіе 10 лѣтъ, объ Островскомъ были самыя странныя, противорѣчивыя понятія, пока его значеніе не опредѣлилъ Н. А. Добролюбовъ. Г. Ник. Энгельгардту слѣдовало бы знать, что антикритика по общепринятому значенію—есть возраженіе на критику; антикритики, возражающіе на критику; но все-таки они будутъ критиками, по сравненію съ тѣми людьми, у которыхъ нѣтъ нужныхъ качествъ для правильной оцѣнки литературныхъ произведеній. У него же слово „антикритикъ"—имѣетъ значеніе, противное слову критикъ. По его словамъ, Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій, какъ будто, не производили оцѣнку литературныхъ произведеній, а пользовались ими для того, чтобы „отвлечь общество отъ искусства и всѣ силы ума его сосредоточить въ одну точку, на сокрушеніе крѣпостного строя"(!). Нелѣпость очевидная, которая ниже обнаружится еще осязательнѣе для г. Ник. Энгельгардта.

Результатъ его умозаключенія выходитъ блистательный! Для этого надо сопоставить слово критикъ со словомъ „антикритикъ", какъ его понимаетъ г. Ник. Энгельгардтъ.

Критики, въ полномъ значеніи этого слова, такъ же рѣдки, какъ и поэты, писатели-художники. Истинный критикъ—обладаетъ исключительнымъ аналитическимъ умомъ, который является во всей своей силѣ при обширномъ, разностороннемъ знаніи, обладаніи самыми возвышенными духовными свойствами, дающими ему

---

[1] Т. III, стр. 560.

возможность анализировать всякое произведеніе, явленіе надлежащимъ образомъ; сразу понять ихъ сущность, достоинства и недостатки, правду, художественность или ложь, пользу или вредъ, слѣдствія, вытекающія изъ нихъ, что недоступно массѣ, почему критикъ становится во главѣ ея, дѣлается ея учителемъ, объясняетъ ей-то, надъ чѣмъ она не будетъ задумываться, чего она не въ силахъ анализировать такъ же ясно, правильно, какъ критикъ.

По понятію же г. Ник. Энгельгардта—„антикритикъ" совершенная противоположность критику, т. е. это человѣкъ, лишенный ума, неучъ, лишенный возможности, вслѣдствіе всѣхъ своихъ отрицательныхъ качествъ, не только понимать правду, художественность, искусство, чужія произведенія, идеи, но даже лишенный возможности понимать то, что онъ самъ говоритъ, не могущій не только разъяснить что-нибудь, но извращающій до безсмыслицы все ясное, чистое, разумное честное и т. д.

Какъ можно выпускать такое слово? Вѣдь факты, мною приводимые въ защиту Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго, неоспоримо докажутъ, что они были истинные критики, вызванные жизнію, которая отразилась въ литературныхъ произведеніяхъ того времени, и они были только вѣрными толкователями жизненныхъ явленій, чего г. Ник. Энгельгардтъ не понимаетъ. Самъ г. Ник. Энгельгардтъ утверждаетъ, что критика до сихъ поръ хранитъ традиціи Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго.

Г. Ник. Энгельгардтъ, какъ увидимъ, даетъ намъ еще нѣсколько опредѣленій. Онъ приводитъ слова протеста петербургскихъ журналистовъ противъ Чичерина въ 1858 г., считая ихъ почему-то особенно сильнымъ доказательствомъ, чего-то ему самому невѣдомаго. Видите ли, въ чемъ сущность. Петербургскіе журналисты

писали: „къ вамъ, молодые люди, къ вамъ, сидящіе еще на скамейкахъ и въ аудиторіяхъ, обращаюсь я теперь,—вамъ выпадаетъ на долю великое, небывалое дѣло... умрите за сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю, умрите за общинное начало".

„Воодушевленные такой опредѣленной цѣлью, корифеи „Современника" не могли не гнать"

„Лѣнивцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой (,)
Единаго прекраснаго жрецовъ".

Вотъ какую силу оказали слова „къ вамъ, къ вамъ" и т. д. на корифеевъ „Современника" (читайте Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго).

Примѣры г. Ник. Энг. не умѣетъ, по-моему, выбирать. Разберите приведенные имъ 3 стиха — этотъ наборъ словъ, доказывающій, что авторъ не думалъ, что писалъ.

Жрецы прекраснаго — праздные лѣнивцы, пренебрегающіе презрѣнной пользой! Что же въ этихъ праздныхъ лѣнтяяхъ прекраснаго? Что они жрецы прекрасного? Да въ чемъ это прекрасное для г. Ник. Энг. заключается? Въ праздной лѣни, въ полной негодности къ чему-нибудь полезному для другихъ? Уже слова праздный лѣнтяй, съ поясненіемъ, что они пренебрегаютъ презрѣнной пользой, показываютъ, что другіе за нихъ дѣлаютъ, думаютъ, работаютъ и имъ все нужное преподносятъ потому, что они жрецы прекраснаго!

Н. А. Добролюбовъ писалъ въ статьѣ „Литературныя мелочи прошлаго года". „Размышленія наши приняли характеръ вовсе не веселый, и потому мы пройдемъ молчаніемъ и грубыя ошибки, и дикія воззрѣнія... *и даже знаменитый „Литературный протестъ"*, эти геркулесовы столбы русской гласности, этотъ несокрушимый памятникъ мелочности прошлогодней литературы. Эти мелочи слишкомъ ужъ мелки" [1]).

[1]) Н. А. Добролюбовъ, т. II, стр. 417. Статья писана въ 1859 г.

Это были „мелочи", мелочи по малому развитію людей, по неподготовленности къ гражданской жизни; люди взрослые переживали то же, что переживаетъ ребенокъ, переходя въ юношескій возрастъ и воображая, что своею рѣчью преобразитъ человѣчество, будучи одушевленъ любовью къ нему, страстнымъ желаніемъ осчастливить всѣхъ, не зная жизни, причинъ извѣстныхъ явленій, не сознавая безполезности словъ. Въ то время много такихъ встрѣчалось юношей и взрослыхъ, такъ же смотрѣвшихъ на жизнь. Эти мелочи неизмѣримо лучше задачи писаній г. Ник. Энгельгардта!

Какое же вліяніе могли имѣть слова „къ вамъ, къ вамъ" и т. д. на такіе умы, какими обладали корифеи „Современника?"

Теперь ложь г. Ник. Энг. будетъ все ярче и ярче, равно и его логика, и его новое ученіе о нравственности начала XX столѣтія.

„Эти жрецы искусства -художества" способны были „сердца волновать и мучить". Вотъ поклонникъ-то искусства, ради искусства! „Вожаки общества (значитъ Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій) боялись этихъ чаръ". Да что говорить о „чарахъ" — ихъ всѣ боятся! „Они боялись не только чистаго искусства, но и чистой мысли, и чистаго знанія". Боялись потому, что „подъ всѣмъ одна подкладка — *разрушеніе «голостного права»*". „Во всемъ *утилитаризмъ, вкусъ реформъ*!"

Значитъ Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій — утилитарные критики, скорѣе публицисты, чѣмъ критики, антикритики, еще люди, боявшіеся искусства, чистой мысли и чистаго знанія. „Какъ вы разберетесь въ этихъ опредѣленіяхъ, заключающихъ въ себѣ такое могучее мышленіе? О г. Ник. Энгельгардтъ! повѣдайте мнѣ, что такое логика, что такое истина, знаніе, пониманіе того, о чемъ человѣкъ говоритъ, пишетъ, печа-

таетъ и еще множество вопросовъ, вызываемыхъ „утилитаризмомъ въ искусствѣ?"

„Они боялись, что общество заглядится на Рафаэля, забудется съ Кантомъ (ого!), *замечтается съ Эвклидомъ* (обратите вниманіе!), *зачаруется* съ Пушкинымъ, заслушается Моцарта! Все, что хотите, понимаетъ г. Ник. Энгельгардтъ: художество, философію, затѣмъ... Г. Ник. Энгельгардтъ не сказалъ, съ какимъ Эвклидомъ... можетъ замечтаться общество... съ геометромъ Эвклидомъ или такъ называемымъ философомъ.

Съ Эвклидомъ изъ Тироса, жившимъ за 300 лѣтъ до Рожд. Хр., не могло замечтаться общество, такъ какъ его геометрія, сочиненія о дѣленіяхъ, оптика и Дата—основы астрономіи не способствуютъ мечтаніямъ. да и что они значатъ съ тѣмъ, что сдѣлано въ настоящее время по математикѣ и астрономіи. Значитъ корифеи „Современника" боялись, чтобы общество не замечталось съ другимъ Эвклидомъ—Мегарскимъ, такъ называвшимся „философомъ". Но вѣдь это пустой болтунъ, про котораго Сократъ сказалъ, что онъ людьми не овладѣетъ, а софистами: Этотъ человѣкъ всю жизнь положилъ на споры, чтобы доказать сначала одно, а потомъ противоположное! О г. Ник. Энгельгардтъ! Какъ неосторожно, помимо воли г. Ник. Энгельг., пишетъ его перо, и до чего оно его доводитъ! Можно ли замечтаться съ Эвклидами! Ай, ай!

Ну, послѣ такого *скандала пера*, оставимъ Пушкина и Моцарта въ покоѣ, да и Канта, конечно, и Рафаэля лучше бы не трогать!

Быть можетъ, читатели развеселятся, когда узнаютъ, что корифеи „Современника",—эти злодѣи, „готовы были обрубить пальцы Рафаэлю, (!) выколоть глаза Эвклиду (!!) отрубить голову Пушкину (!!!), если бы этого потребовала „общая польза". „Несомнѣнно, что такія вожделѣнія могли питать только враги искусства!"

Слова „общая польза“ въ кавычкахъ для того, чтобы показать, что Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій не понимали, въ чемъ она заключается.

Вотъ что надѣлали Эвклиды, съ которыми можетъ замечтаться во всемъ мірѣ одинъ г. Николай Энгельгардтъ, а также его предательское перо, которое заставляетъ своего владѣльца забывать все, что онъ напишетъ! Сокрушеніе крѣпостного строя, стремленіе къ достиженію блага для возможно большого числа людей, этотъ „жупелъ“, реформы—реформы великія, которыя будетъ превозносить самъ г. Ник. Энгельгардтъ,—это уже не общая польза, разъ замѣшалось между этимъ „искусство“ г. Ник. Энгельгардта! Совершенно основательно! Обратите вниманіе, съ какой обдуманностью, съ какимъ остроуміемъ, мало—съ какимъ сарказмомъ выбираетъ примѣры враждебности къ „искусству его,—г. Ник. Энгельгардта“, корифеевъ „Современника!“ Что могло лучше, ядовитѣе выразить ихъ злобу, ненависть какъ способность обрубить пальцы Рафаэлю, выколоть глаза Эвклиду и отрубить голову Пушкину!..

Чего добраго мнѣ не повѣрятъ, что въ „Нов. Вр.“ можно печатать такой безсмысленный наборъ словъ. Это напечатано въ концѣ 5 и началѣ 6 столбца писанія г. Ник. Энгельгардта. „Впрочемъ, этого хоть пять лѣтъ сиди не выдумаешь“, какъ говоритъ Н. А. Добролюбовъ.

Выходитъ у г. Николая Энгельгардта то же „единство смѣси“, какъ у Ор. Миллера, который вывелъ заключеніе, что походы Александра Македонскаго, великое переселеніе народовъ, крестовые походы произошли для того, чтобы произвести поэзію, смѣшанную изъ разныхъ элементовъ, но „общую всей Европѣ“. При этомъ онъ наивно заявляетъ: „единство ея было *единство смѣси*, но это была переходная ступень къ поэзіи *органически единой*, къ общечеловѣческой поэзіи христіан-

ства" [1]. „Единство смѣси у г. Ор. Миллера тѣмъ болѣе характерно, что можетъ служить необыкновенно мѣткой характеристикой собственнаго труда его", говоритъ Н. А. Добролюбовъ. Не правда ли, что у Ник. Энг. и О. Миллера одинаковы логика, знаніе того, о чемъ они пишутъ, равно и выводы? Понятія Ник. Энгельг.— смѣсь, а единство этой смѣси Н. А. Добролюбовъ—Чернышевскій. Разницы между ними г. Ник. Энг., конечно, знать не можетъ, почему и пишетъ „писанія Добролюбова—Чернышевскаго!"

Посмотримъ далѣе, къ чему придетъ логика и знаніе г. Ник. Энгельгардта.

Онъ опять повторяетъ то же, что раньше говорилъ,—характерное явленіе, показывающее качество его мышленія. „Цѣль критики была одна—отвлечь общество отъ искусства" и т. д., *„всѣ силы его употребить, какъ могучій рычагъ*, дабы сдвинуть Россію съ мертвой полосы и направить въ бурное море реформъ". Кажется, что потомство должно только возвеличить такую критику, преслѣдовавшую такую святую цѣль.

Но г. Ник. Энгельгардтъ думаетъ иначе. „Признавая святость цѣли—до которой однако искусству не было никакого дѣла, такъ какъ *художникъ изображалъ душу человѣческую, а „не ревизскую"* (!),—историческая минута оправдывала подобную „критику". Но послѣ 19 февр. 1861 г. *она теряла всякій смыслъ* (!!!). „Въ освобожденной Россіи (внимайте!) *открылось сразу мѣсто* для всѣхъ потребностей человѣческихъ, изъ которыхъ *высшее, конечно, искусство, чистая мысль и отвлеченная наука.* Наканунѣ 19 февр. критикъ-публицистъ (ого! безъ кавычекъ—значитъ Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій критики-публицисты!) имѣлъ полное право сказать поэту, ученому, философу: стыдно вамъ, господа, изучать строеніе комариnаго глаза и т. п. чепуху [2]), „но

[1] Н. А. Добролюбовъ, т. II, стр. 317—318.

[2] Чепухой называю я, а не г. Ник. Энгельгардтъ, думающій, что его мысль—великая мысль!

послѣ 19 февр. этого права критикъ лишался (теперь уже враги искусства, чистой мысли и т. д. стали критиками). *Для того и реформы дѣлались, чтобы мыслить и творить*".

„Издѣлія", подобныя „Утилитаризму въ искусствѣ" и прочимъ, исходящимъ отъ пера г. Ник. Энгельгардта, какъ видите, нужно разбирать подробно, насколько это возможно, такъ какъ только при этомъ условіи можно насладиться ихъ красотами. Дѣйствительно, что можетъ быть лучше того, что мы узнали отъ г. Ник. Энг.? „*Историческая минута*, признавая святость цѣли, хотя и оправдывала „критику", но такъ какъ „искусству" г. Ник. Энг. до ея святости не было никакого дѣла, потому что его „искусству" не было дѣла до живой ревизской души, а только до „человѣческой", которая могла появиться только на холстѣ художника, въ статуѣ, то послѣ 19 февр. критикъ лишался права стыдить ученаго за *изученіе строенія комариная глаза*, поэта... ну, да достаточно и комариная глаза, чтобы понять величіе и правоту какъ пера автора, такъ и его „искусства". Реформы сдѣлались, и довольно критикѣ заявлять о себѣ! Всѣ стали *творить* и *мыслить*. Мы что-то не замѣчаемъ этого творчества и мысли въ разбираемомъ „издѣліи" г. Ник. Энгельгардта. Образецъ, представленный авторомъ „Утилитаризма", необыкновенной важности для его „искусства" но... не для творчества и мысли!

Я пока помолчу о вліяніи литературы на освобожденіе крестьянъ, реформы, что выяснилъ Н. А. Добролюбовъ, а буду основываться на словахъ г. Ник. Энгельгардта.

Г. Ник. Энгельгардтъ, къ великому моему изумленію, пишетъ нашимъ критикамъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ *панегирикъ, даже не понимая этого*. Онъ выставляетъ ихъ геніями, великими реформаторами, могшими устремить всѣ силы общества, чтобы освобо-

дить десятки милліоновъ крестьянъ; сдвинуть Россію съ мертвой полосы въ море величайшихъ реформъ; открыть новую эру, явившуюся самымъ свѣтлымъ, полнымъ возвышенныхъ надеждъ, временемъ для Россіи. съ чѣмъ не согласятся только враги прогресса, которымъ чуждо все хорошее! Эти утилитарные критики, болѣе публицисты, чѣмъ критики, враги искусства и т. д., затѣмъ опять критики-публицисты и наконецъ критики, по волѣ предательскаго пера г. Ник. Энгельгардта, должны быть чтимы, какъ величайшіе, гуманнѣйшіе, умнѣйшіе, благороднѣйшіе реформаторы, передъ которыми долженъ преклониться весь міръ! Ихъ имена должны быть извѣстны всѣмъ съ малыхъ лѣтъ, какъ благодѣтелей человѣчества! Ихъ сочиненія должны быть настольной книгой всякаго юноши, чтобы развить въ немъ такія же возвышенныя чувства, стремленіе ко всему честному, благородному, великому и дать всякому возможность научиться пріобрѣсти ту же мощь, могущую творить величайшія дѣла! Что можетъ быть выше того, на что направляли всѣ силы общества наши критики? Что можетъ быть выше утилитаризма, приведшаго къ такимъ великимъ реформамъ! Что значатъ, въ сравненіи съ ними, величайшіе поэты, писатели, художники всего міра! Это пигмеи, служившіе самой незначительной части высшаго общества, чуждые народу, ему невѣдомые, для него безполезные, услаждавшіе вкусы изнѣженныхъ сибаритовъ, часто неспособныхъ сдѣлать что-либо для тѣхъ, которые даютъ имъ все для беззаботной, веселой жизни!

Неужели г. Ник. Энгельгардтъ не пойметъ этого, прочтя эти строки, вызванныя признаніемъ его пера, такъ злобно его предающаго? А если пойметъ, неужели не станетъ ему стыдно за свои издѣлія?

Что это за „искусство", которому не только не было дѣла до освобожденія крестьянъ, величайшихъ реформъ,

„поворота Россіи съ мертвой полосы", но всѣ великія дѣла губили его? Что это за „искусство", которое могло развиваться, когда были десятки милліоновъ крестьянъ—рабами, когда „Россія была въ мертвой полосѣ?" Какъ только реформы совершились,—сейчасъ же явилось искусство, чистая мысль, чистая наука, Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій стали вредны, а г. Ник. Энг. съ его „искусствомъ" является творцомъ и мыслителемъ!

Такъ ли это? Мы видимъ это „искусство", эту „чистую мысль" и эту „чистую науку" по прошествіи 41 года! Чего стоятъ слова „антикритическая задача писаній", чего стоятъ Эвклиды, не говоря уже о всемъ прочемъ. Вѣдь критика шестидесятыхъ годовъ, поучи она насъ еще лѣтъ десять, навсегда избавила бы Россію отъ „издѣлій", подобныхъ разбираемому!

„Г. Ник. Энгельгардтъ объяснитъ намъ потомъ, въ чемъ состоитъ его „искусство", которому не было дѣла, дѣйствительно, до всего великаго и которому былъ страшнымъ врагомъ утилитаризмъ это ученіе о достиженіи блага для возможно большаго числа людей,—этотъ „жупелъ" г. Ник. Энгельгардта!

Но какъ же люди, лишенные понятія объ искусствѣ, лишенные чистой мысли и чистой или отвлеченной науки, такъ какъ иначе они не боялись бы ихъ, не гнали бы и не были бы врагами, какъ увѣряетъ перо г. Ник. Энгельгардта, эти *„антикритики"* могли, во-первыхъ, направить всѣ силы общества на достиженіе желаемыхъ ими величайшихъ дѣяній, и, во-вторыхъ, такъ твердо привить свои традиціи, что, по прошествіи 40 слишкомъ лѣтъ (по увѣренію г. Ник. Энгельгардта, конечно) онѣ несокрушимы? На первый вопросъ даже перо самого г. Ник. Энгельгардта не могло отвѣтить! И для него это необъяснимо! На второй же вопросъ—отвѣтъ очень простъ, но къ его разрѣшенію сразу перо

г. Ник. Энгельгардта не приступаетъ, а продолжаетъ пережевывать то же самое, имѣющее такую же прелесть, какъ и все, сошедшее съ него.

Что же сказать утилитарной критикѣ (вотъ смѣсь-то!), которая (о ужасъ!) черезъ 40 лѣтъ *послѣ освобожденія* продолжаетъ хранить традиціи Добролюбова и Чернышевскаго? Чѣмъ могутъ оправдать эти [1]) „пребывшіе вѣрными“ *рыцари Гринвальюсы* (это стоитъ выраженія „замечтаться съ Эвклидомъ“!) нашей журналистики свою „критику“, продолжающую, и *не безъ успѣха*, отвлекать общество отъ *чистаго искусства, чистой мысли и чистой науки!* Во имя какого *общественно-политическаго „дѣланія“* [2]) *отравляютъ они мысль и художество ржавчиной утилитаризма“?*

Какъ видите, г. Николай Энгельгардтъ страстно хочетъ увѣрить, что онъ обладаетъ тѣмъ, чего, какъ мы убѣдились, у него нѣтъ и на каждой строчкѣ готовъ повторять „искусство“, чистая мысль, чистая наука, забыться съ Кантомъ (ха, ха, ха!) замечтаться съ Евклидомъ!!!

А вотъ начало послѣдней фразы — „во имя какого общественно-политическаго дѣланія“ и т. д. показываетъ его новое свойство, которое я не рѣшился предположить въ немъ въ началѣ статьи и которое показываетъ, что онъ способенъ принять на себя очень неблаговидную роль, дѣлая такіе вопросы, какъ бы кивая на „этихъ пребывшихъ вѣрными“, которые отравляютъ такую „чистую мысль и художество“, какое выказалъ г. Николай Энгельгардтъ—ради какого-то „политическаго дѣланія!“ Что онъ хотѣлъ этимъ ска-

[1]) Выходитъ по смыслу, какъ будто „*эти*“—Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій!

[2]) Не понимаю, почему г. Ник. Энг. ставитъ кавычки надъ словомъ „дѣланія“. Никто вѣдь не выдумаетъ такихъ словъ какъ онъ, обогатившій ими „Нов. Вр.“! Сразу видно, чье слово выпущено

зать? На что киваетъ? По какимъ даннымъ? Но онъ также свѣдущъ, конечно, относительно литературы, и выдуманныхъ имъ „этихъ", какъ о Н. А. Добролюбовѣ и Н. Г. Чернышевскомъ. Онъ вѣдь не знаетъ, что ихъ критика, да и вся наша критика и литература не касалась общественно-политическихъ вопросовъ иначе, какъ съ разрѣшенія, что и доказывать не нужно, такъ какъ это всѣмъ извѣстно, и что критика никогда не выходила за предѣлы того, что относилось къ разбираемому произведенію.

Въ то время, какъ я написалъ эти строки и взялъ „Нов. Вр.", мнѣ попалась на глаза корреспонденція Н. Н. Сибяряка („Новое Время" № 9214)—„Уголовный романъ", „Виноваты философы"—о процессѣ студента Фишера, убившаго Марфу Амбергъ, въ которой говорится, что нашлись люди, объяснившіе причину убійства чтеніемъ сочиненій Ницше и Шопенгауера. Н. Н. Сибирякъ вспомнилъ фактъ изъ русской жизни про еврея, лишившаго себя жизни. Его нашли сидящимъ въ креслѣ, на столѣ передъ нимъ лежала развернутая книга—„Критика чистого разума" Канта.

Вотъ заключеніе сотрудника „Нового Времени", такъ сказать товарища г. Ник. Энгельгардта по поводу означенныхъ мнѣній.

„Руководствуясь такимъ фактомъ, нѣкоторыя изъ русскихъ газетъ указывали на „безотрадность Кантовской философіи, которая ведетъ къ самоубійству". Такого рода обвиненія возводимыя на философовъ по поводу столь ничтожныхъ фактовъ, общи не только русскимъ, но и нѣмцамъ: это не единичныя явленія, а типичные образчики отношенія къ великимъ философскимъ системамъ со стороны лицъ, которые *при слабости собственной мысли*, сильны и падки только на брюжжанія и эксплуатацію повседневныхъ событій съ *цѣлью возбудить или подозрѣніе, обвиненіе, запрещеніе и прочее*".

Прибавлять къ этимъ строчкамъ нечего.

Избѣгая новаго повторенія тѣхъ же вопросовъ, которые были раньше, что г. Ник. Энгельгардтъ находитъ очень удобнымъ для себя, я обращаю вниманіе на исключительный фактъ: перо можетъ писать помимо сознанія того, кто имъ водитъ, что такъ блистательно доказываетъ авторъ.

Перо его отвѣтило всего-то нѣсколькими строками выше на вопросы о Н. А. Добролюбовѣ и Н. Г. Чернышевскомъ, признавъ ихъ величайшими людьми въ мірѣ, а г. Ник. Энгельгардтъ опять перефразируетъ тѣ же безконечные вопросы о значеніи ихъ критики!

Предательское перо автора знаменитаго „издѣлія" „Утилитаризмъ въ искусствѣ", сказало уже слѣдующее: „если люди совершили такія великія дѣла, о которыхъ я оповѣстило", *святость „которыхъ" признала даже историческая минута* (!), то ихъ критика является откровеніемъ, истиной, затронувъ въ обществѣ всѣмъ понятныя, естественныя стремленія, вызвавъ его къ дѣятельности; достигнувъ такихъ величайшихъ результатовъ, которые, если бы эти великія дѣла развивались свободно, привели бы теперь русскій народъ къ такому благополучію, что открылось бы широкое поле мыслить и творить, не такъ, конечно, какъ эту мысль и творчество понимаетъ г. Ник. Энгельгардтъ, а въ полномъ значеніи слова, и у насъ явились бы и поэты, и писатели - художники, и критики; явилось бы знаніе настоящее, а не знаніе только о томъ, что существовалъ Кантъ, Эвклидъ, рыцари *Гринвальюсы* (!) и т. п.

Если мы изучаемъ жизнь чуждыхъ намъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ, стараемся выяснить ихъ перевороты, причины ихъ и слѣдствія, ища разрѣшенія различныхъ вопросовъ, изучаемъ чуждую намъ литературу, писателей, поэтовъ, жившихъ за сотни лѣтъ до нашего времени, исторію, жизнь людей, бившихся за свободу совѣсти, гражданскую свободу, за независимость

родины, за реформы, нужныя для блага ихъ народа, ихъ возвеличиваемъ, стараемся развить тотъ же великій духъ, ту же мощь въ нашихъ дѣтяхъ, то критика, наша родная критика, могшая силотить все общество для совершенія великихъ дѣлъ,—должна служить основаніемъ къ воспитанію юношества, развивая въ немъ то же стремленіе къ великому, какое было въ основателяхъ такой критики, ведя его къ совершенію новыхъ великихъ дѣлъ, какъ открывшая вѣчные законы! Такая критика вѣчна!

„А г. Ник. Энгельгардтъ пишетъ: „Пережитки историческаго мгновенія", „они не оправдываются ничѣмъ" и, хлопоча о томъ, „чтобы царили наши Мачтеты", безсмысленно пытаются убить родную литературу". (Какія выраженія!!).

Ну, что же нападать на Мачтетовъ, когда перо г. Ник. Энгельгардта заявило въ томъ же изданіи, о чемъ я сообщу ниже, что онъ переживаетъ сладкія минуты дѣтства съ такими изданіями, какъ „*Гукъ, или непобѣдимая вѣрность*", „*Битва русскихъ съ кабардинцами*". Предательское перо, съ которымъ авторъ никакъ не совладѣетъ!

Вотъ шалости пера г. Ник. Энгельгардта даютъ „тему", хотя и не „великихъ", но все-таки „размышленій для XX вѣка и не „созрѣвающему философу", разумѣется, такъ какъ онъ даже не примѣтилъ особенность логики г. Ник. Энгельгардта, что указываетъ на тождественность ихъ логики, а всякому разумному человѣку.

И что необыкновенно въ логикѣ г. Ник. Энгельгардта—это восторженное расхваливаніе идей и дѣяній шестидесятыхъ годовъ, въ № 9292 „Нов. Вр.", въ знаменитомъ изданіи „Наслѣдіе шестидесятыхъ годовъ". Эти идеи и дѣянія шестидесятыхъ годовъ называетъ онъ „Ормуздомъ".

Въ каждой фразѣ видна его слабость казаться необыкновеннымъ ученымъ и т. п. Не вѣрите?

Извольте прочесть.

„Наслѣдіе шестидесятыхъ годовъ"—рядъ великихъ идей. „Эти идеи облеклись плотью и кровью". „Эти идеи стали идеями—силами, творческими началами русской жизни, общественной, народной". „Эти идеи—крестьянскій надѣлъ, освобожденіе 22 мил. съ землей (кого?), пониманіе, что земля—основа народной свободы, экономической независимости, политической самостоятельности (какъ увлекся г. Ник. Энгельгардтъ!) и что не можетъ существовать большаго бѣдствія, какъ народное обезземеленіе".

„Эти великія идеи—начало свободы духовныхъ проявленій народа, его совѣсти, его слова (увлеченіе растетъ!), принципъ гласности въ судебныхъ и другихъ установленіяхъ, право *громкому, смѣлому голосу правды безопасно разноситься по русской землѣ*, (не правда ли сильно сказано: увлеченіе все возвышается!), а не только *благонамѣренной фистулѣ* (это что такое?) льстить и поддакивать; широкая терпимость. Эти великія идеи — *воскресшее, древнее начало мѣстнаго самоуправленія*, какъ обязанности каждаго гражданина не замыкаться въ эгоистической отчужденности отъ общественнаго блага и дѣла, но полагать въ нихъ свой личный интересъ и гордость". Г. Ник. Энгельгардтъ, какъ видите, обладаетъ чрезвычайнымъ обиліемъ словъ, хотя оборотъ рѣчи сильно хромаетъ.

„Эти великія идеи—гуманность, уваженіе къ чужой личности, къ человѣческому достоинству". „Эти великія идеи—равноправность женщины, признаніе ея права на просвѣщеніе, образованіе, трудъ, общественное служеніе".

„*Всѣ эти великія идеи составляютъ драгоцѣнное наслѣдіе шестидесятыхъ годовъ. Онѣ вошли въ плоть и кровь нашего общества, живутъ въ немъ, какъ нравственный инстинктъ, какъ мѣрило добра и зла. И невозможно себѣ представить, какъ бы могло русское общество отъ нихъ отказаться*". Это на 80 или болѣе строчкахъ! Каково?

Вы поражены? Есть отъ чего поразиться! Какое же

заключеніе изъ признанія г. Ник. Энгельгардтомъ величія идей и дѣлъ шестидесятыхъ годовъ? А вотъ оно вкратцѣ.

„И положительно не требуется для охраненія «тихъ *святыхъ идей*“ паряжать особого надзирателя изъ *среброкудрыхъ* „шестидесятниковъ“ (въ кавычкахъ!), который ходилъ бы съ *ведромъ разведенной голландской сажи въ одной рукѣ и помазкомъ въ другой* и прислушивался, не ведетъ ли кто бесѣду непотребную и не попоситъ ли хульными, пустошными рѣчами „наслѣдіе“, *чуть заслышалъ помазокъ въ сажу и заклеймилъ*“.

„Вы опять поражены, поражены неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ при восхваленіи „наслѣдія шестидесятыхъ годовъ“. Но это не конецъ. Г. Ник. Энгельгардту всегда что-нибудь „скажутъ“. То же случилось и теперь. „Мнѣ скажутъ“: До сихъ поръ вы говорили объ Ормуздѣ шестидесятыхъ годовъ, а гдѣ же обѣщанный Ариманъ?“ (Не правда ли, какъ остроумно?).

Вотъ теперь Ариманъ уничтожитъ Ормузда, несмотря на все его величіе. Знаете ли, кто этотъ Ариманъ—„единое равное смѣси!“ Писемскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій и гр. Левъ Ник. Толстой (хорошо что къ нему есть почтеніе), Герценъ, наконецъ Щедринъ-Салтыковъ въ сатирахъ, Хвощинская (Крестовскій)—смѣсь, а единство—Ариманъ. Г. Ник. Энгельг. не включаетъ въ смѣсь молодыхъ писателей Лѣскова, Клюшникова, Авенаріуса, Всеволода Крестовскаго, Кущевскаго. Затѣмъ перечисляются ихъ произведенія и ставится вопросъ...

„Какъ объяснить тотъ фактъ, что *такіе умы, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Герценъ и Писемскій такъ безпощадно рѣзко отнеслись къ шестидесятымъ годамъ?*“ Въ подтвержденіе же своихъ словъ, что шестидесятые годы *не Ормуздъ уже, а Ариманъ*, г. Ник. Энгельгардтъ вытащилъ на сцену гг. Скабичевскаго, Тургенева и всѣхъ прочихъ. Г. Скабичевскій—это жертва, которому ста-

вится въ вину его „Исторія“, которая вышла 4 изданіемъ,—это „среброкудрый шестидесятникъ“, представитель сначала Ормузда, а потомъ Аримана. Г. Ник. Энгельгардтъ не упустилъ даже случая замѣтить мелочь у г. Скабичевскаго, написавшаго „является явленіемъ“. „является явленіемъ... Гм“,—ядовито замѣчаетъ г. Энгельгардтъ!

А самъ заявилъ, что онъ сынъ трехъ отцовъ Тургенева, Достоевскаго и Герцена! „Мои отцы — Тургеневъ, Достоевскій, Герценъ“ [1]). Удивительное чудо природы!

На все, что выписалъ г. Ник. Энгельгардтъ, отвѣчать невозможно, такъ какъ все выписанное—вздоръ, не идущій къ дѣлу, и если начать разборъ серьезно, то придется написать цѣлые томы, что не составляетъ задачи этой статьи.

Суть заключается въ томъ, что Тургеневъ и другіе высказали отрицательное мнѣніе о шестидесятыхъ годахъ (!); въ своихъ произведеніяхъ они вывели тѣхъ людей, которые появились въ то время и были въ дѣйствительности и которые являются Ариманомъ. Что это были за люди? Люди несимпатичные или скверные, ненормальные, которые и производили такое впечатлѣніе, какъ, напримѣръ, Волоховъ, который возмущалъ, какъ и другіе, всѣхъ порядочныхъ людей. Учили ли безнравственности, преступленію писатели шестидесятыхъ годовъ, дѣятели того времени? Перо г. Ник. Энгельгардта само сознаетъ, что въ эти годы совершались только великія дѣла, идеи были великія, творческія, царила гуманность и т. д., провозвѣстниками которыхъ г. Ник. Энгельгардтъ называетъ Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго! Опять мы приходимъ къ тому же вопросу—какъ же великія идеи, идеи творческія, гуман-

[1]) „Нов. Вр.“ № 6202, 3 столбецъ, 8 строка снизу.

ныя, свободно распространявшіяся по русской землѣ и т. п. могли выработать изъ всѣхъ людей „Аримана“ г. Ник. Энгельгардта? Если онъ вздумалъ разбирать жизненное явленіе, то какъ же онъ хочетъ дать какое-нибудь представленіе, догадку хотя, наборомъ пустыхъ словъ, ничего не объясняющихъ указаній? Выведенныя въ произведеніяхъ Тургенева, Гончарова и всѣхъ прочихъ писателей личности не имѣютъ никакого отношенія къ критикѣ, которой его перо только что восторгалось. Я подберу сейчасъ факты, которые по логикѣ г. Ник. Энгельгардта приведутъ къ самому нелѣпому выводу. Всѣ, кто исповѣдуетъ ученіе Христа проникновенно, преклоняется передъ этимъ ученіемъ, сознаютъ его высоту, до которой человѣкъ никогда не достигнетъ, не имѣя возможности быть настолько совершеннымъ, чтобы приблизить себя къ великой истинѣ.

Это величайшее ученіе о любви къ ближнему, кротости, милосердіи, терпѣніи, всепрощеніи, полномъ отреченіи отъ земныхъ благъ, самопожертвованіи, цѣломудріи, не измѣнило нравственность людей до сихъ поръ, хотя смягчило ее. Пытки, заточенія, сжиганіе на кострахъ, учрежденіе инквизицій, религіозныя войны, поголовное избіеніе въ Варфоломеевскую ночь (1572 г.), 32.000 гугенотовъ, преслѣдованія въ Англіи пуританъ (1620 г.), квакеровъ (1656 — 1658 гг.), оставляютъ въ теченіе многихъ столѣтій широкую кровавую полосу въ государствахъ, гдѣ развитіе людей было выше, чѣмъ въ остальномъ мірѣ! У насъ въ первой половинѣ настоящаго столѣтія сектантовъ садили въ остроги, ссылали въ Сибирь! Война до сихъ поръ не вывелась; государства напрягаютъ всѣ силы, чтобы имѣть лучшее оружіе, возможно большія арміи для истребленія людей! Создалось особенное ученіе о нравственности военнаго сословія! Вражда, ненависть до сихъ поръ еще существуетъ между людьми разной вѣры! Факты

такіе ужасные, передъ которыми герои Тургенева, Гончарова и всѣхъ другихъ писателей—самое ничтожное зло.

Какъ же разсматривать эти явленія при знаніи и логикѣ Ник. Энгельгардта, на основаніи даннаго имъ образца? Сказать сначала, что ученіе христіанское великое ученіе, распространиться о его величіи, затѣмъ сообщить, что такіе-то *историки* писали о такихъ-то и такихъ-то лицахъ (историческихъ лицахъ, замѣтьте, а не романическихъ), которые жгли на кострахъ, пытали и т. д., за что отнеслись къ этимъ лицамъ „безпощадно рѣзко", слѣдовательно... Къ чему приведетъ чистая наука, мысль и логика г. Ник Энгельгардта, упоминаніе Эвклидовъ, Канта, рыцарей *Гринвальюсовъ*, Ормузда, Аримана и т. д., наравнѣ съ „Гуакъ или непобѣдимая вѣрность. Битва русскихъ съ кабардинцами", заставляющія „переживать сладкія минуты дѣтства?" Вспомнимъ, кстати, и корреспонденцію г. Сибиряка.

Г. Ник. Энгельгардтъ не понимаетъ, что всѣ отрицательныя стороны, во время распространенія христіанской вѣры, оказываютъ опять-таки совершенно противное тому, къ чему приводитъ его „знаніе" и логика: великое ученіе Христа выше пониманія и нравственности людей даже въ настоящее время, за исключеніемъ ничтожнаго числа избранныхъ. Люди до сихъ поръ соблюдаютъ только обряды, не имѣя силъ подавить въ себѣ всѣ скверныя стороны души, которыя при все большемъ развращеніи людей, лишаютъ ихъ возможности понять и проникнуться великой истиной Увѣряя, что они христіане, люди обманываютъ себя и другихъ по прошествіи XIX столѣтій, и этотъ обманъ, безъ соглашенія, условленъ между всѣми! Если бы великое ученіе Іисуса Христа люди усвоили бы и проникнулись имъ - на землѣ воцарился бы миръ и благоденствіе и все то отвратительное, противное духу хри-

ствіской религіи, что царствуетъ на землѣ, исчезло бы навсегда! Но люди, такъ называемые христіане, не могутъ разстаться съ такъ называемыми благами земными, и ради нихъ, обманывая себя и всѣхъ, сохраняя только одинъ формализмъ, творятъ преступленія и мыслью, и дѣлами, оставаясь, по сущности своей, до сихъ поръ язычниками! Вѣра безъ дѣлъ мертва есть, училъ Христосъ. Чтобы сдѣлаться вѣрнымъ этому, надо разстаться со всѣмъ, что считается до сихъ поръ благомъ человѣка, что вошло въ нашу плоть и кровь и что все болѣе и болѣе дѣлаетъ человѣчество неспособнымъ проникнуться высокимъ, единственно благимъ ученіемъ! Если бы человѣчество поняло сущность евангельскаго ученія, прониклось бы имъ вполнѣ оно немедленно достигло бы того счастья, которое безъ этого немыслимо, и пройдутъ еще многія сотни лѣтъ прежде, чѣмъ нравственныя понятія измѣнятся настолько, что жизнь огромнаго большинства людей сдѣлается лучше.

Мнѣ кажется, что достаточно сказаннаго, чтобы не разъяснять дѣйствительныхъ причинъ тѣхъ ужасовъ, которые совершались какъ бы въ защиту христіанской религіи, а въ сущности ради власти, корыстолюбія, основаннаго на обманѣ, что особенно ярко въ католичествѣ; эти причины должны быть извѣстны всякому образованному человѣку.

„Надѣюсь, что всякій здравомыслящій человѣкъ согласится со мной и уже пришелъ къ заключенію, что, если бы г. Ник. Энгельгардтъ читалъ и понялъ бы сочиненія Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго, то пришелъ бы въ ужасъ и отъ лучшихъ издѣлій, чѣмъ его, въ которыхъ проявилось бы только легкое, ложное осужденіе кого-либо или чего-либо; понялъ бы онъ, что такая критика, какою онъ намъ, по своей недогадливости, по своему невѣдѣнію, представилъ критику Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго, не могла породить тѣхъ героевъ Тургенева, Гончарова и всѣхъ про-

чихъ писателей, которыхъ онъ беретъ въ доказательство его необычайныхъ понятій, а явились они вслѣдствіе другихъ причинъ, и сочиненія названныхъ авторовъ были имъ совершенно неизвѣстны, иначе, если бы они ихъ прочли и поняли, то въ нихъ развилась бы честь, сознаніе долга всѣ возвышенныя качества, и ихъ мозгъ научился бы различать добро и зло, низость и благородство".

Какъ ни велики Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій по тѣмъ данными, которыя сообщило намъ перо г. Ник. Энгельгардта, помимо его сознанія, какъ будто онъ дѣлалъ свой наборъ изо всего, что ему только попадалось подъ руку, лишь бы набрать извѣстное количество строкъ для фельетона, истина требуетъ сказать, что онъ *все выдумалъ*, или надъ нимъ кто-нибудь зло подшутилъ, относительно величія ихъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, поворота Россіи „съ мертвой полосы" и т. д. Ихъ величіе заключается въ ихъ могучемъ аналитическомъ умѣ, въ ихъ благородномъ вліяніи на всѣхъ, кто ихъ читалъ и понялъ, въ ихъ безукоризненной нравственности, противъ чего безсильна злоба и клевета, которой и они, какъ всѣ выдающіеся люди, не избѣжали; въ глубочайшемъ, точномъ, разнообразномъ знаніи, что доказываютъ ихъ творенія, въ томъ великомъ качествѣ, что они опередили свое поколѣніе, да и настоящее, на сотни лѣтъ и давно рѣшили тѣ вопросы, съ которыми мы безъ толку возимся до сихъ поръ и будемъ также безъ толку возиться еще десятки лѣтъ! Ихъ сочиненія все болѣе и болѣе будутъ читаться и пониматься, развивая самыя лучшія чувства, и пока въ Россіи будетъ литература, будетъ потребность имѣть вѣрнѣйшую, справедливѣйшую оцѣнку литературныхъ произведеній, въ ихъ критикѣ будетъ все большая и большая потребность, и не только г. Ник. Энгельгардту, Розанову этимъ послѣдователямъ еврея Волынскаго, но и

никому не снять ихъ съ того пьедестала, который воздвигла имъ самая лучшая часть общества! Эти слова, по прошествіи 40 лѣтъ со смерти Н. А. Добролюбова, никогда не раздававшіеся до сихъ поръ, лучшее доказательство того, что ихъ творенія лучше поняты, чѣмъ раньше!

Н. А. Добролюбовъ въ статьѣ „Литературныя мелочи прошлаго года" доказываетъ, что наша литература не имѣла никакого вліянія ни на освобожденіе крестьянъ, ни на реформы, ни даже... на проведеніе желѣзныхъ дорогъ, начиная говорить обо всемъ только тогда, когда появлялись правительственныя сообщенія о чемъ-либо или приступъ къ дѣлу!

„Отмѣна крѣпостного права была рѣшена правительствомъ еще до конца восточной войны [1]. Многія правительственныя дѣйствія уже указывали въ это время на то, что дѣло освобожденія приближается". Н. А. Добролюбовъ приводитъ доказательство своихъ словъ. „А литература во все продолженіе 1857 года ограничивалась слабыми намеками, да кое-какими поучительными указаніями на другія страны. Только съ февраля прошлаго года, послѣ того, какъ уже шесть губерній изъявили свое желаніе на улучшеніе быта крѣпостныхъ крестьянъ, литература дѣятельно принялась за крестьянскій вопросъ, да и то съ какими колебаніями" [1].

Затѣмъ: „Такъ было до 1857 г., въ концѣ котораго появились первыя офиціальныя распоряженія объ освобожденіи крестьянъ" [2].

Н. А. Добролюбовъ писалъ о крѣпостномъ правѣ, когда вызывало его на это разбираемое литературное произведеніе, какъ, напр., сочиненія Марка Вовчка въ ст. „Очерки простонароднаго быта" и др.

Н. А. Добролюбова упрекали въ „утилитаризмѣ" еще

[1] Н. А. Добролюбовъ, т. II, стр. 405. Статья написана въ 1859 г.

[2] Н. А. Добролюбовъ началъ свою литературную дѣятельность въ іюлѣ 1856 г.

при его жизни современные ему „мудрецы“ школы Кошанскаго, Ивана Давыдова и другихъ, почему онъ въ статьѣ „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“ нашелъ необходимымъ просвѣтить ихъ по этому поводу. Вотъ что онъ говоритъ:

„Повторимъ здѣсь одно замѣчаніе, необходимое для того, чтобы *поборники чистаго искусства* (во что обратилъ Н. А. Добролюбовъ этихъ поборниковъ!) не обвинили насъ опять въ навязываніи художнику „утилитарныхъ темъ“ [1]). Мы нисколько не думаемъ, чтобы всякій авторъ долженъ былъ создавать свои произведенія подъ вліяніемъ извѣстной теоріи: онъ можетъ быть какихъ угодно мнѣній, лишь бы *талантъ его былъ чуткъ къ жизненной правдѣ. Художественное произведеніе* (помните г. Ник. Энгельгардтъ!) можетъ быть выраженіемъ извѣстной идеи, не потому, что авторъ задался этой идеей при его созданіи, а потому, что автора его поразили такіе факты дѣйствительности, изъ которыхъ эта идея вытекаетъ сама собою. Такимъ образомъ философія Сократа и комедія Аристофана, въ отношеніи къ религіозному ученію грековъ, служатъ выраженіемъ одной и той же общей идеи—разрушенія древнихъ вѣрованій; но вовсе нѣтъ надобности думать, что Аристофанъ задавалъ себѣ эту цѣль для своихъ комедій: она достигается у него просто картиною нравовъ того времени. Изъ его комедій мы рѣшительно убѣждаемся, что въ то время, когда онъ писалъ, царство греческой миѳологіи уже прошло, т. е. онъ практически приводитъ насъ къ тому, что Сократъ и Платонъ доказываютъ философскимъ образомъ. Такова вообще бываетъ разница въ способѣ дѣйствія произведеній *поэтическихъ* [2]) и собственно теоретическихъ. Она соотвѣтствуетъ разницѣ въ самомъ способѣ мышленія художника и мыслителя: одинъ мыслитъ конкретнымъ образомъ, ни-

---

[1]) Н. А. Добролюбовъ, т. III, стр. 434.

[2]) Слова поэзія, поэтическихъ, художникъ-писатель и т. п. отмѣчаю курсивомъ для г. Ник. Энгельгардта, такъ какъ они относятся къ „искусству“, которое будто бы гналъ Н. А. Добролюбовъ.

когда не теряя изъ виду частныхъ явленій и образовъ, а другой стремится все обобщить, слить частные признаки въ общей формулѣ. Но существенной разницы между истиннымъ знаніемъ и *истинной поэзіей* быть не можетъ: *талантъ есть принадлежность натуры человѣка*, и потому онъ несомнѣнно гарантируетъ намъ извѣстную силу и широту естественныхъ стремленій въ томъ, кого мы признаемъ талантливымъ. Слѣдовательно, и произведенія его должны создаваться подъ вліяніемъ этихъ естественныхъ, правильныхъ потребностей натуры; сознаніе нормальнаго порядка вещей должно быть въ немъ ясно и живо, идеалъ его простъ и разуменъ, и онъ *не отдастъ себя служенію неправдѣ и безсмыслицѣ*, не потому, чтобы не хотѣлъ, а просто потому, что не можетъ, — не выйдетъ у него ничего хорошаго, если онъ и вздумаетъ попасиловать свой талантъ. Подобно Валоаму, захочетъ онъ проклинать Израиля, и, противъ его воли, въ торжественную минуту вдохновенія, въ его устахъ явятся благословенія вмѣсто проклятій. А если и удастся ему выговорить слово проклятія, то оно лишено будетъ внутренняго жара, будетъ слабо и невразумительно.

Намъ нечего ходить далеко за примѣрами: наша литература изобилуетъ ими едва ли не болѣе всякой другой. Возьмите хоть Пушкина и Гоголя: какъ бѣдны и трескучи заказныя стихотворенія Пушкина: какъ жалки аскетическія попытки Гоголя въ литературѣ! Доброй воли было у нихъ много, но воображеніе и чувство не давали достаточно матеріала для того, чтобы сдѣлать истинно *поэтическую* вещь на заказанныя, искусственныя темы. Да и не мудрено: дѣйствительность, изъ которой почерпаетъ *поэтъ* свои матеріалы и свои *вдохновенія*, имѣетъ свой натуральный смыслъ, при нарушеніи котораго уничтожается самая жизнь предмета и остается только мертвый остовъ его. Съ этимъ-то остовомъ и принуждены были всегда оставаться писатели, хотѣвшіе вмѣсто естественнаго смысла придать явленіямъ другой, противный ихъ сущности".

Таково естественное послѣдствіе для талантовъ, пишущихъ по заказу! Трудно представить, что выходитъ у бездарностей, взявшихся за то же!

„Но, какъ мы уже сказали [1]), естественныя стремленія человѣка и здравыя, простыя понятія о вещахъ, искажены и почти заглушены во многихъ. Вслѣдствіе неправильнаго развитія часто людямъ представляется совершенно правильнымъ и естественнымъ то, что въ сущности составляетъ нелѣпѣйшее насиліе природы. Съ теченіемъ времени человѣчество все болѣе и болѣе освобождается отъ искусственныхъ искаженій и приближается къ естественнымъ требованіямъ и воззрѣніямъ: мы уже не видимъ таинственныхъ силъ въ каждомъ лѣсѣ, озерѣ, въ громѣ и молніи, въ солнцѣ и звѣздахъ; мы не имѣемъ въ образованныхъ націяхъ кастъ и паріевъ; мы не перемѣшиваемъ отношенія половъ, подобно народамъ Востока; мы не признаемъ класса рабовъ существенной принадлежностью государства, какъ было у грековъ и римлянъ; мы отрицаемся инквизиціонныхъ началъ, господствовавшихъ въ средневѣковой Европѣ. Если все это и встрѣчается нынѣ по мѣстамъ, то не иначе, какъ въ видѣ исключенія; общее же положеніе измѣнилось къ лучшему. Но все-таки и теперь еще люди далеко не пришли къ ясному сознанію всѣхъ естественныхъ потребностей, и даже не могутъ согласиться въ томъ, что для человѣка естественно, что нѣтъ. Общую формулу —что человѣку естественно стремиться къ лучшему—всѣ принимаютъ; но разногласія возникаютъ изъ-за того, что же должно считать благомъ для человѣчества". Развивая свою мысль далѣе и приводя примѣры, какъ нельзя лучше разъясняющіе ее, Н. А. Добролюбовъ говоритъ: „Впрочемъ, еще разъ, —наши статьи и *самыя основанія*, на которыхъ мы утверждаемъ свои сужденія, у всѣхъ передъ глазами. Кто не захочетъ согласиться съ ними, тотъ, читая и *повторяя* наши статьи по своимъ наблюденіямъ, *можетъ придти къ собственному заключенію. Мы и тѣмъ будемъ довольны* [2]).

Вотъ какъ писалъ Н. А. Добролюбовъ, будучи 24 лѣтъ отъ роду, тотъ Добролюбовъ, самыя основательныя, разнообразныя знанія котораго поражаютъ до сихъ поръ

[1]) Т. III, стр. 436.

[2]) Н. А. Добролюбовъ, т. III, стр. 437.

въ его сочиненіяхъ! Кажется онъ все зналъ! Послѣ его смерти нашли книжки, въ которыя онъ записывалъ все, что прочиталъ, съ его краткими замѣчаніями. Люди съ большими знаніями, какъ К. Д. Кавелинъ, Н. Г. Чернышевскій, были поражены: онъ прочиталъ все, что стоило прочесть, составивъ о прочитанномъ самое точное опредѣленіе!

Онъ такъ ясно мыслилъ, такъ много зналъ, такъ честно относился къ слову своему, что не боялся суда читателя надъ собою, наравнѣ съ авторомъ, не затемняя своей критики общими фразами, разными сентенціями, а велъ читателя постепенно къ сознательному выводу. Результатомъ этого является у внимательнаго, неглупаго читателя такое ясное, точное сознаніе, которое онъ всегда отстоитъ, котораго никто не измѣнитъ. То же дѣйствіе проявлялось и на авторахъ: благодаря критикѣ Н. А. Добролюбова сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго „Забитые люди“, у насъ выработался писатель, создавшій художественныя произведенія, въ которыхъ мы видимъ дѣйствительность, живыхъ людей, а не манекеновъ въ родѣ Ивана Петровича.

У Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго не встрѣтите ничего подобнаго тому, что есть у нашего знаменитаго критика В. Г. Бѣлинскаго, *величіе котораго признано и Н. А. Добролюбовымъ, и Н. Г. Чернышевскимъ* [1]), который такъ говоритъ о поэзіи: поэзія есть жизнь по преимуществу, есть сущность, такъ сказать, *тончайшій эѳиръ, принципъ-экстрактъ, квинтъ-эссенція жизни* (курс. мой). Онъ сравниваетъ поэзію со „стыдливымъ румянцемъ на ланитахъ прекрасной дѣвушки“, „съ невинной

[1]) Я нарочно пишу курсивомъ, чтобы кто-нибудь не выскочилъ и не закричалъ, что я не признаю или отрицаю В. Г. Бѣлинскаго. Признаю, господа, его великое значеніе и могу всѣмъ неоспоримо доказать это, но что смѣшно, то смѣшно, отъ кого бы это не происходило!

улыбкой ребенка" и т. п. „Поэзія" это біеніе пульса жизни, это ея кровь, ея огонь, ея свѣтъ и солнце". Эти строки, ясно, вылились отъ избытка чувства, помимо мышленія, когда В. Г. Бѣлинскій былъ въ восторженномъ состояніи, могущимъ быть сравненнымъ съ чувствомъ очарованнаго до самозабвенія влюбленнаго. Но какое же понятіе можно получить о поэзіи отъ такого опредѣленія ея? Ровно никакого! Оно такъ же непонятно всякому другому, такъ же чуждо, такъ же забавно, какъ и тѣ восторги, которые расточаетъ влюбленный предмету его страсти, когда они выражаются въ такой же формѣ.

Послѣ безчисленныхъ повтореній на разные лады одной и той же чепухи, которая такъ нравится г. Ник. Энгельгардту, что онъ не можетъ съ ней разстаться, смакуя ея прелесть, онъ не останавливается, пока не заявитъ, что „ему скажутъ", чтобы вновь смаковать ту же прелесть съ кѣмъ-то, кто ему говоритъ.

„Намъ скажутъ: „Да развѣ въ наши дни представители утилитарной традиціи 50-хъ и 60-хъ годовъ имѣютъ какой-либо рѣшающій голосъ въ литературѣ? Развѣ *литературная молодежь* (?) повинуется указкѣ? Развѣ читающая публика руководится ихъ мнѣніями? Это почтенные ветераны, справившіе юбилеи, такъ сказать, живые монументы былого. Ихъ уважаютъ, но не читаютъ. Въ нашей „республикѣ писменъ" они похожи на конституціонныхъ королей, которые царствуютъ, но не управляютъ".

Г. Ник. Энгельгардтъ, этотъ „столпъ" „Нов. Вр." не стѣсняется сообщать читателямъ такія „издѣлія" его пера! Если ему повѣрить, то неизбѣжно явится убѣжденіе въ умственной слабости и полномъ невѣжествѣ тѣхъ субъектовъ, которые его спрашиваютъ и дѣлаютъ свои заключенія.

Оставя въ сторонѣ все то, что я раньше говорилъ о значеніи такой критики, какою ее представилъ самъ

г. Ник. Энгельгардтъ, оставя въ сторонѣ и „литературную молодежь", равно его признаніе, что критики заслуживаютъ уваженія, послѣ всего, что онъ заставилъ свое перо написать, обращу вниманіе на сравненіе критиковъ съ конституціонными королями.

Художественность выраженія, удачность сравненій, пониманіе, знаніе и логика г. Ник. Энгельгардта -просто ума помраченье!

Про конституціонныхъ королей можно сказать, что они царствуютъ, но не управляютъ, такъ какъ это удѣлъ всѣхъ королей, но сказать также о критикахъ, философахъ, писателяхъ -вообще людяхъ идеи, нравственности можетъ только г. Ник. Энгельгардтъ, который не понимаетъ, что идеи, принятыя людьми, какъ истина, составляютъ ихъ существо, которое ничто не можетъ измѣнить; люди живутъ, дѣйствуютъ согласно съ принятыми ими идеями, которыя ими руководятъ, ими *именно управляютъ*, какъ разъ противное тому, что говоритъ авторъ.

На всѣ вопросы и заключенія невѣдомыхъ намъ странныхъ субъектовъ въ знаменитомъ отдѣлѣ „издѣлій". „Намъ скажутъ", г. Ник. Энгельгардтъ отвѣчаетъ: „Смѣю увѣрить, что это далеко не такъ". Значитъ, читающая публика и „литературная" молодежь совсѣмъ другого понятія о критикахъ 50-хъ и 60-хъ годовъ! Еще бы! Достаточно прочитать „издѣлія" г. Ник. Энг. и Розанова, чтобы смышленный читатель схватился за сочиненія нашихъ критиковъ и не только прочиталъ бы ихъ, но и изучилъ бы! О тѣхъ же, кто ихъ читалъ, и говорить нечего! Смѣло увѣряю, что они никогда не читаютъ „издѣлій" названныхъ авторовъ.

Какъ же объясняетъ авторъ то значеніе критиковъ, которое составило о нихъ читающая публика и „литературная" молодежь? Да очень просто, какъ и все, что объясняетъ авторъ.

„Внѣшнія условія *писательскаго труда* (!) весьма сильно вліяютъ на литературу и ея уровень". Вы недоумѣваете, конечно, по г. Ник. Эпг. объясняетъ, что „эти внѣшнія условія „находятся" въ рукахъ почтенныхъ авторитетовъ, самою долгою *литературной* службой своей пріобрѣвшихъ власть рѣшать и вязать въ нашей журналистикѣ".

Вотъ причина, поддерживающая представителей „утилитарной" критики. Вся литература въ рукахъ ихъ соумышленниковъ! Всѣ издатели-редакторы газетъ, журналовъ—люди разныхъ сословій, разныхъ взглядовъ, разныхъ интересовъ, начиная съ евреевъ и кончая титулованными лицами, „держащіе внѣшнія условія писательскаго труда въ своихъ рукахъ", причиной того, что „утилитарные" критики до сихъ поръ управляютъ!

Ну, есть ли какое-нибудь основаніе писать это? Кто теперь остался изъ людей шестидесятыхъ годовъ въ литературѣ, могущій „вязать и рѣшать"? Много ли было передовыхъ людей у насъ въ шестидесятыхъ годахъ?

Кто не нападалъ тогда на „Современникъ", доходя до неприличія!

Гдѣ же эти авторитеты, „долгой службой имѣющіе власть рѣшать и вязать"?

Мы знаемъ такихъ, которые перемѣнили свои прежнія убѣжденія и, вмѣсто поклоненія критикамъ шестидесятыхъ годовъ, готовы теперь на нихъ лягать, извращать все, что они говорили; знаемъ и такихъ, которые всегда были противъ всѣхъ реформъ и до сихъ поръ защищаютъ въ душѣ розгу, привѣтствовали бы съ великой радостью крѣпостное право, если бы его можно было возстановить; которые вооружаются противъ всякой самостоятельной дѣятельности кого бы то ни было, не допуская мысли, чтобы можно было дѣйствовать безъ указки, кромѣ отправленія необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Если и остались люди, прикосно-

вешные къ литературѣ, вѣрные тѣмъ великимъ принципамъ, которыми увлеклось даже перо г. Ник. Энгельгардта, какъ мы видѣли выше, то они составятъ единицы и не могутъ имѣть вліянія на литературу, которымъ желаетъ объяснить г. Ник. Энгельгардтъ свои мудрые выводы. Теперь въ литературѣ все люди новые, и если они почтили день сорокалѣтія со смерти Н. А. Добролюбова, признали его свѣтлый умъ, высокія познанія, возвышенныя качества души, а главное, что его сочиненія не только не потеряли современности, но она останется за ними въ далекомъ будущемъ, пока будетъ у насъ литература, то значитъ надо искать серьезныхъ причинъ, а не такихъ, какія приводятъ знаніе и логика г. Ник. Энгельгардта!

Гоголь до сихъ поръ читается и будетъ читаться все большимъ и большимъ числомъ людей, по мѣрѣ развитія просвѣщенія, а кто теперь будетъ читать ругавшаго его Сенковскаго, или Шевырева, ругавшаго Кольцова и Лермонтова? Такихъ примѣровъ масса во всѣхъ литературахъ. На что лучше примѣръ Шекспира, котораго почтенные мудрецы, вслѣдъ за Вольтеромъ, ругали пьянымъ дикаремъ!

Позволю себѣ привести мнѣніе одного изъ критиковъ, — Н. А. Добролюбова, которое объяснитъ намъ, непонятныя г. Ник. Энгельгардту, причины того, что критика шестидесятыхъ годовъ читается все болѣе и болѣе.

Н. А. Добролюбовъ [1]), разъяснивъ исторію вопросовъ науки и *искусства*, при переходѣ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, говоритъ слѣдующее:

„Степень развитія умныхъ людей въ началѣ каждаго періода даетъ мѣрку будущаго развитія массъ въ концѣ того же періода. Люди, идущіе въ уровень съ жизнью

[1]) Т. II. стр. 376—377.

и *умѣющіе наблюдать и понимать* ея движеніе, всегда забѣгаютъ нѣсколько впередъ, а за ними слѣдуетъ и толпа, которая понимаетъ жизнь по чужимъ объясненіямъ и, такимъ образомъ, все протверживаетъ зады. Этимъ-то процессомъ развитія массъ и объясняется жизненность и долговѣчность всего талантливаго: сначала только умные люди поймутъ и скажутъ, что это хорошо, толпа же повѣритъ имъ на слово; а потомъ и толпа, по мѣрѣ своего развитія, все сознательнѣе и яснѣе станетъ убѣждаться, что это дѣйствительно хорошо... до тѣхъ поръ, пока не наступитъ новый періодъ цивилизаціи. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, о которомъ мы упомянули выше: что всякій авторъ, какъ бы онъ ни былъ пошлъ, все-таки имѣетъ успѣхъ въ какомъ-нибудь кружкѣ и даже приноситъ своего рода пользу". Нѣтъ на свѣтѣ такого дурака, который не возбуждалъ бы въ себѣ удивленія въ какомъ-нибудь еще большемъ дуракѣ", говорится въ одной изъ сатиръ Буало, и ни къ чему эти слова не могутъ быть такъ справедливо примѣнены, какъ къ литературѣ".

Затѣмъ онъ говоритъ о писателяхъ.

„Мы постоянно выражали убѣжденіе, что литература служитъ *отраженіемъ жизни*, а не жизнь создается по литературѣ. Никогда и нигдѣ литературные дѣятели не сходили съ эѳирныхъ пространствъ и не приносили съ собой новыхъ началъ, *независимыхъ отъ дѣйствительной жизни*; все, что произвелъ когда-либо человѣческій умъ—все это дано *опытомъ жизни*. Литература постоянно отражаетъ тѣ идеи, которыя бродятъ въ обществѣ и большій или меньшій успѣхъ писателя можетъ служить мѣркою того, насколько *онъ умѣлъ выразить общественные интересы и стремленія*. Чтобы оцѣнить значеніе того, что называютъ успѣхомъ въ литературѣ, надо непремѣнно разсмотрѣть, *между кѣмъ* пріобрѣтенъ этотъ успѣхъ и *какъ долго* (к. авт.) онъ продолжался или могъ продолжаться". Объяснивъ, что всякій писатель имѣетъ гдѣ-нибудь успѣхъ: въ лакейскихъ, гостиныхъ, въ мірѣ чиновниковъ и т. д., Н. А. Добролюбовъ спрашиваетъ: „чѣмъ эти кружки увлекаются въ своихъ любимцахъ". „Тѣмъ, конечно, что

соотвѣтствуетъ ихъ собственнымъ понятіямъ, стремленіямъ и воззрѣніямъ на жизнь".

„Лучшіе писатели оттого имъ и непонятны или не нравятся, *что стоятъ выше ихъ пониманія*. Оттого-то самый шумный и блестящій успѣхъ и выпадаетъ всегда на долю—*не самаго талантливаго*, а самаго близкаго къ сегодняшнимъ, насущнымъ интересамъ толпы. Но съ паденіемъ или удовлетвореніемъ этихъ интересовъ исчезаетъ и успѣхъ писателя, пользовавшагося ими для своихъ произведеній.

Прочный же успѣхъ остается только за тѣми явленіями, которыя захватываютъ вопросы далекаго будущаго, или въ которыхъ есть высшій общечеловѣческій интересъ, независимый отъ частныхъ, гражданскихъ или политическихъ соображеній. Только писатель, умѣющій достойнымъ образомъ выразить въ своихъ произведеніяхъ *чистоту и силу этихъ высшихъ чувствъ и ощущеній, умѣющій сдѣлаться понятнымъ* всякому человѣку, несмотря на различіе временъ и народностей, остается надолго памятнымъ міру, *потому что постоянно пробуждаетъ въ человѣкѣ сочувствіе къ тому, чему онъ* не можетъ не сочувствовать, не переставая быть человѣкомъ" [1]). „Таковъ былъ Шекспиръ. Многія изъ его пьесъ могутъ быть названы открытіями въ области человѣческаго сердца: его литературная дѣятельность подвинула общее сознаніе людей на нѣсколько ступеней, на которыя до него никто не поднимался и которыя только издали были указываемы нѣкоторыми философами. И вотъ почему Шекспиръ имѣетъ такое всемірное значеніе: имъ обозначается нѣсколько новыхъ ступеней человѣческаго развитія Но зато Шекспиръ и стоитъ внѣ обычнаго ряда писателей" [2]).

Мнѣ кажется, что эти строки вполнѣ выясняютъ, почему, несмотря на мнѣніе г. Ник. Энгельгардта и вопрошавшихъ его странныхъ субъектовъ, критика Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго читается и понимается все болѣе и болѣе, и придетъ время, когда ихъ сочиненія будутъ читаться не верхними десятками

[1]) Т. II, стр. 375—376.

[2]) Т. III, стр. 432.

тысячъ, а милліонами, какъ сказалъ біографъ Н. А. Добролюбова [1]).

Въ нихъ обоихъ была мощь понять естественныя стремленія людей, умѣнье выразить чистоту и силу высшихъ идей и ощущеній, сдѣлаться понятнымъ всякому разумному человѣку, пробудить сочувствіе ко всему человѣческому. Они явились выразителями идей и ощущеній, бродившихъ въ обществѣ въ ту великую, свѣтлую эпоху шестидесятыхъ годовъ, когда весь русскій народъ возлагалъ на будущее самыя лучшія надежды. Всѣ ждали новыхъ вѣяній, стремленій, новаго строя жизни, новаго воспитанія юношества и народа! У всѣхъ, пережившихъ шестидесятые годы, свѣжи воспоминанія о томъ воодушевленіи, которое охватило общество, вышедшее изъ прежняго гнета, казарменной жизни, вслѣдствіе призыва къ общественному дѣлу! Эти годы были лучшіе въ нашей жизни. Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій явились провозвѣстниками далекаго будущаго, открывавшагося въ то время великими реформами.

Если люди приписывали или приписываютъ Н. А. Добролюбову и Н. Г. Чернышевскому несвойственные имъ взгляды,—они сами виноваты въ этомъ или потому (я имѣю въ виду людей добросовѣстныхъ), что недостаточно вникли въ ихъ объясненія, или потому, что не могли ихъ понять. Такъ и теперь есть ихъ поклонники, которые заявляютъ, что Н. А. Добролюбовъ былъ первымъ провозвѣстникомъ „утилитаризма“, были (а можетъ быть, и теперь есть) такіе, которые говорили, что Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій выражались порою такъ, что можно было думать, *будто*, по ихъ мнѣнію, искусство должно быть слѣпымъ подражаніемъ дѣйствительности. Достаточно прочесть „Тем-

[1]) 6-е изданіе.

ное царство", „Лучь свѣта въ темномъ царствѣ", „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности", чтобы уяснить себѣ неправильность этого взгляда.

Литература есть отраженіе жизни; критика—отраженіе литературныхъ произведеній, являющихся для нея данными, необходимыми для ея выводовъ. До Крымской кампаніи мы много говорили,—ничего или мало дѣлали. Война открыла наши недостатки, избавиться отъ которыхъ мы могли только усиленной дѣятельностью, польза которой зависѣла отъ образованія, практической подготовки, что потребовало измѣненія всѣхъ сложившихся раньше условій. Явились вопросы, которыхъ прежде не было. „Искусство для искусства" совсѣмъ опошлилось; люди думали какъ бы поскорѣе выйти изъ того состоянія, которое дало право иностранцамъ смѣяться надъ нами, называя Россію колоссомъ на глиняныхъ ногахъ, котораго легко повалить, а для этого надо было учиться и работать, чтобы быть полезнымъ, почему „жрецы прекраснаго -- праздные лѣнтяи", такъ правящіеся г. Ник. Энгельгардту, произносившіе только слова, одни слова, должны были уступить мѣсто людямъ, способнымъ дѣлать дѣло, приносить пользу. Жизнь требовала усиленной работы. Эти требованія жизни—требованія насущныя--отразились въ критикѣ, указывавшей путь, какъ лучше удовлетворить этимъ требованіямъ. Вотъ почему и выпустили слово „утилитаризмъ", которымъ недальновидные „критики" упрекали Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго. Въ то время,—чуть не полстолѣтія назадъ, нельзя было и ожидать другого отъ людей, воспитывавшихся на учебникахъ Кошанскаго, Ивана Давыдова и др., но теперь писать то, что написалъ г. Ник. Энгельгардтъ—прямо-таки поразительно!

Явился норманщикъ съ Москвы
Во имя науки,
И важно, пространно—увы!—
Толкуетъ о пукъ.
Пришла жъ академику мысль
Скрываться за сказки!
Скорѣй его, Кліо, причисль
Къ друзьямъ „Свистопляски"!
И шиномъ змѣинымъ прошелъ
Тотъ шопотъ по залѣ [1]).

Между этими порогами особенно два показались имъ ясны: *Варуфоросъ*, по-славянски *Вульнипрагъ* и *Геляндри*. Нашли въ скандинавскомъ war—тихій и fors—порогъ, а славянское имя растолковали—вольный прагъ: *вольный и тихій* –все равно, стало быть ясно... Другой порогъ—*Геляндри*. названъ у Константина по-славянски, а какъ онъ по-русски, этого не сказано; но норманщики рѣшили, что тутъ ошибка, и нашли въ исландскомъ точно такое слово, съ значеніемъ *шумящій*. Опять ясно. Руководясь такими свѣтлыми соображеніями, г. Погодинъ, послѣ всѣхъ доводовъ противника, объявилъ, что Геляндри и Варуфоросъ—это такіе два столба, которые всегда поддержатъ норманство и выдержатъ какой угодно напоръ [2]).

Я принужденъ сознаться, что началъ разборъ „издѣлія" г. Н. Эпт. съ конца! Причина простая –„издѣліе" это такого сорта, что если начать разбирать его съ начала, то, можетъ быть, не всякій дочиталъ бы мой разборъ, не понимая его сущности, — а оставилъ бы чтеніе и еще выбранилъ бы меня: вздумалось же кому-то, сказалъ бы иной читатель, разбирать чепуху, и доказывать, что это чепуха, ни къ чему не относящаяся! Кому же надо читать разборъ всей чепухи, которую у насъ вѣщаютъ наши мудрецы XX столѣтія

---

[1]) Н. А. Добролюбовъ. „Свистокъ", стр. 434—435.

[2]) (Тамъ же. стр. 437). Курсивы автора.

по всѣмъ вопросамъ? Вздоръ — „Утилитаризмъ въ искусствѣ“ перешелъ всякія границы приличія, выказалъ издѣвательство надъ значеніемъ печати, — правда, но тѣмъ легче это понять читателю. До сути не всякій дочиталъ бы и не узналъ бы, противъ кого г. Ник. Энгельгардтъ выступилъ съ тѣмъ задоромъ, въ которомъ человѣкъ лишается способности сознать страшную опасность, которой онъ подвергается. Конечно, г. Ник. Энгельгардтъ знаетъ, что онъ лжетъ на мертвецовъ, но, не имѣя понятія о значеніи ихъ для русскаго самосознанія, нравственности, онъ, надо думать, не предполагалъ, чтобы кто-либо обратилъ на него вниманіе и представилъ бы его въ надлежащемъ свѣтѣ.

Теперь, когда я познакомилъ читателей — противъ кого и чего объявленъ походъ въ „Нов. Вр.“, у меня есть надежда, что читатель прочтетъ эту статью до конца и убѣдится, что съ такими явленіями, какъ „издѣлія“ столповъ „Новаго Времени“, необходимо считаться.

Г. Ник. Энгельгардтъ никакихъ данныхъ во всѣхъ его издѣліяхъ привести не можетъ, такъ какъ для того, чтобы говорить о чемъ-либо, надо знать, понимать то, о чемъ говоришь, надо прочитать и понять сочиненія критиковъ, о которыхъ онъ вздумалъ печатать, а если бы онъ имѣлъ склонность къ такому чтенію, то не могли бы появиться въ печати его феноменальныя, даже для нашего времени—упадка литературы и нравственности, „издѣлія“.

Г. Ник. Энгельгардтъ наполняетъ свое „издѣліе“ вздоромъ въ родѣ стихотворенія о Фебовыхъ дѣтяхъ, роль которыхъ играютъ повременныя изданія; о розѣ, которая „въ слезахъ сказала вслухъ, что ей скучно: что человѣкъ оскверняетъ воздухъ, дыханіе городовъ сокрыло небеса и зефиръ приноситъ ѣдкій дымъ“ и т. д., объ апельсинахъ, яблокахъ на лоткѣ разносчика, о nature

порте въ Эрмитажъ, о каретѣ, расписанной художникомъ, о роялѣ Беккера, афишѣ, картинахъ и т. п., что даетъ ему основаніе печатать сотни строкъ въ доказательство... чего онъ вы думали? Гибели искусства отъ утилитаризма!

Для того, чтобы получить окончательное сужденіе о походѣ противъ Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго, духовенства, семинаристовъ, въ которые попалъ Шелгуновъ, Филаретъ Никитичъ Романовъ [1]), Ришелье и Мазарини, что доказываетъ, что и „созрѣвающій философъ“ не превзошелъ своего товарища г. Ник. Энгельгардта ни въ знаніи, ни въ логикѣ, ни въ отношеніи къ печатному слову, такъ какъ „созрѣвающему философу“ нужно было найти въ отрицаніи о. Матвѣемъ Пушкина -„*философскую формулу*, — необходимо опредѣлить ихъ самихъ, ихъ понятія, литературу, ими излюбленную, по которой мы можемъ судить о духовныхъ потребностяхъ г. Ник. Энгельгардта, его понятіи объ „искусствѣ“. Опредѣливъ г. Ник. Энгельг., мы опредѣлимъ и г. „созрѣвающаго философа“ и всѣхъ имъ подобныхъ.

Г. Ник. Энгельгардтъ ярый поклонникъ „его искусства“. Въ чемъ оно заключается, мы будемъ поучаться.

Заявивъ о томъ, что въ нынѣшнемъ году прекратилась „Недѣля“ это „Фебово дитя“, и, спросивъ, за кѣмъ очередь, замѣтивъ, что неужели недостаточно остающихся „толстыхъ“ ежемѣсячниковъ, г. Ник. Энгельгардъ говоритъ:

„Въ самомъ дѣлѣ, образецъ аккуратности, умѣренности, порядка и корректности, каждое первое число на вашъ столъ ложится *компактный кирпичъ* „Вѣстника Европы“. Рядомъ *шлепается* рыхлый, пухлый томъ „Русской Мысли“ съ высовывающимися изъ-подъ

[1]) № 9270. „Сословное ли только безвкусіе“ Розанова.

обертки, плохо сброшюрованными листами. Далѣе располагается позеленѣлая книжка „Русскаго Богатства" и т. д. [1])."

Первый образецъ хорошъ не столько потому, что г. Ник. Энгельгардтъ дастъ намъ понять, какіе журналы онъ любитъ, сколько по его слогу, художественности выраженій, изображеній, грамотности и глубинѣ мысли. Ну, кто изъ васъ, читатель, выразится такъ мило, какъ г. Ник. Энг.? Вы скажете: я получаю аккуратно 1 числа „Вѣстникъ Европы", „Русскую Мысль" и „Русское Богатство". Ну, и ничего изъ этого хорошаго не выйдетъ! Двухъ строчекъ нѣтъ и той глубокой мысли, художественности нѣтъ!

„Чего же еще надо", иронически спрашиваетъ г. Ник. Энгельгардтъ. Его не удовлетворяетъ этотъ порядокъ, аккуратность: онъ ищетъ въ литературѣ „существеннаго—публицистики и критики", хотя не споритъ, что въ журналахъ всегда есть что почитать.

Вотъ мы теперь узнаемъ „что такое искусство" по понятію г. Ник. Энгельгардта.

„Вы съ интересомъ *пробѣжите* романъ *заслуженнаго* (!) беллетриста, Петра Димитріевича Боборыкина [2]) отдохнете на художественной вещицѣ Антона Чехова [3]), *переживете сладкія минуты дѣтства*, когда вы знакомились впервые съ популярными романами „*Гуакъ или непобѣдимая вѣрность*", „*Битва русскихъ съ кабардинцами* или Прекрасная магометанка, умирающая *у ногъ возлюбленнаго*" [4]), читая шляхетскій романъ Сенкевича, наконецъ не безъ *пользы для ума вспомните* (!!)

[1]) Съ подлинникомъ вѣрно.

[2]) Имя отчество и фамилія доказываютъ вамъ кую дань почтенія. Это не то, что Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій.

[3]) Одно имя—почтеніе степенью ниже.

[4]) Вотъ гдѣ авторъ находитъ истинное наслажденіе!

фундаментальную статью какого-нибудь ординарнаго профессора или земскаго статистика". (Ого!)

Странно, читатель, что г. Ник. Энгельгардтъ, поставивъ во главѣ своего чтенія Боборыкина, котораго громитъ въ „Нов. Вр." г. Буренинъ, Чехова, которому тоже не мало доставалось, печатно заявивъ, что онъ переживаетъ „сладкія минуты дѣтства" съ „Гуакъ", „Битвой", слѣдовательно и съ другими такими же „издѣліями" до сихъ поръ,—рѣшается говорить о статьяхъ профессора и статистика. Правда, онъ говоритъ „одолѣете"—значитъ ему приходится трудненько это чтеніе, но.... не знаю, какъ вы, читатель, а я не вѣрю автору, чтобы онъ могъ „съ пользой для ума одолѣвать фундаментальныя статьи". Уже одно заявленіе въ печати для десятковъ тысячъ подписчиковъ о переживаніи „сладкихъ минутъ дѣтства" съ произведеніями лубочной литературы въ XX вѣкѣ, доказываютъ, что у него понятіе о литературныхъ произведеніяхъ такія же, какія были чуть ли не сто лѣтъ тому назадъ, а люди того времени, наслаждавшіеся такой же литературой, воспоминаніе о которой заставляетъ автора „переживать сладкія минуты дѣтства"—ничего другого не читали потому, что ничего они не могли понять въ полезномъ чтеніи. Конечно, нечего и требовать, чтобы авторъ могъ читать тѣхъ критиковъ, о которыхъ онъ вздумалъ печатать, — изобразивъ свои издѣлія безсмысленнымъ наборомъ словъ, именъ, фразъ и всякой всячины. Это для него совершенно безполезно.

Вѣдь бываетъ же такая „проруха". Вздумалъ человѣкъ „вѣщать" о признанныхъ всѣми лучшими людьми нашихъ критикахъ и самъ же выяснилъ такъ наглядно, откровенно свое міровоззрѣніе, свое понятіе объ искусствѣ, свой предательски неосторожный способъ мышленія!

Н. А. Добролюбовъ, будучи 23 лѣтъ отъ роду, пред-

видѣлъ 43 года тому назадъ появленіе г. Ник. Энгельгардта, сдѣлавъ ему опредѣленіе при разборѣ книги О. Миллера.

„И для кого все это (разборъ книги)? Вѣдь навѣрное тѣ, которые не съ первой страницы бросятъ эту книжонку, какъ *бездарную пошлость*, навѣрное тѣ не станутъ читать журнальныхъ статей, а если какъ-нибудь и прочтутъ, то ужъ ни за что не убѣдятся. Такъ, читатели, восхищающіеся „Битвой русскихъ съ кабардинцами", „Гуакомъ" не убѣдятся въ ихъ пошлости никакимъ громоноснымъ, разборомъ. Для издѣлій, подобныхъ. „Нравственной стихіи въ поэзіи", „Чиновнику" и „Гуаку" существуютъ особые классы читателей, не имѣющіе ничего общаго съ кругомъ людей, читающихъ журналы".

А въ № 9287 „Нов. Вр." удружилъ г. Ник. Энгельгардту г. Буренинъ.

Г. Буренинъ говоритъ, что книгопродавцы гг. Манухинъ и Леухинъ удачно торгуютъ такими произведеніями, какъ Прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего возлюбленнаго [1]), которыми зачитываются купеческіе сынки. На кого указываетъ г. Буренинъ! Мы видимъ, что литературные дѣятели до сихъ поръ увлечены этими издѣліями.

„Что же мудренаго", говоритъ г. Буренинъ, „если такіе и тому подобные" *первыхъ лѣтъ уроки*" крѣпко засѣли въ сердцахъ и головахъ будущихъ представителей *россійскаго глупаго упадничества на лубочно-романической подкладкѣ*"?

Какъ вамъ понравятся эти строки г. Буренина? Какое совпаденіе у Н. А. Добролюбова и г. Буренина во мнѣніи! Какое совпаденіе съ признаніемъ г. Ник. Энгельгардта!

Литература одного направленія; — у Ник. Энгель-

---

[1]) У г. Ник. Энгельгардта „умирающая у ногъ своего возлюбленнаго", чему я вѣрю, такъ какъ ему лучше знать, что понятно изъ отзыва объ этихъ издѣліяхъ г. Буренина.

гардта „сладкія воспоминанія дѣтства“, а у г. Буренина „первыхъ лѣтъ уроки“.

О Н. А. Добролюбовѣ г. Буренинъ не писалъ, но... Не кажется ли вамъ, читатель, что г. Буренинъ не выдержалъ, оставаясь вѣренъ своему убѣжденію, и не даромъ оцѣпилъ г. Ник. Энгельгардта и его издѣлія?

Не ясно ли вамъ, читатель, помимо всѣхъ раньше выясненныхъ данныхъ, по признанію г. Ник. Энгельгардта въ переживаніи „сладкихъ минутъ дѣтства“ съ произведеніями лубочной литературы, что онъ не имѣетъ никакого понятія о нашихъ критикахъ, такъ какъ онъ никогда не попался бы въ ловушку, разставленную ему Н. А. Добролюбовымъ 43 года тому назадъ? Прочтя чистосердечное признаніе г. Ник. Энгельгардта, какого сорта „издѣлія“ заставляютъ его переживать „сладкія минуты дѣтства“, я не думалъ приниматься за „неблагодарный подвигъ“. Надо думать, что читатели „Нов. Вр.“, развѣ за малымъ исключеніемъ совсѣмъ тупоумныхъ людей, узнавъ вкусъ автора въ литературѣ, его понятіе объ искусствѣ, сейчасъ же бросили читать его издѣлія и никогда читать не будутъ, если раньше не составили мнѣнія о его „феноменальномъ творчествѣ“.

Ему ли, г. Ник. Энгельгардту, читать Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевскаго, Шелгунова, Канта и весь наборъ именъ и названій, который онъ нанизываетъ въ своихъ издѣліяхъ! Теперь умные мальчуганы не станутъ читать пошлыхъ книжонокъ лубочной литературы, а онъ печатно заявляетъ на всю Русь, что вотъ въ ней-то и есть сладость!

Но... писать я долженъ: въ февралѣ А. С. Суворинъ издалъ „Исторію литературы“ г. Ник. Энгельгардта. Н. А. Добролюбовъ, несмотря на свой приговоръ г. Ор. Миллеру, уничтожилъ его книжонку по слѣдующему соображенію.

„Но изданіе г. О. Миллера представляетъ одну сторону, заставляющую обратить на него вниманіе. На заглавномъ листѣ книги стоятъ слова: на степень магистра русской словесности; слѣдовательно, это не есть простая книжная спекуляція, разсчитанная только на карманы покупщиковъ. Претензіи г. Ореста Миллера идутъ дальше. Онъ хочетъ вступить въ привилегированное сословіе и, какъ видно, имѣетъ намѣреніе не шутя пропагандировать свои понятія о поэзіи и нравственности. Нѣтъ ничего мудренаго, что онъ будетъ когда-нибудь ex-officio поучать россійское юношество въ гимназіи или (чего на свѣтѣ не бываетъ!) даже гдѣ-нибудь и выше. Это обстоятельство и заставляетъ насъ отмѣтить книгу г. Ореста Миллера въ нашей библіографіи, — не за тѣмъ, чтобы наставить автора (онъ уже не станетъ слушать наставленій, хотя и сильно въ нихъ нуждается, судя по его книгѣ), — но для того, чтобы предостеречь юношей, передъ которыми произведеніе г. Ореста Миллера можетъ явиться подъ прикрытіемъ наставническаго авторитета".

Указывая на то, къ чему стремится методъ сдѣлать мальчика „благонравнымъ" — убить въ немъ всѣ внутреннія порывы свободно мыслящаго и дѣйствующаго лица, Н. А. Добролюбовъ говоритъ: „но, къ сожалѣнію, тлетворная атмосфера, среди которой многіе воспитываются, дѣйствуетъ слишкомъ заразительно, и многія натуры, болѣе другихъ слабыя, дѣлаются жалкою жертвою этой заразы. Положеніе ихъ дѣлается истинно достойнымъ сожалѣнія до тѣхъ поръ, пока они не начинаютъ гордиться этимъ положеніемъ и вовлекать въ него другихъ. Тогда они становятся отвратительны, потому что становятся вредны. Нельзя не пожалѣть мальчика, въ которомъ убиты всѣ молодые порывы, всякая свободная мысль, всякая надежда на себя и въ которомъ все это замѣняется малодушнымъ, рабскимъ страхомъ передъ мнѣніемъ своего учителя, желаніемъ получить баллъ повыше и похвастаться своей исполнительностью и скромностью. Но невозможно не чувствовать глубокаго омерзѣнія къ тому же самому мальчику, когда онъ, переставши, по лѣтамъ своимъ, быть мальчикомъ, все-таки не только самъ сохраняетъ прежнія жалкія привычки и понятія, но еще навязы-

ваетъ и другимъ. По глупости и малодушію онъ становится врагомъ всякаго свободнаго порыва, всякаго самостоятельнаго развитія, становится гаспильщикомъ свѣтлыхъ идей, какъ скоро *онъ несогласны съ извѣстными* убѣжденіями, извнѣ заброшенными въ его душу... Тутъ уже *долгъ всякаго честнаго человѣка* — преслѣдовать неразумнаго гасильщика, отгонять его отъ того свѣта, который онъ можетъ *потушить смрадомъ гнилыхъ своихъ теорій* [1]).

Г. Ник. Энгельгардтъ и г. Розановъ, проповѣдующіе, судя по ихъ „издѣліямъ", новое ученіе о нравственности начала XX столѣтія, показываютъ, по моему мнѣнію, слишкомъ уже большое пренебреженіе къ читающей публикѣ, невольно возбуждая вопросъ: неужели же наше общество такъ низко упало, что ему возможно безнаказанно проповѣдывать ложь, говорить чепуху о чемъ угодно, ничего не понимая въ томъ, что печатается, выставляется, какъ истина? Неужели же наше общество можно принять за стадо, которому можно привить все, что только вздумается?

Но помимо указанной мною причины—предупредить о г. Ник. Энгельгардтѣ, какъ объ учителѣ, который, какъ доказываютъ факты, ничего, кромѣ умопомраченія, не можетъ произвести между учащимися, есть еще и другія, не менѣе серьезныя причины, побудившія меня выступить противъ него. Эти причины я приведу въ концѣ, послѣ разбора „издѣлій".

Продолжаю изученіе понятія г. Ник. Энгельгардта объ „искусствѣ". Онъ говоритъ:

„Публицистика и критика въ нихъ (журналахъ) [2]) *это душа жива* настоящаго журнала, давно представляетъ изъ себя не то *„шопотъ, робкое дыханье"*, не то *„разговоры въ царствѣ мертвыхъ"*. Журналъ не является *школой словеснаго искусства*. Беллетристы, даже одарен-

---

[1]) Т. II, стр. 314—316.

[2]) „Нов. Вр.", № 9253.

ный *недюжинным*ъ талантомъ, видимо, спутаны по рукамъ и ногамъ *мертвенным*ъ „*направленіем*ъ“. *Словесное художество* не развивается, хотя и выдвигаетъ *новыя молодыя силы*. Оно подгоняется къ шаблону, оно только терпится“. Г. Энгельгардтъ не намѣренъ разбирать причинъ оцѣпенѣнія „*направленской публицистики*“. „Причины эти многосложны. Но *художество слова*: отчего въ немъ такъ мало жизни? Мнѣ кажется, причиной этому *утилитаризмъ*, глубоко *въѣвшійся* въ наше словесное искусство и охраняемый большинствомъ руководителей изданій, которые сами пишутъ *ничего или очень мало*, но отъ которыхъ зависитъ *поднять шлагбаумъ* и пропустить въ журналъ беллетриста или, наоборотъ, *обрушить передъ самымъ носомъ*. *Не поступившись свободою творчества*, не *присягнувъ направленской цѣли* журнала, *художникъ* не будетъ удостоенъ пріема въ среду маститыхъ хоругвеносцевъ, пребывающихъ на славныхъ постахъ. Утилитаризмъ — эта *ржавчина и тля* искусства — прочная традиція нашей критики“.

Какъ вамъ нравятся эти строки, читатель? Не правда ли, что г. Энгельгардтъ проникнутъ „художествомъ слова“, вполнѣ превзошелъ „словесное искусство“, хотя не могъ попасть, надо думать, въ „школу словеснаго искусства“ — журналы. Не бывши въ „школѣ словеснаго искусства“, онъ превзошелъ всѣхъ „словесныхъ искусниковъ, художниковъ слова“. Вникните въ оборотъ рѣчи, въ художественность изложенія, которое ниже развернется вполнѣ, въ это обогащеніе русскаго языка новыми словами, въ эту силу выраженій, глубину мысли и вы невольно вспомните, что „стиль — это человѣкъ“ и что въ Россіи — все отъ нѣмца. Нѣмецъ исправитъ нашъ языкъ, обогатитъ его новыми словами, выраженіями, научитъ насъ, не попавъ даже въ „школу словеснаго искусства“, такъ какъ передъ самымъ „его носомъ опускаютъ шлагбаумъ маститые хоругвеносцы“ „*словесному искусству и художеству*“ и докажетъ намъ, что все, чему мы поклоняемся, все это „*тля и ржавчина*“, которая грозитъ величайшимъ бѣдствіемъ Рос-

сіи, вслѣдствіе недопущенія въ „школу искусства" (т.-е. журналы) не только „недюжинныхъ талантовъ", а даже такихъ величайшихъ „словесныхъ искусниковъ. художниковъ слова", какъ г. Энгельгардтъ, не желающій поступиться „свободою творчества, присягнуть направленской цѣли!"

Не есть ли опусканіе шлагбаума передъ носомъ г. Энгельгардта всякій разъ какъ онъ хочетъ проникнуть въ „*школу искусства*", конечно поучать, подготовить такихъ же „словесныхъ искусниковъ", какъ онъ самъ, причиной его гнѣва? Онъ, должно быть, считаетъ газету подготовительнымъ классомъ „словеснаго искусства" и не можетъ удовлетвориться обученіемъ только подписчиковъ „Новаго Вр.", гдѣ его „художество слова" сужено и не можетъ развернуться во всей своей силѣ, сулящей такъ много благъ Россіи? Онъ преисполненъ великой задачей—поучать во всѣхъ школахъ словеснаго искусства.

Г. Ник. Энгельгардтъ будетъ еще долго переливать изъ пустого въ порожнее, говорить о „пукѣ" прежде, чѣмъ мы что-нибудь узнаемъ.

Это переливаніе изъ пустого въ порожнее, не имѣющее смысла и цѣли, какой-то наборъ, откуда пришлось, всякихъ выписокъ, стиховъ, примѣшиванія рояля фабрики Беккеръ и К°, музыкантовъ, афишъ, капельмейстеровъ и т. п. къ Пушкину и Гоголю, приводитъ, наконецъ, г. Ник. Энгельгардта къ началу разъясненія всего постигшаго нашу литературу зла—къ семинаристамъ.

Если вѣрить г. Энгельгардту, въ „Исторіи новѣйшей русской литературы" [1]) говорится, что Пушкинъ и Гоголь „завѣщали потомству великолѣпный инструментъ, отлично приспособленный для разыгрыванія. Музыканты эти не замедлили явиться, а съ нихъ-то собственно и

[1]) Г. Скабичевскаго.

начинается совершенно новая эпоха въ нашей литературѣ".

Если эти строки есть дѣйствительно въ „Исторіи", то „художество слова, словесное искусство" г. Нпк. Энг. проникло даже въ учебники, и онъ можетъ гордиться своимъ величіемъ, проникающимъ даже туда, гдѣ онъ не имѣлъ случая поучать! Что бы за переворотъ онъ совершилъ въ „словесномъ искусствѣ", если бы передъ „его носомъ не опускали шлагбаумъ" разныя „школы искусства"! И все-таки г. Ник. Энг. недоволенъ своими учениками!

„Эти музыканты, пишетъ г. Ник. Энг., по преимуществу изъ окончившихъ богословскій классъ семинаріи, подъ управленіемъ капельмейстеровъ, тоже изъ окончившихъ тотъ же семинарскій классъ, овладѣли „инструментомъ", настроили его по своему, и началась „новая эпоха". Литературный міръ начинаетъ представлять теперь „федерацію литературныхъ лагерей"?

Какая художественность, какое остроуміе у г. Нпк. Энгельгардта!

Вотъ тогда-то и началось бѣдствіе, такъ какъ литературныя силы группируются вокругъ журналовъ, которые проводятъ *то или другое направленіе*".

Долго пришлось бы ждать, чтобы г. Нпк. Энгельгардтъ назвалъ этихъ злодѣевъ—этихъ губителей „словеснаго искусства", художества слова, „виновниковъ" мертвеннаго направленія въ школахъ словеснаго искусства и „направленской цѣли" этихъ „школъ", выражаясь его „художественнымъ языкомъ", и случилось бы то, что я высказалъ раньше:—не всякій дочиталъ бы мой разборъ „Утилитаризма въ искусствѣ", если бы я не объяснилъ, что эти злодѣи—Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій!

Позвольте, скажутъ всѣ читавшіе сочиненія нашихъ критиковъ, вѣдь это ложь, клевета, это такое явленіе, которому нельзя подыскать опредѣленія! Какъ могъ г.

Ник. Эпгельгардтъ рѣшиться на подобный поступокъ? Какъ могла редакція печатать такія издѣлія?

Какое мнѣніе составятъ даже тѣ читатели, которые не имѣютъ понятія о нашихъ критикахъ, прочтя чепуху г. Ник. Эпгельгардта, которой онъ себя такъ жестоко осмѣиваетъ, если читатели эти имѣютъ смыслъ!

Все это такъ, но „издѣліе“ его—такое явленіе въ нашей литературѣ, которое заразило уже другихъ, и нельзя его оставить безъ отвѣта. Никто такъ жестоко не накажетъ г. Ник. Эпгельгардта, какъ тѣ, на кого онъ вздумалъ лгать, хотя они и мертвецы!

Н. А. Добролюбовъ въ своихъ статьяхъ: „Темное царство“, „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“, „Когда же придетъ настоящій день“, „Черты для характеристики русскаго простонародья“ и друг. точно опредѣляетъ назначеніе критики, ея задачи и требованія [1]). До Н. А. Добролюбова, болѣе 10 лѣтъ писали объ Островскомъ критики, и не только публика, но и сами критики не могли составить о немъ надлежащаго понятія, такъ какъ *каждый предъявлялъ къ нему свои требованія*. Н. А. Добролюбовъ съ его тонкой иронією свелъ на очную ставку критиковъ Островскаго, чтобы они на себя полюбовались. И какъ жалки они всѣ кажутся, подвергшись нападкамъ такого аналитическаго ума!

Выписывать все, что изложено на десяткахъ страницъ, нѣтъ возможности; придется взять изъ прекраснаго цѣлаго частицу, въ доказательство того, что Н. А. Добролюбовъ былъ *борцомъ противъ предъявленія какихъ-либо требованій къ автору со стороны критики*, какъ это было до него, что онъ объяснялъ старой критической рутиной, „которая осталась во многихъ головахъ [2]) отъ изученія *художественной схоластики* въ

[1]) Т. III стр., 1–23; 412–437; 257—265; 345—354.

[2]) То же, стр. 414.

курсахъ Кошанскаго, Ивана Давыдова, Чистякова и Зелецкаго".

„Извѣстно, что, по мнѣнію сихъ почтенныхъ теоретиковъ, критика есть приложеніе къ извѣстному произведенію общихъ законовъ, изложенныхъ въ курсахъ тѣхъ же теоретиковъ: подходитъ подъ законы—отлично, не подходитъ—плохо".

Сейчасъ же Н. А. Добролюбовъ и опредѣляетъ цѣну и причину такого направленія.

„Какъ видите, говоритъ онъ, придумано недурно для отживающихъ стариковъ: покамѣстъ такое начало живетъ въ критикѣ, они могутъ быть увѣрены, что не будутъ считаться совсѣмъ отсталыми, что бы ни происходило въ натурѣ. Вѣдь законы прекрасно установлены въ ихъ учебникахъ на основаніи тѣхъ произведеній, въ *красоту* которыхъ они вѣруютъ; пока все новое будутъ судить на основаніи учрежденныхъ ими законовъ, до тѣхъ поръ изящнымъ и будетъ признаваться только то, что съ ними сообразно; ничто новое не посмѣетъ предъявить своихъ правъ; старички будутъ правы, вѣруя въ Карамзина и *не признавая Гоголя*, какъ думали быть правыми почтенные люди, *восхищавшіеся* подражателями Расина и ругавшіе Шекспира пьянымъ дикаремъ, вслѣдъ за Вольтеромъ, или преклонявшіеся предъ „Мессіадой" и на этомъ основаніи отвергавшіе „Фауста".

Н. А. Добролюбовъ говоритъ:

„Они (критики) упрекаютъ насъ въ томъ, что мы приняли дурную методу—разсматривать произведеніе автора и затѣмъ, какъ результатъ этого разсмотрѣнія, говорить, что въ немъ содержится и каково это содержимое. У нихъ совсѣмъ другая метода: они прежде говорятъ себѣ, *что должно содержаться въ произведеніи* (по ихъ понятіямъ, разумѣется) и въ какой мѣрѣ все *должное* (курс. авт.) дѣйствительно въ немъ находится (опять сообразно ихъ понятіямъ). Понятно, что, при такомъ различіи воззрѣній, они съ негодованіемъ смотрятъ на наши разборы, уподобляемые однимъ изъ нихъ „приписанію морали къ баснѣ". Но мы очень рады тому,

что наконецъ разница открыта, и готовы выдержать какія угодно сравненія“ [1]).

Еще бы! Осмѣль ихъ,—ихъ же собственными изреченіями и противорѣчіями! Далѣе:

„Считаемъ нужнымъ предупредить, что мы *не задаемъ* автору *никакой программы*, не составляемъ для него *никакихъ предварительныхъ правилъ*, сообразно съ которыми онъ долженъ задумывать и выполнять свои произведенія. Такой способъ критики мы считаемъ *очень обиднымъ* для писателя, талантъ котораго всѣми признанъ и за которымъ упрочена любовь публики“. „Критика, состоящая въ показаніи того, что *долженъ* (курс. авт.) былъ сдѣлать писатель и насколько хорошо выполнилъ свою *должность* (курс. авт.), бываетъ еще *умѣстна изрѣдка*, въ приложеніи къ автору начинающему, подающему надежды, но идущему рѣшительно ложнымъ путемъ и потому нуждающемуся въ указаніяхъ и совѣтахъ. Но вообще она непріятна“ [2]).

„Признавая главнымъ достоинствомъ художественнаго произведенія *жизненную правду его*, мы тѣмъ самымъ указываемъ и мѣрку, которою опредѣляется для насъ *степень достоинства* (курс. авт.) и значеніе каждаго литературнаго явленія. Судя по тому, какъ глубоко проникаетъ взглядъ писателя въ самую сущность явленій, какъ широко захватываетъ онъ въ своихъ изображеніяхъ различныя стороны жизни, можно рѣшить и то, какъ великъ его талантъ“ [3]).

„Для насъ важно не то, что хотѣлъ сказать авторъ, сколько то, что имъ сказалось, хотя бы непамѣренно, просто вслѣдствіе правдиваго воспроизведенія фактовъ жизни“ [4]).

„Писатель-художникъ, не заботясь ни о какихъ общихъ заключеніяхъ относительно состоянія общественной мысли и нравственностей, всегда умѣетъ однакоже уловить ихъ существенныя черты, ярко освѣтить и прямо поставить ихъ передъ глазами людей разны-

[1]) Т. III, стр. 413.
[2]) То же, стр. 12.
[3]) То же, стр. 21—22
[4]) Т. III, стр. 257.

шляющихъ. Вотъ почему, *полагаемъ мы*, что какъ скоро въ писатель-художникъ признается талантъ, т.-е. *умѣніе чувствовать и изображать жизненную правду явленій, то уже въ силу этого самого признанія, произведенія его даютъ законный поводъ къ разсужденію о той сферѣ жизни, о той эпохѣ, которая вызвала въ писателѣ то или другое произведеніе.* И мѣркою для таланта писателя будетъ здѣсь то, до какой степени широко захвачена имъ жизнь, въ какой мѣрѣ прочны и многообъятны тѣ образы, которые имъ созданы“ [1]).

Изъ этого ясно, что Н. А. Добролюбовъ не навязывалъ автору никакихъ тенденцій, былъ противъ „направленской цѣли школы искусства“. Вотъ я и заразился „художествомъ слова“.

Н. А. Добролюбовъ требовалъ *отъ искусства* несравненно болѣе, чѣмъ требовали теоріи, которыя могли удовлетворяться „Гуакомъ“, „Битвой русскихъ съ кабардинцами“. Н. А. Добролюбовъ доказываетъ, что *всякія требованія, приложенія „вѣчныхъ и общихъ“ законовъ искусства* (слушайте, г. Энгельгардъ!) *къ частнымъ и временнымъ явленіямъ черезъ то самое обезсиливаютъ искусство на неподвижность, а критику даютъ совершенно приказное и полицейское значеніе“* [2]).

„Въ произведеніяхъ *талантливаго художника*, какъ бы они ни были разнообразны, всегда можно примѣчать нѣчто общее, характеризующее ихъ и отличающее ихъ отъ произведеній другихъ писателей. На техническомъ языкѣ *искусства* принято называть это *міросозерцаніемъ* (курс. авт.) художника“. Объясняя это міросозерцаніе, сравнивая величіе философствующаго ума и величіе *поэтическаго генія* и разницу между ними, Н. А. Добролюбовъ говоритъ: „такимъ образомъ совершенно яснымъ становится *значеніе художественной дѣятельности въ ряду другихъ отправленій общественной жизни*; образы, созданные художникомъ, собирая въ себѣ, какъ въ фокусѣ,

---

[1]) То же, стр. 258.

[2]) То же, стр. 415.

факты дѣйствительной жизни, весьма много способствуютъ составленію и распространенію между людьми правильныхъ понятій о вещахъ". Отсюда ясно, что достоинство писателя-художника состоитъ въ *правдѣ* (курс. авт.) его произведеній; иначе изъ нихъ будутъ ложные выводы, составятся, по ихъ милости, ложныя понятія. Но какъ понимать *правду* (курс. авт.) художественныхъ изображеній".

„Собственно говоря, *безусловной неправды* писатели никогда не выдумываютъ, о самыхъ пелѣшихъ романахъ и мелодрамахъ нельзя сказать, чтобы представляемыя въ нихъ *страсти* (курс. авт.) и пошлости были безусловно ложны, т.-е. невозможны, даже какъ уродливая случайность. Но *неправда* (курс. авт.) подобныхъ романовъ и мелодрамъ именно въ томъ и состоитъ, что въ нихъ берутся *случайныя, ложныя черты дѣйствительности жизни, не составляющія ея сущности, ея характерныхъ особенностей*. Они представляются ложью и въ томъ отношеніи, что если по нимъ составлять теоретическія понятія, то можно прійти къ идеямъ совершенно ложнымъ".

Г. Энгельгардтъ, воспитавшійся на лубочной литературѣ, имѣвшей на него такое сильное вліяніе, что онъ до сихъ поръ наслаждается ею, не могъ, разумѣется, читать и понимать ничего другого, заразившись ложью этой литературы, проникнувшись ею всецѣло. Онъ до того увлеченъ ею, что публично объ этомъ заявляетъ, не понимая даже значенія такого признанія!

Въ этомъ воспитаніи причина „художества слова", „словеснаго искусства" и этики г. Ник. Энгельгардта,— выразившаяся въ такомъ образцовомъ отношеніи къ печатному слову, нравственному долгу человѣка, въ такихъ сильныхъ, художественныхъ словахъ, въ такой логичности, въ такомъ знаніи.

Изъ приведенныхъ мною мнѣній Н. А. Добролюбова читатель ясно, надѣюсь, понялъ, какъ должно относиться къ „издѣліямъ" г. Ник. Энгельгардта. Н. А. Добролюбовъ изучалъ философію въ семинаріи, а это

много значило для такого ума, какимъ обладалъ нашъ критикъ.

То же самое нужно сказать и о Н. Г. Чернышевскомъ.

Г. Ник. Эйгельгардту, къ сожалѣнію, нельзя понять сдѣланныя мною выписки изъ сочиненій Н. А. Добролюбова, послѣ приговора послѣдняго, а также и г. Буренина о читателяхъ лубочной литературы.

Будемъ имѣть терпѣніе выслушать автора „Утилитаризма“ до конца, такъ какъ каждая его строчка даритъ перлами, о которыхъ говорилъ Н. А. Добролюбовъ при разборѣ книги Ор. Миллера.

Г. Ник. Эйгельгардтъ вѣщаетъ: Можетъ ли словесное художество (и далось же ему оно!) задаваться какими-либо *нравоучительными*, (!) *политическими*, (!!) *общественными*, (!!!) вообще *утилитарными цѣлями?* Можно ли писать романы съ цѣлью поднять уровень городского управленія? Поэмы для улучшенія... ассенизаціоннаго обоза? (Слушайте, слушайте!) Драмы съ проведеніемъ той полезной идеи, что общественныя“... гм., гм... простите читатель -самому неловко писать, такъ какъ я не обучался въ „школѣ словеснаго искусства, художества слова“, въ которой воспитывался г. Ник. Эйгельгардтъ! общественныя... *отхожія мѣста* (!!!!) должны быть щедро снабжены запасомъ „дезодорирующихъ веществъ“?

Что скажете, читатель? Можетъ ли кто сравниться съ нашимъ „художникомъ слова“ въ понятіи, что такое искусство? Понятно, почему онъ съ такой ненавистью говоритъ о врагѣ его — „утилитаризмѣ“! „Искусство“ проникло все его существо и всякое его слово, —помимо глубочайшей мысли, выражаетъ художественныя представленія. Что представляетъ слогъ Пушкина, Л. Н. Толстого, Добролюбова, Чернышевскаго, Гончарова, Лермонтова всѣхъ, кого мы „по предразсудку“ называемъ корифеями русской литературы? Такой красоты, художественности, аромата вы не найдете ни у

кого изъ нихъ (выписки изъ сочиненій Н. А. Добролюбова у васъ передъ глазами). Я не понимаю почему г. Ник. Энгельгардтъ поставилъ слово „дезодорирующихъ“ въ кавычкахъ? Почему этому слову такое предпочтеніе?

Не только это слово, но всѣ слова автора „художественно-словесныхъ произведеній“ должны печататься въ „Нов. Вр.“ не иначе, какъ особеннымъ курсивомъ въ назиданіе потомству и редакціи, какъ новое откровеніе, которое въ настоящее время оцѣнили, сколько мнѣ извѣстно, единицы.

Приведя стихи о печномъ горшкѣ и кумирѣ Бельведерскомъ, г. Ник. Энгельгардтъ восклицаетъ:

„Утилитаризмъ въ искусствѣ! Какой же это старый, старый, мохомъ поросшій вопросъ! Еще въ 1809 году Жуковскій въ ст. „О нравственной пользѣ поэзіи“ писалъ: Я долженъ признаться, Филаретъ, что мнѣніе твое о поэзіи не кажется мнѣ справедливымъ; извиняю твою ошибку; нѣкогда самъ мудрый Сократъ думалъ одинаково съ тобою о семъ предметѣ. Вы оба ограничиваете поэзію непосредственнымъ усовершенствованіемъ добродѣтели, непосредственнымъ возбужденіемъ благородныхъ и высокихъ мыслей. Заблужденіе, Филаретъ! Но къ сему заблужденію ты прибавляешь еще другое: думаешь, поставляемое тобою за предметъ поэзіи, должно быть принято и за *правило въ ея теоріи*“.

Г. Ник. Энгельгардтъ говоритъ, что то же „твердятъ утилитаристы-критики, всѣ Филареты *прошлаго столѣтія*, всѣ *покойные и безпокойные шестидесятники*“ нашей направленской журналистики“.

Вотъ „издѣліе“, которое нуждается въ объясненіи самыхъ элементарныхъ понятій, и если начать обучать автора, то надо исписать Богъ вѣсть сколько бумаги! Вся суть недоумѣнія автора и самого Жуковскаго заключается въ формѣ, въ теоріи, которую оцѣнилъ выше Н. А. Добролюбовъ. Эта форма, теорія считается нашими мудрецами вѣчной, хотя она отжила свой вѣкъ

и оставлена, какъ способная осудить литературу на вѣчное оцѣпененіе, а людей на помраченіе. Г. Ник. Энгельгардтъ не понимаетъ до сихъ поръ, что теоріи измѣняются самой жизнью, ея потребностями и отжившее никто не воскреситъ, хотя, конечно, могутъ явиться поклонники Кошанскаго, Давыдова и др., что доказываетъ самъ г. Ник. Энгельгардтъ. Онъ ничего не знаетъ, что такое искусство, какъ оно понималось въ теченіе около 2.300 лѣтъ, какъ понятіе о немъ измѣнялось, не знаетъ, что этотъ вопросъ до сихъ поръ не рѣшенъ!

Вопросы, сдѣланные авторомъ, съ ссылкой на Жуковскаго, подтверждаютъ мои слова. На вопросы о томъ, возможны ли литературныя произведенія, проводящія нравственныя, общественныя, политическія — вообще утилитарныя цѣли, оставя пока въ сторонѣ вопросъ его о такихъ произведеніяхъ, которыя описывали бы его „обозы", „мѣста", „вещества", мы, можемъ отвѣчать утвердительно, даже прибавить, что только при этомъ условіи, при талантѣ автора, это заслуживаетъ названіе литературнаго произведенія, а не будетъ „словеснымъ искусствомъ" г. Ник. Энгельгардта. Если бы онъ понималъ произведенія писателей-художниковъ, зналъ бы объясненія нашихъ критиковъ о распространеніи идей, о литературныхъ произведеніяхъ, то онъ не предлагалъ бы своихъ вопросовъ, такъ какъ въ талантливыхъ произведеніяхъ отражается сама жизнь, а эта жизнь не основывается на выдуманной теоріи, созданной художественной схоластикой, а уничтожаетъ всякую теорію, какъ скоро люди дѣлаются болѣе просвѣщенными, развитыми. Жизнь не зиждется на теоріяхъ, а содержитъ въ себѣ главную, жизненную цѣль, вытекающую изъ естественныхъ стремленій человѣка, противъ которыхъ все безсильно,—достигнуть благосостоянія, что возможно только при соблюденіи общественныхъ, нравственныхъ, гражданскихъ, политиче-

ческихъ и прочихъ утилитарныхъ условій. А такъ какъ литературное произведеніе есть отраженіе жизни, то оно, при талантѣ писателя, воспроизведетъ не безсмысленную теорію, а тѣ вопросы, которые возбуждаетъ сама жизнь. Если бы теперь явился Гоголь и написалъ бы комедію на городское управленіе Петербурга, напримѣръ, то она сдѣлала бы несравненно болѣе пользы въ короткое время, чѣмъ всѣ безконечныя писанія газетъ, думскія засѣданія, комиссіи, собранія. Интересно обратить вниманіе г. Ник. Энгельгардта на комедію Гоголя „Ревизоръ", напримѣръ. По понятіямъ автора—нельзя „писать романовъ съ цѣлью поднять уровень городского самоуправленія". А Гоголь въ „Ревизорѣ" изображаетъ взяточничество чиновниковъ городского управленія и упадокъ нравственности всѣхъ, имѣющихъ отношеніе къ этому управленію. Чтобы найти логичность въ мышленіи г. Ник. Энгельгардта, нельзя признать комедію „Ревизоръ" художественнымъ произведеніемъ, съ его точки зрѣнія. Критики Гоголя не поняли „Ревизора" и грубо отнеслись къ нему, признавъ паденіе его таланта и во всѣхъ послѣдующихъ его произведеніяхъ. А г. Ник. Энгельгардтъ, я увѣренъ, ни за что не согласится быть послѣдовательнымъ! А какой же выводъ можно сдѣлать изъ комедіи „Ревизоръ"? Да только тотъ, что Гоголь, какъ писатель-художникъ, выразилъ въ этомъ произведеніи то, что тогда бродило въ обществѣ, смутно сознавалось. То, что было для общества еще не вполнѣ ясно—Гоголь ярко освѣтилъ и представилъ, давъ возможность составить правильное пониманіе тѣхъ порядковъ, которые существовали въ то время. А какъ скоро общество уяснило себѣ вредъ этихъ порядковъ, оно мало-по-малу содѣйствовало къ ихъ измѣненію на лучшіе. Выходитъ слѣдствіе, обратное пониманію „искусства" г. Жуковскимъ и г. Ник. Энгельгардтомъ: художе-

ственное произведеніе „Ревизоръ“ обладаетъ моральной красотою, логической истиной и пользой.

Г. Ник. Энгельгардтъ не можетъ признавать, напримѣръ, г. Верещагина художникомъ за его картины войны. Если бы эти картины появились лѣтъ 40 тому назадъ, то царившія тогда „теоріи“ разныхъ мудрецовъ осудили бы его точно такъ же, какъ Пушкина и Гоголя! Теперь же эти картины сдѣлали переворотъ „утилитарный“. Прошу прощенія за страшное слово, за этотъ „жупелъ“. Эти картины—великія произведенія потому, что отразили смутное пониманіе обществомъ ужасовъ войны, потому что отразили опять-таки моральную красоту души, возмущающейся людской бойней, логическую истину, которыя, если будутъ восприняты большинствомъ міра, приведутъ къ пользѣ,—прекращенію войны. Не дѣлая справки, я убѣжденъ что картины г. Верещагина повліяли на г-жу Зутнеръ, высказавшую чувства, возбужденныя ими въ своемъ романѣ „Долой оружіе“. Мысль г. Верещагина проявилась и въ другихъ явленіяхъ, а эта заслуга дѣлаетъ его болѣе великимъ, чѣмъ всѣхъ прочихъ художниковъ — вѣрныхъ прежнимъ „теоріямъ“ — этимъ губительницамъ всего новаго, свѣтлаго, разумнаго, полезнаго.

Гдѣ мысль—тамъ жизнь!

Романъ той же баронессы Зутнеръ „Вѣкъ машинъ“ — романъ *политико-экономическій*. Какой ужасъ для г. Ник. Энгельгардта и его друзей! Этотъ романъ, несмотря на всѣ его недостатки, скорѣе принесетъ пользу, чѣмъ вся политическая экономія: форма литературная понятнѣе большинству, чѣмъ философія, политическая экономія и другія ученія и чѣмъ выше талантъ, тѣмъ больше пользы, конечно. Статья Н. А. Добролюбова „Робертъ Оуэнъ“ шедевръ въ этомъ отношеніи.

Вопросы автора относительно „мѣстъ“, „обозовъ“ мнѣ

напомнили вопросъ ребенка, обращенный къ отцу, когда они гуляли въ полѣ. „Папа! а можно доѣхать до неба въ три дня? Няня говоритъ, что оно очень далеко! Папа свези меня на небо".

Такой вопросъ понятенъ со стороны ребенка, не имѣющаго никакого представленія о вселенной, о горизонтѣ, который судитъ на основаніи зрѣнія и сказокъ няни. Но какъ могъ сдѣлать такіе вопросы г. Николай Энгельгардтъ, напечатавшій такую массу словъ объ искусствѣ?

Папа отвѣтилъ ребенку слѣдующее: „когда ты вырастешь, поймешь, что такое небо и земля, — тогда узнаешь, можно ли доѣхать до неба въ три дня и могу ли я тебя свезти на небо." Что же отвѣтить автору? Да то же самое, читатель! Чтобы печатать—надо знать то, о чемъ печатаешь. Если самъ не можешь быть себѣ судьей—поискать добраго, умнаго, знающаго человѣка и просить его сказать его мнѣніе. Вопросъ „что такое искусство" вовсе не такой вопросъ, который могъ бы рѣшить Жуковскій или г. Ник. Энгельгардтъ, написавши фельетонъ, не имѣя понятія о томъ, какъ и сколькими философами онъ разрѣшался со времени Сократа въ теченіе около 2300 лѣтъ! Онъ не знаетъ даже, что искусство *связывалось съ красотой* почти всѣми эстетиками, и если единицы отдѣляли красоту отъ искусства, то, и по ихъ понятіямъ, искусствомъ признается то, что доставляетъ удовольствіе нашимъ чувствамъ, сердцу и разуму (Шербюлье) или дѣятельную радость, пріятное впечатлѣніе (Сэлли, 1874 г.).

Неужели г. Ник. Энгельгардтъ сомнѣвается, что его „обозы", „мѣста" не могутъ представлять прекраснаго, доставить удовольствіе нашимъ чувствамъ, сердцу и разуму одновременно!

Неужели его могла смутить эстетика ученаго профессора Краснова, если онъ случайно узналъ, что про-

фессоръ признаетъ пять искусствъ пяти чувствъ: вкуса, обоняпія, осязанія, слуха и зрѣпія? Такъ вѣдь его необыкновенные „предметы“ не подходятъ и подъ опредѣленіе Краликъ, такъ какъ никакого эстетическаго наслажденія они произвести не могутъ на чувства всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ цѣлаго міра!

На такого рода вопросы, какіе предложилъ авторъ знаменитаго „пздѣлія“—другого возраженія, какъ сдѣланное мною, онъ не долженъ и ждать, такъ какъ если бы онъ что-либо понималъ въ искусствѣ, онъ ихъ не предложилъ бы.

Чтобы еще лучше выяснить необычайное „пздѣліе“ г. Ник. Энгельгардта, скажу, что наши критики, Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій, изучили всѣ ученія объ искусствѣ и понимали его, чему доказательствомъ служатъ ихъ творенія. Н. Г. Чернышевскій написалъ даже диссертацію на степень магистра—„Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“, но она не была утверждена факультетомъ, такъ какъ понятія автора были еще слишкомъ новы не только для того времени, но и для нашего. Къ этой диссертаціи я обращусь, по вызову г. Ник. Энгельгардта. Достаточно прочесть у Н. А. Добролюбова „Робертъ Оуэнъ и попытки общественныхъ реформъ“, не говоря о всемъ остальномъ, чтобы признать художественность произведенія, вполнѣ подходящаго подъ опредѣленіе Л. Н. Толстого „что такое искусство!“ Я знаю почтенныхъ педагоговъ, людей ученыхъ, понявшихъ вторую часть „Фауста“ только тогда, когда прочли у Н. А. Добролюбова „Робертъ Оуэнъ“!.. Впрочемъ, у читателя данныя передъ глазами, чтобы судить „пздѣліе“ г. Николая Энгельгардта и составить представленіе о критикахъ, на которыхъ возсталъ самъ г. Ник. Энгельгардтъ.

Непониманіе автора во всемъ, что написало его

перо объ искусствѣ. я удостовѣрю, помимо нашихъ критиковъ, еще другими данными! За этимъ дѣло не станетъ! Читатель, надѣюсь, сознаетъ теперь, что отъ г. Ник. Энгельгардта нельзя требовать изученія всѣхъ понятій объ искусствѣ, но, по моему мнѣнію, ему слѣдовало бы „*одолѣть*“ книжку Л. Н. Толстого „Что такое искусство“. Всего 48 страницъ небольшого формата.

Если бы онъ могъ „одолѣть“ хотя эту книжку, онъ узналъ бы, что, начиная съ Сократа, до позднѣйшаго времени самые ученые люди—мудрецы, не отдѣляли искусства отъ добра, пользы, блага — этого „жупела“ г. Ник. Энгельгардта.

Л. Н. Толстой изучилъ всѣ ученія философовъ объ искусствѣ, не исключая менѣе выдающихся, и вотъ что онъ доказалъ.

„Я не буду выписывать опредѣленій красоты, приписываемыхъ древнимъ: Сократу, Платону, Аристотелю и до Платона, потому что, въ сущности, у древнихъ не существовало того понятія красоты, *отдѣленнаго отъ добра*, которое составляетъ основу и цѣль эстетики нашего времени“ [1]).

Онъ подтверждаетъ это ссылкой на Benard.

Но и въ позднѣйшее время „въ Англіи, Франціи, Италіи, Голландіи“ всѣ эстетики, „какъ и нѣмецкіе, кладущіе въ основу своихъ соображеній понятіе красоты, понимаютъ красоту, какъ нѣчто абсолютно существующее и *болѣе или менѣе сливающееся съ добромъ* и имѣющее съ нимъ одинъ и тотъ же корень“ (1730—1797 гг.) [2]).

По Todhunter (1872 г.), сущность искусства, того, что трогаетъ насъ посредствомъ линій, красокъ, звуковъ словъ, не есть произведеніе *слѣпыхъ силъ*, но силъ разумныхъ, стремящихся, помогая другъ другу, *къ разумной цѣли*“ [3]).

Значитъ добро, польза, благо сливались съ поня-

---

[1]) Л. Н. Толстой. „Что такое искусство“, стр. 18.

[2]) Л. Н. Толстой. „Что такое искусство“, стр. 20.

[3]) Л. Н. Толстой. „Что такое искусство“, стр. 33—34.

тіемъ объ искусствѣ въ теченіе около 2200 лѣтъ и даже въ 1872 г. Todhunter сливаетъ искусство съ разумной цѣлью, т.-е. съ добромъ, пользой, благомъ.

Мнѣ кажется, что размышляющій человѣкъ, знающій вышеприведенные факты, никогда не рѣшился бы писать то, что напечаталъ г. Ник. Энгельгардъ объ утилитаризмѣ. Вѣдь понятіе, державшееся около 2200 лѣтъ, имѣло же за собой значеніе, вызывавшее на размышленіе, и ставило вопросъ: да правы ли тѣ люди, которые откинули въ понятіи о красотѣ — пользу, добро? Да и что это за ученіе, если люди до сихъ поръ не могутъ составить хотя для большинства общаго понятія? Стоитъ ли этотъ вопросъ того труда, тѣхъ горъ книгъ, той траты времени, которые онъ вызвалъ?

Для насъ, простыхъ смертныхъ, читатель, эти вопросы естественны, но г. Ник. Энгельгардтъ вершитъ ихъ иначе. Его понятіе объ искусствѣ исключительное, что выразилось въ его чистосердечномъ признаніи въ переживаніи „свѣтлыхъ минутъ“ съ „Гуакъ“ и т. п.

Н. А. Добролюбовъ, равно и г. Буренинъ, къ которымъ, конечно, надо присоединить и Н. Г. Чернышевскаго, находятъ лубочную литературу годной для людей, лишенныхъ эстетическаго вкуса, а врагъ утилитаризма хвастается своимъ увлеченіемъ ею на всю Русь православную. А тутъ еще попались ему сочиненія Жуковскаго, возбудила его „поэзія“ и его опредѣленіе искусства. Опять надо сказать, что если бы г. Н. Энгельгардтъ имѣлъ объ искусствѣ хотя какое-нибудь понятіе, то онъ никогда бы не опирался на Жуковскаго, потому что его понятіе основано на художественной схоластикѣ, а онъ вѣщаетъ объ немъ, какъ будто Жуковскій, чуть не сто лѣтъ тому назадъ, сдѣлалъ понятіе объ искусствѣ доступнымъ пониманію, хотя большинству людей, которые не приняли его потому, что не знали объ немъ! Г. Н. Энгельгардтъ не замѣ-

тилъ не только его полной неопредѣленности, несостоятельности, но даже противорѣчія, которое уничтожаетъ ученіе!

Предоставляю судить читателю.

Вотъ на что опирается авторъ „издѣлія“. Жуковскій говоритъ:

„Поэзія дѣйствуетъ на одинъ эстетическія силы нашей души, слѣдственно, и *теорія* (Кошанскаго и друг.?) должна имѣть отношеніе къ однѣмъ только эстетическимъ силамъ. Чего требуетъ отъ поэта искусство? *Моральною красотою занимается онъ столь же мало*, какъ и *существенною логическою истиною*. Стихотворецъ исполнилъ свою должность, какъ стихотворецъ; онъ правъ передъ судилищемъ критики“

Сейчасъ являются у мыслящаго человѣка вопросы: какая это теорія? Теоріи Кошанскаго, Ивана Давыдова и др. изучались, если не ошибаюсь, даже въ 50-хъ годахъ, и ругань, расточавшаяся Пушкину Гоголю, опиралась именно на „теорію“.

„Журналы двадцатыхъ годовъ покажутъ намъ, какъ было встрѣчено ареопагомъ появленіе первыхъ опытовъ Пушкина, въ которыхъ онъ рѣшительно выбился изъ рутины державинскаго и карамзинскаго тона“... „Жуковскій, говорятъ, былъ въ восторгѣ отъ Гоголя, но не отъ того направленія, за которое мы цѣнимъ Гоголя. И если Жуковскій съ своими друзьями имѣлъ на Гоголя вліяніе, то ужь, конечно, не благотворное: для Жуковскаго или не понятно, или противно было то *новое* (курс. авт.), что проглядывало въ авторѣ „Мертвыхъ душъ“... А кто ратовалъ за это новое? Бѣлинскій, ровесникъ Гоголя. А кто же изъ авторитетовъ признавалъ тогда Бѣлинскаго?“ [1]).

Этихъ словъ великаго критика достаточно, чтобы не приводить другихъ доказательствъ: его слова — истина.

Затѣмъ является вопросъ: „какія это эстетическія силы души?“ Какъ ихъ понимать, опредѣлить не для

---

[1]) Н. А. Добролюбовъ, т. III стр. 211—212.

Жуковскаго, г. Ник. Энгельгардта, а для большинства хотя? Почему поэзія занимается только имп, отрицая моральную красоту и существенную логическую истину? Что же остается для эстетическихъ силъ души? Стихотворецъ долженъ написать стихи и конецъ! его дѣло сдѣлано, „онъ правъ передъ судилищемъ критики!“ Да что же эти стихи представятъ, лишенные морали и даже логической истины? Къ чему ихъ писать? Какой толкъ въ нихъ? Какова была поэзія Жуковскаго?

„Мечтательность, призраки, стремленіе къ чему-то невѣдомому, надежда на успокоеніе тамъ, въ заоблачномъ туманѣ, патріотическія чувства, обращенныя къ русскимъ шлемамъ, панцырямъ, щитамъ и стрѣламъ, соединеніе державинскаго паренія съ сентиментальностью Коцебу — вотъ характеристика романтической поэзіи, внесенной къ намъ Жуковскимъ. Одно только изъ русской народности воспропзвелъ Жуковскій (въ Свѣтланѣ) и это одно—суевѣріе народное“ [1].

Не правда ли, какъ точно опредѣлилъ его поэзію нашъ критикъ, нисколько не расходясь съ опредѣленіемъ самого Жуковскаго? По опредѣленію Добролюбова его поэзія „слова“ и „слова“!

Представьте себѣ, что такъ и опредѣляетъ ее Жуковскій и вотъ доказательства.

Г. Ник. Энгельгардтъ приводитъ опредѣленіе поэзіи словами Жуковскаго.

Слова поэта—дѣла поэта (!). Если художественныя произведенія удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ искусства, то художникъ правъ: онъ совершилъ свое дѣло, произведя прекрасное, которое одно есть предметъ художества. Цѣль искусства есть одно твореніе. Красота творенія заключается въ истинѣ. Талантъ заключается въ исполненіи. Цѣль ремесла также твореніе, но твореніе для нѣкоторой пользы. Ремесло пользуется искусствомъ для украшенія. Но если украшенія не-

[1] Н. А. Добролюбовъ, т. I, стр. 500.

кусства значительны сами по себѣ, то они затмеваютъ пользу".

Поэзія—слова и слова! Опредѣленіе—тоже слова и слова! Тутъ тоже масса вопросовъ и первый—что такое искусство? Какое его назначеніе? и т. д. Какъ можетъ заключаться красота творенія въ истинѣ, когда поэтъ занимается логической истиной такъ же мало, какъ и моральной красотою? Какая же это другая истина, отвергнутая въ одной части искусства и признаваемая въ цѣломъ? Какое же необходимо исполненіе, чтобы признать талантъ въ словахъ, словахъ? Выходитъ, что оно лишено нравственности, фальшиво и безполезно. Хорошее понятіе, хорошее искусство!

Ремесло, по опредѣленію Жуковскаго, имѣетъ огромное значеніе, искусство же безсмысленно, вредно!

А вотъ что говоритъ Н. А. Добролюбовъ!

„Поэзія и вообще искусства, науки слагаются по жизни, а не жизнь зависитъ отъ поэзіи и это все, что въ поэзіи является лишнимъ противъ жизни, т.-е. не вытекающимъ изъ нея *прямо и естественно, все это уродливо* и *безсмысленно*. Что отжило свой вѣкъ, то уже не имѣетъ смысла; и напрасно мы будемъ стараться возбудить въ душѣ восхищеніе красотою лица, отъ котораго имѣемъ только голый черепъ" [1]).

Слѣдовательно, отъ искусства прежде всего требуется *жизненная правда*, а эта правда нераздѣлима съ нравственностью, истиной и пользой—все противное этому опредѣленію есть ложь и безсмыслица!

Поздно родился г. Ник. Энгельгардъ, чтобы излагать понятія Жуковскаго объ искусствѣ и прилагать ихъ на практикѣ, не имѣя даже тѣхъ данныхъ, которыми обладалъ Жуковскій! Теперь понятія объ искусствѣ иныя, и наборъ словъ, пренебрегающихъ моралью, логической истиной и пользой, не найдетъ послѣдова-

[1]) Н. А. Добролюбовъ, т. I, стр. 467.

телей среди размышляющихъ читателей, хотя наше общество сильно упало во всѣхъ отношеніяхъ. Эти русскія вазы, галантерейныя вещи древнихъ считаются предметами искусства, а не ремесла. Мы теперь признаемъ художественную посуду, мебель, постройки, [1]) золотыя и серебряныя издѣлія, надъ которыми трудятся художники, и никто не будетъ теперь „читать“ „Эду“, „Балъ“, „Наложницу“, „Наталію Долгорукову“, „Борскаго „Нищаго“, какъ говоритъ Н. Г. Чернышевскій? [2])

Чтобы еще болѣе уяснить полную неудачу г. Николая Энгельгардта въ его сравненіяхъ, приведу слова Л. Н. Толстого, котораго, вѣроятно, самъ г. Ник. Энгельгардтъ не рѣшится отрицать въ настоящее время, судя по тому, что печаталось о графѣ въ „Нов. Вр.“

Л. Н. Толстой говоритъ слѣдующее:

„Предполагается, что то, что разумѣется подъ словомъ красота, всѣмъ извѣстно и понятно. А между тѣмъ это *не только неизвѣстно*, но послѣ того, какъ объ этомъ предметѣ въ теченіе 150 лѣтъ съ 1750 г.—времени основанія Баумгартеномъ эстетики — исписаны горы книгъ самыми *учеными и глубокомысленными людьми*, вопросъ о томъ, что такое красота, *до сихъ поръ остается совершенно открытымъ* и съ каждымъ новымъ сочиненіемъ объ эстетикѣ *рѣшается новымъ способомъ* [3]).

Что же значитъ ссылка на Жуковскаго? А г. Ник. Энгельгардтъ, въ невѣдѣніи своемъ того вопроса, о которомъ онъ вздумалъ сдѣлать наборъ словъ, опирается на опредѣленіе красоты, искусства Жуковскимъ и приводитъ его слова, достоинство которыхъ читатель, надѣюсь, уяснилъ себѣ. Это опредѣленіе „словесное искусство“ „художество слова“. Эта теорія еще имѣетъ

---

[1]) Развѣ Парѳенонъ и Альгамбра не имѣли практическаго назначенія?

[2]) „Очерки Гоголевскаго періода“.

[3]) „Что такое искусство?“ стр. 14.

представителей до сихъ поръ въ нашей литературѣ. Много у насъ такихъ произведеній, гдѣ только слова безъ моральной красоты, логической истины, пользы и даже формы. Время упадка, ужаснаго упадка такими произведеніями и знаменуется.

„Знаменитый Ренанъ", говоритъ, что—„портняжное искусство есть искусство и что *очень ограничены и тупы* тѣ люди, которые въ нарядѣ женщины не видятъ дѣла высшаго искусства" [1]).

Какъ вамъ нравится это опредѣленіе искусства Ренаномъ?

Ренана называетъ „*знаменитымъ*" самъ Л. Н. Толстой, а это означаетъ кое-что, я думаю, и для автора „издѣлія".

Право, обидно за г. Ник. Энгельгардта становится и даже жаль его! Какъ попасть въ такую трясину? Ногу начинаетъ вытаскивать — другая глубже уходитъ, вторую думаетъ освободить—первая еще глубже уходитъ и тянетъ его въ себя трясина, засасываетъ, а онъ и не догадается о своемъ положеніи!

А г. Ник. Энгельгардтъ думалъ, что понятіе Жуковскаго объ искусствѣ, да его „словесное искусство" такіе два столба, какъ „Геляндри" и „Варуфоросъ!" Г. Ник. Энгельгардту неизвѣстны эти пороги и стихи, которые ихъ отмѣтили навсегда въ нашей литературѣ въ „Свисткѣ" [2]).

Гюйо (1854—1888 г.) говоритъ, что „искусство есть выраженіе жизни *разумной* и *сознательной*, вызывающей въ насъ, съ одной стороны, самыя глубокія ощущенія *существованія*, съ другой — чувства самыя *высокія* и *мысли* самыя *возвышенныя*" [3]), что недостижимо въ искусствѣ при понятіи Жуковскаго, равно при „сло-

[1]) „Что такое искусство?" стр. 12.

[2]) Н. А. Добролюбовъ, т. IV, „Свистокъ", стр. 437—438.

[3]) Л. Н. Толстой. „Что такое искусство?" стр. 31.

весномъ искусствѣ" г. Ник. Энгельгардта! Этотъ же Гюйо разсказываетъ „какъ выпитый имъ въ горахъ стаканъ молока далъ ему *эстетическое наслажденіе*!" [1]). Вотъ и судите по этому образцу объ искусствѣ! Онъ признаетъ, какъ и Ренанъ, портняжное искусство. А его мнѣніе объ искусствѣ очень высоко цѣнится нѣкоторыми писателями нашего времени.

Да, обидно за г. Ник. Энгельгардта, очень обидно. Онъ безъ всякаго стѣсненія лжетъ на Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевскаго, Надеждина, Шелгунова, семинаристовъ, духовенство вмѣстѣ съ „созрѣвающимъ философомъ", а не имѣетъ, какъ и его другъ, никакого понятія о нашихъ критикахъ, объ искусствѣ — даже о книжкѣ Л. Н. Толстого! Вотъ какъ пишутъ „исторію русской литературы" съ дѣленіемъ ея на 10 періодовъ, ровно по 10 лѣтъ въ каждомъ!

Ну, времена! Ну нравы!

По моему мнѣнію, пройдетъ еще безконечное число лѣтъ, а ученіе о красотѣ, искусствѣ будетъ не въ лучшемъ состояніи, какъ было до сихъ поръ въ теченіе около 2300 лѣтъ, начиная съ Сократа. Для меня это понятно. Есть мудрая пословица „о вкусахъ не спорятъ"—истина, которая останется вѣчной. Чтобы понятіе объ искусствѣ сдѣлалось общимъ, необходимо, чтобы всѣ люди были, безъ исключенія, одинаковой организаціи, одинаковаго духовнаго и физическаго развитія, чтобы условія жизни всѣхъ были совершенно одинаковы, такъ какъ эти условія вліяютъ на наши понятія, сужденія, впечатлѣнія, однимъ словомъ, чтобы всѣ люди были одинаковы во всѣхъ отношеніяхъ, представляя въ общемъ то же, что и каждый въ отдѣльности. Какъ скучна была бы жизнь!

Возможна ли такая общность между людьми?

---

[1]) Л. Н. Толстой. „Что такое искусство?" стр. 13.

Опредѣленіе, что такое искусство въ теченіе около 2300 лѣтъ было, въ сущности, безплодно потому, что необходимой для этого общности и не было между людьми, и этимъ вопросомъ занимались люди исключительные, которымъ мало было подобныхъ и въ самомъ ничтожномъ меньшинствѣ людей того же круга; къ тому же и опредѣленіе искусства не могло быть объективнымъ, а было субъективно, какъ результатъ исключительнаго образованія, исключительной организаціи ума и исключительнаго положенія, стремившихся опредѣлить—неопредѣлимое для сколько-нибудь значительнаго числа людей. Ученіе понималось единицами, можетъ быть десятками, сотнями, много—тысячами; являлось новое ученіе и старое отвергалось до новаго ученія и т. д. до нашихъ дней. Л. Н. Толстой великій писатель-художникъ, *настоящій* философъ, а и его опредѣленіе искусства не удовлетворяетъ и на него были и есть возраженія! Возможно, конечно, что число принявшихъ какое-нибудь ученіе будетъ больше, чѣмъ относительно другихъ, предшествовавшихъ ученій, но... Это будетъ временно и для ничтожнаго числа людей!

То же самое будетъ и относительно „Утилитаризма".

Что можетъ быть выше ученія о достиженіи блага для возможно большаго числа людей? Только ученіе о достиженіи всеобщаго блага, величайшее ученіе Іисуса Христа! Съ этимъ ученіемъ будетъ происходить то же, что и съ ученіемъ объ искусствѣ, если найдутся досужіе, богатые люди, чтобы исписать горы книгъ по этому вопросу. Является вопросъ, что такое благо? Въ чемъ оно заключается? Какъ его понимать и т. д. Понятіе о благѣ возможно большаго числа людей расширятъ до понятія о всеобщемъ благѣ и пойдутъ тянуть новую канитель. Все это, по моему мнѣнію, занятіе, доступное кабинету ученаго и для кабинетовъ ученыхъ, совершенно безполезное для сколько-нибудь значитель-

наго количества людей, такъ какъ для усвоенія самого идеальнаго ученія нужны тѣ же условія, какъ и для усвоенія понятія, что такое искусство. Доказательство у всѣхъ мыслящихъ на лицо — ученіе объ общемъ благѣ Іисуса Христа. Если бы всѣ люди прониклись имъ—всеобщее благо воцарилось бы на землѣ. А что мы видимъ? Какъ далеки люди даже отъ того, чтобы за 1900 лѣтъ проникнуться хотя однимъ завѣтомъ Спасителя!

Въ началѣ XX вѣка даже понятіе о нравственности, установившееся, казалось, въ кружкѣ развитыхъ людей, осмѣивается членомъ, причисляющимъ себя къ этому кружку, безъ страха быть изгнаннымъ изъ общества! Напротивъ, онъ этимъ хвастается, его хвалятъ, ему подражаютъ другіе члены того же кружка!

Не пришли ли вы, читатель, къ тому убѣжденію, что г. Ник. Энгельгардтъ не имѣетъ также никакого понятія, что такое утилитаризмъ?

Во всемъ „издѣліи“ г. Ник. Энгельгардтъ только разъ привелъ данныя, излагая свои мудрыя мнѣнія о Н. Г. Чернышевскомъ.

„Чернышевскій, разсуждая объ искусствѣ, указывалъ что неодушевленная природа не думаетъ о красотѣ своихъ произведеній, какъ дерево не думаетъ о томъ, чтобы плоды его были вкусны. Но тѣмъ не менѣе надобно признаться, что наше искусство до сихъ поръ не могло создать ничего подобнаго даже апельсину или яблоку, не говоря уже о роскошныхъ плодахъ тропическихъ земель“.

Вотъ какъ разсуждаетъ г. Ник. Энгельгардтъ:

„Итакъ, апельсинъ или яблоко на лоткѣ разносчика лучше nature morte въ Эрмитажѣ, изображающей яблоки и апельсины возражаетъ г. Ник. Энгельгардтъ. Чернышевскій *не подумалъ одного* (!): отчего же „совершенное яблоко можно купить за гривенникъ, а за копію платятъ сотни рублей?“

Не правда ли, какъ г. Ник. Энгельгардтъ находчивъ?

Какой наивный Н. Г. Чернышевскій! Не сообразилъ такого пустяка, разсуждая объ искусствѣ, и за это наказанъ г. Николаемъ Энгельгардтомъ! Репутація Н. Г. Чернышевскаго, какъ критика, философа, какъ замѣчательнаго *экономиста*, какъ называетъ его самъ г. Ник. Энгельгардтъ, уничтожена и до сихъ поръ никто не нашелся выступить на его защиту, а самъ онъ отвѣтить и разъяснить, почему онъ такъ наивно, по-дѣтски, выразился, не можетъ. Положимъ „мертвые сраму не имутъ“, а все-таки „выдержка“ г. Ник. Энгельгардта очень его роняетъ.

Объ искусствѣ, какъ мы знаемъ, исписаны горы книгъ, противорѣчащихъ часто одна другой,—это обстоятельство указываетъ на полную невозможность что-либо основывать на нѣсколькихъ вырванныхъ откуда-нибудь строчкахъ, какъ это дѣлаетъ г. Ник. Энгельгардтъ. Опредѣлить же ученіе Н. Г. Чернышевскаго, какъ могъ опредѣлить Л. Н. Толстой, ему, конечно, невозможно, и онъ не стѣсняется приложить на практикѣ свою „философію“. При этомъ надо обратить вниманіе на то обстоятельство, что г. Ник. Энгельгардтъ не указываетъ, откуда онъ беретъ факты, даже въ такомъ исключительномъ съ его стороны случаѣ, и провѣрять его, безъ особенныхъ причинъ, никто не будетъ, что даетъ ему, конечно, большое преимущество передъ мертвецомъ. Тотъ, кто не читалъ сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, не знаетъ, есть ли ихъ изданіе или нѣтъ, долженъ перечитать „Современникъ“ за 8 лѣтъ! Это задача не маленькая, за разрѣшеніе которой, — ради провѣрки г. Ник. Энгельгардта, никто не возьмется. Да и не найдетъ онъ въ „Современникѣ“ того, что ему надо, такъ какъ г. Ник. Энгельгардту попалась подъ руку диссертація Н. Г. Чернышевскаго—„Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“, которая,

сколько я помню, не была напечатана въ „Современникѣ“.

Придется мнѣ приводить дѣйствительные факты, чтобы доказать, что авторъ феноменальнаго „издѣлія“ остался себѣ вѣренъ во всѣхъ качествахъ, которыя выказалъ раньше.

Г. Ник. Энгельгардтъ вырвалъ нѣсколько строкъ, служащихъ въ подтвержденіе положенія Фишера „о непредпамѣренности прекраснаго въ природѣ“, ничего не сказавъ о той системѣ эстетическихъ понятій того времени, болѣе полнымъ и рѣзкимъ представителемъ котораго явился Фишеръ. Г. Ник. Энгельгардтъ представляетъ для себя возможнымъ произносить свои мудрыя рѣшенія вопроса, вызвавшаго цѣлый трактатъ, заключающей въ себѣ почти 15 фельетоновъ въ 500 строкъ каждый. Высказать коротко сущность ученія возможно, но дѣлать такой наборъ, который дѣлаетъ г. Ник. Энгельгардтъ—значитъ печатать опять-таки чепуху, ложь, не имѣющую другого назначенія, кромѣ извращенія мысли. Чтобы доказать это, придется разбивать строку за строкой и приводить объясненія Н. Г. Чернышевскаго. Вотъ качество „издѣлій“: невозможность ихъ опровергать, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, вслѣдствіе обширности объясненій, иначе, какъ издавая книгу!

Н. Г. Чернышевскій говоритъ:

„Господствующая нынѣ система эстетическихъ понятій рѣшаетъ вопросъ (объ отношеніи прекраснаго въ дѣйствительности, къ прекрасному въ фантазіи и искусствѣ) такъ: прекрасное въ объективной дѣйствительности [1]) имѣетъ недостатки, уничтожающіе красоту его, и наша фантазія поэтому принуждена прекрасное, находимое въ объективной дѣйствительности, *пере-*

[1]) Прекрасное въ искусствѣ—въ объективномъ существованіи, приписываемомъ ему творческою фантазіей человѣка.

дѣлывать для того, чтобы освободивъ его отъ недостатковъ, неразлучныхъ съ его реальнымъ существованіемъ, сдѣлать его истинно прекраснымъ (!). Фишеръ полнѣе и рѣзче другихъ эстетиковъ входитъ въ анализъ недостатковъ объективнаго *прекраснаго*. Потому его анализъ и должно подвергнуть критикѣ" [1]).

Н. Г. Чернышевскій приводитъ буквально Фишерову критику прекраснаго къ дѣйствительности.

Чтобы показать какъ смутны понятія объ искусствѣ, я приведу только нѣсколько мнѣній Фишера, который дѣлаетъ упреки *прекрасному въ дѣйствительности*: „рѣдко вполнѣ прекрасное и въ природѣ вообще; не часто встрѣчаются такія модели, какова была Виттторія Альбано во время Румора: прекрасное въ природѣ живо, но, находясь среди неисчислимо разнообразныхъ отношеній, оно подвергается порчѣ со всѣхъ сторонъ; *живой предметъ не можетъ быть прекраснымъ* уже и потому, что въ *немъ совершается тяжелый, грубый процессъ жизни*; чрезвычайно непродолжителенъ періодъ времени, въ теченіе котораго человѣческое тѣло можетъ назваться прекраснымъ (Гёте)" и т. д.

Н. Г. Чернышевскій разбираетъ ученіе Фишера.

„Прекрасное въ природѣ непреднамѣренно; уже по этому одному не можетъ быть оно такъ хорошо, какъ прекрасное въ искусствѣ, создаваемое преднамѣренно".

Дѣйствительно, говоритъ Н. Г. Чернышевскій, „неодушевленная природа не думаетъ о красотѣ своихъ произведеній" и т. д., то, что вырвалъ г. Ник. Энгельгардтъ. Слова г. Н. Г. Чернышевскаго теперь понятны. Затѣмъ онъ поясняетъ.

„Конечно, преднамѣренное произведеніе по достоинству будетъ выше непреднамѣреннаго; но только тогда, когда силы производителей равны. А силы человѣка гораздо слабѣе силъ природы, работа его чрезвычайно

---

[1]) Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности, стр. 33.

груба, неловка, неуклюжа въ сравненіи съ работою силъ природы. И потому въ произведеніяхъ искусства превосходство со стороны преднамѣренности перевѣшивается, и далеко перевѣшивается слабостью ихъ въ исполненіи. Притомъ же непреднамѣренна красота въ природѣ безчувственной, мертвой".

Съ мнѣніемъ г. Н. Г. Чернышевскаго нельзя не согласиться. Ни одинъ художникъ, ни одинъ скульпторъ, не произведетъ ничего, что могло бы быть принято за предметъ дѣйствительности. Теперь никто не повѣритъ разсказу, что художникъ изобразилъ виноградъ такъ естественно, что птицы, будто бы, прилетали клевать его, а другой нарисовалъ покрывало на картинѣ, и ввелъ въ заблужденіе человѣка, просившаго его снять. Если бы это и было возможно—художникъ только доказалъ бы способность человѣка изобразить дѣйствительность.

„По господствующимъ эстетическимъ понятіямъ", говоритъ Н. Г. Чернышевскій, „искусство имѣетъ своимъ источникомъ стремленіе человѣка освободить прекрасное отъ недостатковъ (нами разсмотрѣнныхъ), мѣшающихъ прекрасному, на степени своего *реальнаго существованія въ дѣйствительности*, быть вполнѣ удовлетворительнымъ для человѣка. Прекрасное, создаваемое искусствомъ, свободно отъ недостатковъ прекраснаго въ дѣйствительности. Посмотримъ же, до какой степени на самомъ дѣлѣ прекрасное, создаваемое искусствомъ, выше прекраснаго въ дѣйствительности по свободности отъ упрековъ, взводимыхъ на это послѣднее: послѣ того намъ легко будетъ рѣшить, вѣрно ли опредѣляется господствующимъ воззрѣніемъ происхожденіе искусства и его отношеніе къ дѣйствительности [1]).

Н. Г. Чернышевскій доказываетъ, что упреки, дѣлаемые дѣйствительности, еще болѣе падаютъ на искусство, о преимуществахъ котораго, въ сравненіи съ природой, не можетъ быть и рѣчи.

[1]) Тамъ же, стр. 53—55.

Конечно, нѣтъ возможности приводить примѣры, выписывать цѣлыя страницы въ поясненіе ясной и справедливой системы Н. Г. Чернышевскаго, опровергающаго Фишера. Мнѣ кажется, понятно всякому, что система Фишера исправлять природу (по философской терминологіи) искусствомъ, поведетъ къ фальшивому пониманію. Представьте себѣ художника, рисующаго деревья. Между совершенно правильными экземплярами попадается ему нѣсколько съ кривыми вѣтвями, высохшими верхушками и т. п. По ученію эстетиковъ,— художникъ долженъ ихъ исправить, чтобы они были также правильны, какъ и другіе. Но вѣдь если быть послѣдовательнымъ, то художникъ, рисующій портретъ, такъ же долженъ исправить всѣ неправильности лица! Что же тогда выйдетъ?

„Красота статуи, говоритъ г. Ник. Энгельгардтъ, не можетъ быть выше живого тѣла прекрасной женщины, потому что снимокъ не можетъ быть выше оригинала. Топорная работа—вотъ настоящее имя всѣхъ пластическихъ искусствъ, какъ скоро сравнимъ ихъ съ природою. „Всегда и само собою" — въ природѣ, „очень рѣдко и съ величайшимъ напряженіемъ въ искусствѣ. Вотъ фактъ".

Какъ относится г. Ник. Энгельгардтъ къ печатному слову, какъ онъ понимаетъ,—можете судить по слѣдующему примѣру. Н. Г. Чернышевскій говоритъ: „*На основаніи всѣхъ приведенныхъ соображеній* красота статуи не можетъ быть выше живого индивидуальнаго человѣка, потому что снимокъ не можетъ быть прекраснѣе оригинала" [1]). Эти соображенія о скульптурѣ приведены на двухъ слишкомъ, страницахъ и возразить на нихъ здравомыслящему человѣку ничего нельзя. Затѣмъ г. Н. Энгельгардтъ пропускаетъ все, что говоритъ Н. Г. Чернышевскій о живописи, и приводитъ слова:

[1]) Тамъ же, стр. 65.

„топорная работа—вотъ настоящее имя всѣхъ пластическихъ искусствъ, какъ скоро сравнимъ ихъ съ природою“ [1]). „Всегда и само собою „въ природѣ“—взято со слѣдующей 67 страницы. Неправда ли, очень оригинальный способъ опровергать мнѣнія другого и дѣлать свои заключенія, вырывая по нѣсколько словъ то съ одного мѣста, то съ другого, не указывая даже откуда это взято, даже не отдѣляя чужихъ словъ отъ своихъ!

Далѣе г. Ник. Энгельгардтъ говоритъ (можно думать отъ себя, а не со словъ Н. Г. Чернышевскаго): „Различіе между актеромъ, играющимъ роль веселаго или печальнаго, и человѣкомъ, который въ самомъ дѣлѣ обрадованъ или опечаленъ чѣмъ-нибудь—различіе между оригиналомъ и копіей, между дѣйствительностью и подражаніемъ“. Г. Ник. Энгельгардтъ пропустилъ цѣлую строчку: „Различіе между естественнымъ и искусственнымъ пѣніемъ“ различіе между актеромъ и т. д. [2]). Пропустилъ онъ строчку потому, что ей предшествовали на двухъ почти страницахъ объясненія Н. Г. Чернышевскаго обыкновеннаго опредѣленія искусства, которое онъ продолжаетъ еще полторы страницы, говоря о пѣніи.

Указывая разсужденія Н. Г. Чернышевскаго (стр. 69 – 73), я считаю долгомъ прибавить, что, по моему пониманію, яснѣе и справедливѣе ничего другого нельзя сказать.

„Великій чувствуетъ,—утверждалъ Чернышевскій, что красота дѣйствительной жизни выше красоты созданій „творческой фантазіи“.

Это также доказано Н. Г. Чернышевскимъ.

На основаніи приведенныхъ мною данныхъ, мнѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 66.

[2]) Тамъ же, стр. 71.

кажется, всякій поймет, что правъ нашъ критикъ и философъ, а не Фишеръ и его послѣдователи; что подтвердится заключеніемъ автора диссертаціи.

Какъ же разсуждаетъ г. Ник. Энгельгардтъ по поводу послѣднихъ словъ Н. Г. Чернышевскаго?

„Опять-таки, будучи *замѣчательнымъ экономистомъ*, (!) онъ (т.-е. Н. Г. Чернышевскій) упустилъ изъ вида то обстоятельство, что именно *рыночная, самая меркантильная дѣйствительность блистательно опровергаетъ его теорію*. Картины Тиціана и Рубенса на стѣнахъ *спальни прекрасной куртизанки* дороже ея ласкъ. Если смотрѣть лучше на самое море (оригиналъ) нежели на его изображеніе (копію), то почему же за маршу Айвазовскаго заплатятъ столько, что на эти деньги можно купить виллу на берегу моря? Тысячи прекрасныхъ дѣвушекъ и женщинъ украшаютъ земную юдоль (!) своею прелестью. Каждая—безконечная поэма. А между тѣмъ скульпторы всѣхъ вѣковъ *цѣною неимовѣрныхъ усилій* высѣкаютъ изъ мрамора нѣмыхъ, недвижимыхъ и бѣлоглазыхъ женщинъ, и вѣка, и народы не налюбуются на эти камни! Природа цвѣтетъ въ безконечномъ разнообразіи, ежемгновенно мѣняясь въ каждомъ уголкѣ земли. А живописецъ покрываетъ холстъ красками, чтобы уловить одну милліонную долю природы, и картину покупаютъ за такія суммы, на которыя можно бы нѣсколько разъ объѣхать весь земной шаръ и полюбоваться безчисленной перспективой картинъ живой природы! Сколько плачущихъ въ каждомъ городѣ, въ каждомъ домѣ, и никого они не интересуютъ, а *за поддѣльныя слезы актера* на подмосткахъ *его осыпаютъ цвѣтами!* Что за чепуха дѣлается на свѣтѣ! Но разгадка въ томъ, читатель, что и скульпторъ, и живописецъ, и актеръ даютъ не одинъ сколокъ съ дѣйствительности. Они прибавляютъ еще нѣчто и безцѣнное нѣчто—частицу души своей. А душа человѣческая выше и дороже всего міра“.

Простите, читатель, что я выписалъ этотъ образецъ „словеснаго искусства“, „художества слова“ и логики, чтобы представить величіе г. Ник. Энгельгардта въ его поученіяхъ. Кто же будетъ оспаривать, что всякій,

попавъ въ спальню прекрасной куртизанки, и, увидя картины Тиціана и Рубенса, остановится передъ ними, разинувъ ротъ,—да такъ и будетъ ихъ созерцать, не обращая на ласки прелестной куртизанки никакого вниманія, такъ какъ въ картинахъ „художникъ прибавилъ еще нѣчто и *безцѣнное нѣчто частицу души человѣческой*“, какъ и въ „нѣмыхъ *безжизненныхъ, бѣлолицыхъ женщинахъ*, что выше и дороже всего міра, а *рамаъ у живой прекрасной куртизанки* есть душа?“ Ну, и куртизанка же! Вѣшаетъ у себя картины Тиціана и Рубенса! Это куртизанка изъ куртизанокъ! И ея гость изъ ряда вонъ выходящій! Картины не только замѣнили ему *прекрасную* куртизанку, но заставили его забыть, гдѣ онъ находится, зачѣмъ пришелъ!

Какое же впечатлѣніе могутъ сдѣлать ласки прекрасной куртизанки, когда въ *ея спальнѣ* висятъ картины Рубенса и Тиціана да, еще, можетъ быть, изъ библейской исторіи! Что и говорить—примѣръ великолѣпный. Это объясненіе г. Шк. Энгельгардта высокаго значенія „искусства“ вполнѣ *естественно* и понятно всякому, и выводъ ясенъ: куртизанки не должны имѣть въ своихъ спальняхъ картинъ Рубенса и Тиціана. Н. Г. Чернышевскій упустилъ изъ вида также, что рыночная, самая меркантильная дѣйствительность опровергаетъ его теорію, т.-е. что „дѣйствительность рѣшительно не можетъ выдержать сравненія съ искусственнымъ произведеніемъ“. Эта рыночная цѣна доказываетъ, что всякій предметъ изъ мрамора, на холстѣ художника несравненно выше, чѣмъ онъ въ дѣйствительности. Что такое море въ сравненіи съ мариной Айвазовскаго, какая-нибудь „милліонная доля природы“ на холстѣ художника съ самой природой! И изъ мрамора, и на холстѣ скульпторъ и художникъ изобразятъ предметы несравненно совершеннѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, „откинувъ всѣ недостатки, встрѣчаю-

щіеся въ природѣ": человѣка нарисуютъ и изобразятъ въ мраморѣ лучше, чѣмъ онъ въ дѣйствительности, такъ какъ, по мнѣнію г. Ник. Энгельгардта, художники „прибавятъ изображенію частицу своей души", которой онъ лишенъ въ дѣйствительности, какъ лишены и тысячи прекрасныхъ дѣвушекъ и женщинъ земной „юдоли", а по мнѣнію Фишера—мы не увидимъ грязи, инфузорій, нечистоты поверхности и т. п.!

Вотъ слова Фишера:

„Хорошо еще, что нашъ глазъ не микроскопъ, и простое зрѣніе уже идеализируетъ предметы; иначе грязь и инфузоріи въ чистѣйшей водѣ, *нечистоты на нѣжнѣйшей кожѣ* разрушали бы для насъ всякую красоту". „Если даже согласиться, что въ Витторіи были совершенны всѣ формы, то *кровь, теплота, процессъ жизни съ искажающими красоту подробностями*, слѣды которыхъ остаются на кожѣ, всѣ эти подробности были бы достаточны, чтобы поставить живое существо, о которомъ говоритъ Руморъ, *несравненно ниже* тѣхъ высокихъ произведеній, которыя имѣютъ только воображаемую кровь, теплоту, процессъ жизни и т. д.". Дѣйствительно, „что за чепуха дѣлается на свѣтѣ!"

Судите, читатель, эстетику Фишера и Н. Г. Чернышевскаго.

Н. Г. Чернышевскій говоритъ:

„Скульптура изображаетъ формы человѣческаго тѣла, все остальное въ ней аксессуаръ; поэтому будемъ говорить о томъ только, какъ она изображаетъ человѣческую фигуру".

Выяснивъ впечатлѣніе на людей статуй и живыхъ существъ, онъ говоритъ:

„Математически строго можно доказать, что произведеніе искусства не можетъ сравниться съ живымъ человѣческимъ лицомъ по красотѣ очертаній: извѣстно, что въ искусствѣ исполненіе всегда ниже того идеала, который существуетъ въ воображеніи художника. А самый этотъ идеалъ никакъ не можетъ быть по красотѣ выше тѣхъ людей, которыхъ имѣлъ случай видѣть

художникъ. Силы творческой фантазіи очень ограничены; *они могутъ только комбинировать впечатлѣнія, полученныя изъ опыта*; воображеніе только разнообразитъ и экстенсивно увеличиваетъ предметъ, но *интенсивнье того, что мы наблюдали или испытали, мы ничего не можемъ вообразить*“ [1]).

Это онъ разъясняетъ почти на двухъ страницахъ.

„Что касается до очертаній отдѣльной человѣческой фигуры, надобно сказать, что живопись уступаетъ въ этомъ отношеніи не только природѣ, но и скульптурѣ: она не можетъ очерчивать такъ полно и опредѣленно; зато, распоряжаясь красками, она изображаетъ человѣка гораздо ближе къ живой природѣ и можетъ придавать лицу гораздо болѣе выразительности, нежели скульптура. Не знаемъ, до какой степени совершенства дойдетъ со временемъ составленіе красокъ; но при настоящемъ положеніи этой стороны техники, живопись не можетъ передавать цвѣтъ человѣческаго тѣла вообще и вообще цвѣтъ лица. Краски ея, въ сравненіи съ цвѣтомъ тѣла и лица, — грубое, жалкое подражаніе; вмѣсто нѣжнаго тѣла она рисуетъ что-то зеленоватое или красноватое; и, говоря безотносительно, не принимая въ соображеніе, что и для этого зеленоватаго или красноватаго изображенія нужно имѣть необыкновенное „умѣніе“, мы должны признаться, что живое тѣло не можетъ быть удовлетворительно передано мертвыми красками. Одинъ только изъ оттѣнковъ его передаетъ живопись довольно хорошо — потерявшій жизненность, сухой цвѣтъ старичковскаго или загрубѣлаго лица и т. д. [2]).

„Переходимъ къ живописи, изображающей природу. Очертанія предметовъ, опять, никакъ не могутъ быть не только нарисованы рукою, но и представлены воображеніемъ лучше, нежели встрѣчаются въ дѣйствительности; причину мы объяснили выше. Лучше дѣйствительной розы воображеніе не можетъ ничего представить; а исполненіе всегда ниже воображаемаго идеала. Цвѣта нѣкоторыхъ предметовъ удаются живописи очень хорошо, но есть много предметовъ, коло-

[1]) Тамъ же, стр. 63.

[2]) Тамъ же, стр. 65.

рить которыхъ она не можетъ передать". „Но именно побѣжденіемъ этихъ трудностей прославились великіе художники, т. е. тѣмъ, что побѣждали ихъ гораздо лучше, нежели другіе живописцы" [1]).

„Человѣкъ съ *неиспорченнымъ эстетическимъ* вкусомъ наслаждается природою вполнѣ, не находитъ недостатковъ въ ея красотѣ. Мнѣніе, будто бы рисованный пейзажъ можетъ быть величественнѣе, граціознѣе или, въ какомъ бы то ни было отношеніи, лучше дѣйствительной природы, отчасти обязано своимъ происхожденіемъ предразсудку, надъ которымъ самодовольно подсмѣиваются въ наше время даже тѣ, которые въ сущности еще не отдѣлались отъ него,—предразсудку, что природа груба, низка, грязна, что надобно *очищать и украшать ее* для того, чтобы она облагородилась. Это принципъ подстриженныхъ садовъ" [2]).

По моему убѣжденію, нашъ эстетикъ объясняетъ умнѣе и естественнѣе явленія искусства и его отношеніе къ дѣйствительности, чѣмъ Фишеръ, и будь онъ нѣмецъ—его система эстетическихъ понятій—пріобрѣла бы себѣ болѣе послѣдователей, чѣмъ системы всѣхъ прочихъ, начиная съ Баумгартена: взглядъ нормальнаго, очень умнаго, ученаго человѣка, взглядъ естественный, всѣмъ понятный.

Изъ приведенныхъ мною данныхъ, читатель придетъ къ заключенію, я надѣюсь, что г. Н. Энгельгардтъ, желавшій доказать вредъ его жупела—„утилитаризма" для искуства—сдѣлалъ выписки изъ сочиненія Н. Г. Чернышевскаго, *разбиравшаго ложную систему Фишера*, доказывающаго, что *замѣчательный экономистъ* создалъ новую систему эстетики, о достоинствахъ которой можетъ судить читатель. *Это врагъ искусства, чистой мысли и науки, и... даже „антикритикъ"*. Если мало данныхъ, что Н. Г. Чернышевскій понималъ, цѣнилъ искусство сознательно, я могу ихъ привести сколько

---

[1]) Тамъ же, стр. 67.

[2]) Тамъ же, стр. 68.

у одно изъ его диссертацій. Въ примѣчаніи онъ говоритъ, что „онъ могъ бы привести многочисленные факты, изъ которыхъ выведены его мнѣнія, но объемъ труда превзошелъ бы *опредѣленныя ему границы*". Не читать же ему свою диссертацію нѣсколько дней!

Между прочимъ, говоря о томъ, что нѣкоторыя книги натолковали намъ, что эстетика наука мертвая, темная, Н. Г. Чернышевскій говоритъ:

„Эстетика наука мертвая! Мы не говоримъ, чтобъ не было наукъ живѣй ея, но хорошо было бы, если бы мы думали объ этихъ наукахъ. Нѣтъ, мы превозносимъ другія науки, представляющія гораздо менѣе живого интереса. Эстетика наука безплодная! Въ отвѣтъ на это спросимъ: помнимъ ли мы еще о Лессингѣ, Гёте и Шиллерѣ, или ужъ они потеряли право на наше воспоминаніе съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились съ Теккереемъ? Признаемъ ли мы достоинство нѣмецкой поэзіи второй половины прошедшаго вѣка?" [1]).

Г. Ник. Энгельгардъ, видимо, ничего не читалъ, кромѣ его излюбленной литературы, а просто выписывалъ ни съ того, ни съ сего, ни къ тому, ни къ сему не относящееся,—что ему попадалось подъ руку и дѣлалъ свои мудрыя заключенія, не понимая, къ чему это приведетъ. Онъ не замѣтилъ даже, что его ссылки на Н. Г. Чернышевскаго не могутъ доказывать *ни привязку или утилитаризма къ критикѣ, ни вражду къ искусству, къ чистой мысли и наукѣ*, ни одному разумному человѣку, даже не читавшему его сочиненій:

---

[1]) О поэзіи Аристотеля.

Н. Г. Чернышевскій говоритъ о Шекспирѣ: Неизмѣримо великъ онъ услугами для *чистаго искусства*: по своему художественному совершенству и психологическому глубокомыслію, его произведенія имѣли огромное и благодѣтельное дѣйствіе на судьбу *искусства* и черезъ то, косвеннымъ образомъ, вообще на *развитіе* человѣчества,—и въ Англіи конечно, какъ въ Германіи, Франціи, Россіи (Очерки Гоголевскаго періода, стр. 169)

настолько все имъ приведенное говоритъ противъ самого г. Ник. Энгельгардта.

Н. Г. Чернышевскій объясняетъ причину „рыночной, меркантильной дѣйствительности“ въ отношеніи къ искусству.

Онъ говоритъ, что мнѣніе, будто бы красота произведеній искусства выше красоты дѣйствительности, настолько шатко, что люди, выставляющіе его, сами себѣ противорѣчатъ на каждомъ шагу, почему казалось бы достаточно было бы ограничиться словами: „Это несправедливо, всякій чувствуетъ, что красота дѣйствительной жизни выше красоты созданій искусства“. .

„Если это такъ, то изъ какихъ субъективныхъ причинъ проистекаетъ преувеличенно высокое мнѣніе о достоинствѣ произведеній искусства“? [1])

Я не могу переписать 10 или болѣе страницъ, чтобы дать полное объясненіе. Постараюсь возможно кратко выяснить сущность. Объясненія эти отвѣтятъ г. Ник. Энгельгардту на его слишкомъ ужъ наивные вопросы.

„Первый источникъ этого мнѣнія—естественная наклонность человѣка чрезвычайно высоко цѣнить *трудность дѣла и рѣдкость вещи*“ [2]).

„Другой источникъ любви къ произведеніямъ искусства заключается въ томъ, что „они произведенія человѣка; потому мы гордимся, считая ихъ чѣмъ-то не чуждымъ намъ: они свидѣтельствуютъ объ умѣ человѣка, о его силѣ и потому дороги для насъ“. „Какъ отдѣльный народъ преувеличиваетъ достоинство своихъ поэтовъ, такъ человѣкъ вообще преувеличиваетъ достоинство поэзіи вообще“ [3]).

Находя, что *причины пристрастія къ искусству заслуживаютъ уваженія, потому что они естественны*,

---

[1]) Стр. 81

[2]) Стр. 81.

[3]) Стр. 83.

Н. Г. Чернышевскій находитъ, что третья причина едва ли заслуживаетъ такого уваженія.

„Искусство льститъ нашему искусственному вкусу". „Произведенія искусства льстятъ всѣмъ мелочнымъ потребностямъ, происходящимъ отъ любви къ искусственности". „До сихъ поръ въ произведеніяхъ искусства господствуетъ мелочная отдѣлка подробностей, которой цѣль не приведеніе подробностей въ гармонію съ духомъ цѣлаго, а только то, чтобы сдѣлать каждую изъ нихъ въ отдѣльности интереснѣе или красивѣе, почти всегда во вредъ общему впечатлѣнію произведенія, его правдоподобію и естественности". „Произведеніе искусства мелочнѣе того, что мы видимъ въ жизни и природѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ эффектнѣе—какъ же не утвердиться мнѣнію, что оно прекраснѣе дѣйствительной природы и жизни, въ которыхъ такъ мало искусственности, которымъ чуждо стремленіе заинтересовать" [1].

„Природа и жизнь выше искусства; но *искусство старается угодить нашимъ наклонностямъ*, а дѣйствительность не можетъ быть подчинена стремленію видѣть все въ томъ цвѣтѣ и въ томъ порядкѣ, какой намъ нравится или соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ, часто одностороннимъ".

Онъ указываетъ на угожденіе писателей сатирическихъ произведеній публикѣ, требующей, чтобы въ этихъ произведеніяхъ были лица, „на которыхъ могло бы съ любовью отдохнуть сердце писателя", хотя дѣйствительность часто и не удовлетворятъ этому требованію", представляя множество событій, въ которыхъ нѣтъ ни одного отраднаго лица".

И не знаетъ, найдется ли, напримѣръ, въ русской литературѣ, кромѣ Гоголя, писатель, который не подчинялся бы этому требованію, и у самого Гоголя за недостатокъ „отрадныхъ" лицъ вознаграждаютъ „высоколирическія" отступленія. Другой примѣръ: человѣкъ наклоненъ къ сантиментальности: природа и жизнь не раздѣляютъ этого направленія; но произведенія искусс-

[1] Стр. 83—84. Диссертація написана въ 1855 г.

ства почти всегда больше или меньше удовлетворяютъ ему“ [1]).

Затѣмъ Н. Г. Чернышевскій разбираетъ впечатлѣніе, „производимое искусствомъ или дѣйствительностью“, „степенью его также измѣряется достоинство вещи“.

Вотъ сущность его объясненій. Произведенія искусства находятся въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ дѣйствительность, которая представляется намъ помимо нашей воли, „большей частью не во-время, некстати“, — мы ее не примѣчаемъ вслѣдствіе озабоченности, вслѣдствіе того, что мы заняты въ это время чѣмъ-нибудь другимъ, привычкой видѣть ее постоянно передъ глазами, безъ малѣйшихъ усилій, тогда какъ въ картинную галлерею мы ѣдемъ съ цѣлью наслаждаться красотой картинъ, въ томъ расположеніи духа, которое дастъ эту возможность, ничѣмъ не отвлекаясь, ранѣе уже настроенные молвой, которая кричитъ, вліяетъ на насъ, тогда какъ явленія дѣйствительности *не всякій можетъ оцѣнить*, почему мы и не замѣчаемъ красоты дѣйствительности. Кромѣ того произведенія искусства производятъ воспоминанія, тогда какъ дѣйствительность можетъ занять насъ собой самостоятельно [2]) (кромѣ, конечно, исключительныхъ случаевъ, когда мы дѣйствительность оцѣниваемъ дороже всякаго искусства).

По моему мнѣнію, молва, печать имѣетъ необычайное вліяніе на сужденія.

На каждомъ шагу наблюдательный человѣкъ можетъ убѣдиться въ этомъ. Особенно это замѣчается у насъ. Наше воспитаніе, условія нашей жизни съ юныхъ лѣтъ отнимаютъ возможность самостоятельной дѣятельности, притупляютъ мысль, почему у насъ можно считать за исключительное явленіе—человѣка, не боя-

[1]) Стр. 85.

[2]) Стр. 86—89.

щагося высказаться въ обществѣ совершенно самостоятельно и способнаго отстоять свои убѣжденія. Достаточно рекламы о какомъ-нибудь актерѣ, будь онъ нѣмецъ, итальянецъ или другой національности, чтобы всѣ ломились въ театръ и восхищались имъ, не понимая его языка, даже часто не имѣя понятія о томъ произведеніи, которое онъ представляетъ, хотя этотъ прославленный актеръ безъ всякаго таланта.

Какъ скоро прокричать о человѣкѣ, что онъ геній — всѣ такъ и будутъ его считать, боясь высказать противоположное мнѣніе, чтобы не сказали, что выражающій это мнѣніе—невѣжда и т. п. Такой недостатокъ, такая несамостоятельность мысли, пониманія и дѣлаютъ „рыночную цѣну“ произведеній, на которую вліяетъ, конечно, и матеріальное положеніе художника. Тутъ дѣйствуетъ въ пользу художника еще тщеславіе. Если художникъ составилъ себѣ извѣстность, цѣна на его произведенія будетъ подниматься соотвѣтственно улучшенію его благосостоянія. Люди тщеславные готовы бросить огромныя суммы денегъ ради того только, чтобы говорили о нихъ. Можно привести множество фактовъ, которые всѣмъ извѣстны, но о которыхъ не пишутъ. Это тщеславіе заставляетъ людей тратить чрезмѣрныя суммы денегъ на актрисъ, даже на „цыганскихъ“, кафе-шантанныхъ пѣвицъ, о которыхъ говорятъ, пишутъ, хотя въ физическомъ и нравственномъ отношеніи онѣ совсѣмъ непривлекательны.

Помимо приведенныхъ мною данныхъ, Н. Г. Чернышевскій приводитъ примѣръ значенія картинъ.

„Море прекрасно; смотря на него, мы не думаемъ быть имъ недовольны въ эстическомъ отношеніи; но не всѣ люди живутъ близъ моря; многимъ не удается ни разу въ жизни взглянуть на него, а имъ хотѣлось бы полюбоваться на море и для нихъ являются картины, изображающія море. Конечно, гораздо лучше смотрѣть на самое море (я думаю, всякій согласится съ

этимъ, кромѣ г. Ник. Энгельгардта), нежели на его изображеніе; но за недостаткомъ лучшаго человѣкъ довольствуется и худшимъ, за недостаткомъ вещи—ея суррогатомъ. И тѣмъ людямъ, которые могутъ любоваться моремъ въ дѣйствительности, не всегда, когда хочется, можно смотрѣть на море,—они вспоминаютъ о немъ; но фантазія слаба, ей нужна поддержка, напоминаніе—и, чтобы оживить свои воспоминанія о морѣ, чтобы яснѣе представлять его въ своемъ воображеніи, они смотрятъ на картину, изображающую море. Вотъ единственная цѣль и значеніе очень многихъ (большей части) произведеній искусства: дать возможность, хотя въ нѣкоторой степени, познакомиться съ *прекраснымъ* [1]) въ дѣйствительности тѣмъ людямъ, которые не имѣли возможности насладиться имъ на самомъ дѣлѣ; служить напоминаніемъ, возбуждать и оживлять воспоминаніе о *прекрасномъ* въ дѣйствительности у тѣхъ людей, которые знаютъ его изъ опыта и любятъ вспоминать о немъ“ [2]).

Кажется, довольно для г. Ник. Энгельгардта объясненій, почему мы цѣнимъ произведенія искусства. Я полагаю, что всякій согласится скорѣе съ этими объясненіями, чѣмъ съ объясненіемъ автора „Утилитаризма въ искусствѣ“, такъ какъ никому нѣтъ дѣла до частицы души художника, и это „нѣчто и безцѣнное нѣчто“ можетъ быть дорого только г. Ник. Энгельгардту, который тѣмъ *болѣе обязанъ цѣнить статую, картину, чѣмъ менѣе дарованія у скульптора и художника и болѣе старанія*, желанія непремѣнно „создать“, такъ какъ эти субъекты дѣйствительно *прибавляютъ не частицу своей души, которая дороже всего міра*“, *а всю душу*, что можетъ оцѣнить только авторъ „издѣлія“. Бездарное произведеніе, несмотря на „прибавку всей души“ къ нему, считаютъ за ничтожество и, хотя выставляютъ въ настоящее время эти образчики на выставку, но только на посмѣяніе понимающихъ людей, для недоумѣнія

[1]) Курсивъ для г. Ник. Энгельгардта.

[2]) Стр. 89—90.

неглупыхъ людей и для глубоко-мысленныхъ изреченій тупоумныхъ.

Да, когда я прочелъ, на кого нападаетъ г. Ник. Энгельгардтъ, мнѣ стало очень жаль его, очень обидно за него!

Я никогда не предполагалъ, чтобы у насъ могло повториться еще худшее явленіе, чѣмъ то, которое создало трагедію всей жизни Гоголя, начало чему положилъ его „Ревизоръ“, когда свистъ огромнаго большинства зрителей во время представленія заглушилъ робкіе аплодисменты его друзей! Это огромное большинство негодовало потому, что увидало себя на сценѣ; критики, какъ А. Полевой и другіе, негодовали во имя „теоріи“, не понимая новаго направленія.

Вотъ заключеніе Н. Г. Чернышевскаго его диссертаціи, вызванной ученіемъ Фишера.

„Апологія дѣйствительности сравнительно съ фантазіею, стремленіе доказать, что произведенія искусства рѣшительно не могутъ выдержать сравненія съ живою дѣйствительностью, вотъ сущность этого разсужденія.— Говорить объ искусствѣ такъ, какъ говоритъ авторъ, не значитъ ли унижать искусство? Да, если показывать, что искусство *ниже* (курс. авт.) дѣйствительной жизни по художественному совершенству своихъ произведеній, значитъ унижать искусство; но возставать противъ панегириковъ не значитъ еще быть хулителемъ. Наука не думаетъ быть выше дѣйствительности; это не стыдъ для нея. Искусство также не должно думать быть выше дѣйствительности; это не унизительно для него. Наука не стыдится говорить, что цѣль ея—понять и объяснить дѣйствительность, потомъ примѣнить къ благу человѣка свои объясненія; пусть и искусство не стыдится признаться, что цѣль его: для вознагражденія человѣка, въ случаѣ отсутствія полнѣйшаго эстетическаго наслажденія, доставляемаго дѣйствительностью, воспроизвести, по мѣрѣ силъ, эту драгоцѣнную дѣйствительность и ко благу человѣка объяснить ее“.

„Пусть искусство довольствуется своимъ *высокимъ, прекраснымъ назначеніемъ:* въ случаѣ отсутствія дѣйстви-

тельности быть нѣкоторою замѣною ея и быть для человѣка *учебникомъ жизни*“ [1]).

„Дѣйствительность выше мечты, и существенное значеніе выше фантастическихъ притязаній“ [2]).

Такое отношеніе къ истинѣ, какое мы видимъ со стороны г. Ник. Энгельгардта, составитъ ему извѣстность въ будущемъ, несомнѣнно.

Теперь надо познакомить читателя съ современной Энгельгардтовской „литературной справкой“ въ „издѣліи„ „Отецъ Матвѣй въ русской *критикѣ*“ въ № 9263 „Новаго Времени“. Справка, какъ увидимъ,—въ высшей степени добросовѣстная, — краснорѣчивый документъ новаго ученія о нравственности „чистой мысли“ и „чистой науки“, дѣлающій величайшую честь какъ автору, такъ и органу печати, выпустившему ее на поученіе своимъ многочисленнымъ читателямъ.

Я полагаю, что мы настолько познакомились съ читателемъ и съ г. Ник. Энгельгардтомъ, что не предстоитъ теперь надобности выписывать его феноменальную безсмыслицу и ложь, распространяемую имъ на нѣсколькихъ сотняхъ строкъ, когда она укладывалась для всякаго другого въ трехъ, четырехъ строкахъ.

Онъ говоритъ, что отреченіе отъ Пушкина вышло изъ семинаріи и указываетъ первымъ Надеждина, затѣмъ Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевскаго и Благосвѣтлова. „*вдохновившаго* помѣщичьяго сынка, Писарева“ писавшаго въ его журналѣ. Особенно онъ недоволенъ г. Скабичевскимъ, исторія литературы котораго, вышедшая 4 изданіемъ (на что г. Ник. Энгельгардтъ указываетъ въ каждомъ своемъ „издѣліи“)—„сплошное отреченіе отъ Пушкина“,—какъ бѣльмо у него на глазу, что понятно, такъ какъ взглядъ г. Ник. Энгельгардта на „критику“, которой онъ намѣревается просвѣтить

---

[1]) Курсивъ для г. Ник. Энгельгардта.

[2]) Стр. 105.

юношество во II части его „Исторіи литературы“ совершенная противоположность взглядамъ г. Скабичевскаго, хотя я „Исторіи литературы“ послѣдняго и не видѣлъ. Г. Скабичевскій является для г. Ник. Энгельгардта, видимо, страшнымъ антагонистомъ, и если взгляды перваго восторжествуютъ. „Исторія“ г. Ник. Энгельгардта такъ и останется на складѣ гдѣ-нибудь, за невозможностью развить „словесное искусство“, „художество слова“, привить Энгельгардтовскую логику и т. д.

О. Матвѣй Константиновскій, требовавшій отъ Гоголя отреченія отъ Пушкина, — фактъ исключительный, поражающій для того времени. Не потому онъ поражаетъ, что онъ требовалъ отъ Гоголя этого отреченія, такъ какъ у насъ нѣтъ вѣдь никакихъ фактовъ судить О. Матвѣя, а потому, что въ его требованіи, не говоря о его невоспитанности, выразилась дерзость, настойчивость, которая была необычайна въ то время со стороны нашего духовенства: такъ оно было приниженно. Нѣтъ около сорока тому назадъ еще ходили стихотворенія (конечно, въ рукописи), авторомъ которыхъ называли Пушкина,— оскорблявшія религіозное чувство. Если такое стихотвореніе дошло до О. Матвѣя, и онъ былъ убѣжденъ, что авторъ его Пушкинъ, вполнѣ понятно и естественно его возмущеніе противъ Пушкина и требованіе отъ Гоголя отреченія отъ него. Въ настоящее время къ такому автору отнеслись бы несравненно хуже.

Конечно, невѣдѣніе автора „издѣлій“ о всемъ, кромѣ лубочной литературы, нисколько неудивительно для насъ, но, мнѣ кажется, что люди, учившіеся ради знанія, а не ради полученія ярлыка, читавшіе ради пониманія, знаютъ, что О. Матвѣй есть какое-то необычайное явленіе.

Вотъ факты. Въ статьѣ „Заграничныя прѣнія о по-

ложеніи русскаго духовенства“ [1]) приводятся слова священника Грекова изъ его статьи „О духовномъ званіи въ Россіи“. Онъ говоритъ.

„Вообще неуваженіе къ священному сану такъ развито у свѣтскихъ людей, что каждый даже мелкій чиновникъ, одинъ изъ числа тѣхъ, о которыхъ кто-то изъ поэтовъ написалъ: „*коллежскій регистраторъ почтовой станціи диктаторъ*“ (курс. авт.), считаетъ себя не только выше священника, но и прямо требуетъ отъ него подобострастнаго уваженія, а господа помѣщики, играютъ ими, какъ шашками. Иной на своемъ вѣку только тѣмъ и занимается, что перемѣняетъ въ своей деревнѣ священниковъ, интригуя противъ нихъ. Спросите „по какому праву такъ распоряжаются священниками, когда и рабство крестьянъ нынѣ считается недостойнымъ просвѣщенія? вамъ отвѣтитъ помѣщикъ, не запинаясь: „какъ по какому праву? Моя деревня, моя церковь, мой попъ, мой и приходъ“. Послѣ этого вы отгадаете, что у такого владѣльца образованному священнику еще труднѣе жить, чѣмъ необразованному“.

Уваженія къ священнику нѣтъ и со стороны мужиковъ, „стоитъ послушать сказки народа и замѣтить, какая тамъ роль дается „попу“, „попадьѣ“, „поповой дочери“ и „попову работнику“,—стоитъ припомнить названія, которыми честятъ въ народѣ „поповскую породу“, чтобы понять, что тутъ уваженія никакого не сохранилось“ [2]).

Въ статьѣ „Разоблаченіе клеветъ“ (ст. 54—55) говорится:

„Что можетъ сдѣлать у насъ, напримѣръ, сельскій священникъ? Помѣщики и земское начальство подозрительно смотрятъ на всякое увеличеніе вліянія духовенства. Въ немъ они могутъ видѣть постоянныхъ свидѣтелей своихъ злоупотребленій и стараться уро-

[1]) Н. А. Добролюбовъ, т. III, стр. 238—255. „Русское духовенство“. Берлинъ, 1859 г.

[2]) Н. А. Добролюбовъ, т. III, стр. 244—245.

нить ихъ значеніе и силу. Недавно въ К ской епархіи донесли губернатору на священниковъ, какъ на бунтовщиковъ, за то, что они стали склонять къ трезвости своихъ прихожанъ и успѣли къ этому убѣдить нѣкоторыхъ. Въ одномъ селѣ N ской епархіи священникъ сталъ убѣждать управляющаго не тиранить крестьянъ, а ихъ убѣждалъ къ терпѣнію, потому что не долго имъ терпѣть, и его выставили возмутителемъ крестьянъ противъ помѣщика и его отставили отъ должности. Случилось священнику нѣсколькихъ раскольниковъ обратить къ церкви: ихъ единомышленники сплетаютъ, при посредствѣ земской власти, на него рядъ обвиненій, и онъ лишается мѣста этого и переводится въ другое" [1]).

„Одна помѣщица перемѣнила въ короткое время пять священниковъ и обратилась съ просьбой къ епископу— посвятить ей въ священники ея дьячка, который, кромѣ невѣжества, былъ слѣпъ на одинъ глазъ. „Когда же владыка спросилъ: что ее заставляетъ домогаться имѣть священникомъ собственнаго дьячка?" она отвѣчала: „Владыка святой, Богъ съ ними, съ учеными: многаго требуютъ выполнять, а гдѣ намъ все исполнить?" „Такъ этотъ же, -возразилъ Владыка, — вовсе ничего не знаетъ". „Это правда,—отвѣтила помѣщица, но зато онъ у меня такой послушный, какъ мокрая курица". (стр. 149) [2]).

Приниженіе духовенства во время Гоголя было еще сильнѣе, что извѣстно всѣмъ образованнымъ, читающимъ людямъ и можно указать безчисленное множество фактовъ того несчастнаго положенія, въ которомъ они были всецѣло поглощены сохраненіемъ куска хлѣба, ради чего смирялись передъ всякимъ, не исключая крестьянъ. Гдѣ ужъ имъ было наскакивать на свѣтскаго человѣка съ требованіями!

---

[1]) Н. А. Добролюбовъ, т. Ш, стр. 246

[2]) Н. А. Добролюбовъ, т. Ш, стр. 245.

Вотъ почему я и говорю, что о. Матвѣй — явленіе исключительное. Его дерзость только и объясняется тѣмъ состояніемъ Гоголя, въ которомъ онъ находился послѣ того озлобленія и брани, которыя проявились послѣ выхода его „Ревизора“ и послѣдующихъ сочиненій со стороны его „теоретическихъ“ критиковъ, и которое, вѣроятно, заставило его обратиться за успокоеніемъ къ подвернувшемуся въ то время о. Матвѣю. Что же этотъ фактъ доказываетъ? То же, что всѣ такіе единичные факты, не имѣющіе никакого значенія, и если мы на нихъ будемъ создавать общія заключенія, то дойдемъ до больницы умалишенныхъ. Да вотъ у насъ случай самый подходящій—г. Ник. Энгельгардъ. Должно быть онъ дворянинъ, судя по его міровоззрѣнію на семинаристовъ, духовенство—дворянинъ 20—30-40-хъ годовъ, представители которыхъ только что прошли передъ нашими глазами. Чей поступокъ хуже — о. Матвѣя относительно Гоголя или г. Ник. Энгельгардта относительно Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевскаго, семинаристовъ и того же несчастнаго нашего духовенства? По-моему о. Матвѣя можно объяснить, а какъ объяснить г. Ник. Энгельгардта и ему подобныхъ? А. С. Суворинъ сынъ крестьянина, выслужившагося въ солдатахъ до капитанскаго чина и получившаго дворянство. Онъ печатаетъ въ своей газетѣ „издѣлія“ г. Ник. Энгельгардта, Розанова и имъ подобныхъ. А г. Розановъ? Я не знаю его происхожденія, но судя по его „издѣліямъ“, онъ долженъ быть семинаристомъ стараго времени: его слогъ, его понятія, выраженія, обобщенія—показываютъ, какъ будто онъ исключенъ изъ низшаго класса семинаріи. Онъ сдѣлался учителемъ. Всѣ они вмѣстѣ—дворянинъ, сынъ крестьянина, учитель изъ семинаристовъ — кричатъ всей публикѣ: отрекись отъ Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевскаго, традицій шестидесятыхъ годовъ, которымъ сами расто-

чали восторженныя похвалы, и для этого лгутъ, клевещутъ, пишутъ безсмыслицы. Очная ставка ихъ съ критиками, надъ которыми они вздумали надругаться— показываетъ ихъ качества. Если обладать ихъ логикой,—ихъ „чистой мыслью, чистой наукой", надо сдѣлать относительно ихъ тотъ же выводъ, который они сдѣлали относительно Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго, что дворяне, сыновья крестьянъ и учителя изъ семинаристовъ -стали врагами разума, нравственности, науки и истины. Прійти къ такому выводу?.. Да возможно ли это, читатель, нормальному человѣку? Были у насъ случаи мошенничества князей. По логикѣ г. Ник. Энгельгардта и Розанова выводъ одинъ—обобщить эти случаи на всѣхъ князей. Кольцовъ, Ломоносовъ, Никитенко дѣти крестьянъ—обобщите ихъ дарованія на крестьянъ. Когда я былъ въ гимназіи, лѣтъ 35 тому назадъ, у насъ всякій третьеклассникъ понималъ, что единичные случаи не даютъ основаній дѣлать общее заключеніе.

Но какъ же г. Ник. Энгельгардтъ и Розановъ не написали до сихъ поръ такихъ же издѣлій на докторовъ невѣждъ, подвергавшихъ несчастнаго Гоголя пыткамъ? Надо думать, что ихъ „искусство" не признаетъ Гоголя.

Г. Ник. Энгельгардтъ въ своемъ „издѣліи" –„О. Матвѣй въ *русской критикѣ*" (!!) выказываетъ то же невѣдѣніе во всемъ, что его перо пишетъ, какъ и раньше, и самъ даетъ себя ловить.

Г. Ник. Энгельгардтъ, а за нимъ и Розановъ не понимаютъ даже, что сами возвеличиваютъ семинаристовъ. Вліяніе Благосвѣтлова настолько было сильно, что даже помѣщичій сынокъ писалъ то, чѣмъ „вдохновилъ" его семинаристъ: „созрѣвающій философъ" въ № 9270 „Новаго Времени" утверждаетъ, что опять-таки семинаристъ „Сперанскій своими учрежденіями *поселъ по-*

рывъ Петра и вообще усилъ наше политическое творчество!.." „Созрѣвающій философъ", безсознательно довелъ свое возвеличеніе семинаристовъ до апогея, доказывая, насколько ему присуща чистая мысль, чистая наука и логика!

Семинаристъ подсѣкъ порывъ Царя своими учрежденіями!!

Какъ подсѣкъ Сперанскій порывъ Петра, „созрѣвающій философъ" не сказалъ, и благо ему и намъ: ему потому что онъ не попалъ въ другую трясину, а намъ потому, что мы избавлены отъ разбора той чепухи, которая только и можетъ рождаться отъ высказанной „философской формулы".

Всю ложь, распространяемую на семинаристовъ, на духовное сословіе, - наши мудрецы, если бы они что-нибудь знали.—должны бы обрушить на дворянство, если у нихъ ужъ такое знаніе, развитіе, чтобы дѣлать выводы умопомрачительные! Случаевъ подходящихъ ихъ пониманію набрали бы вдоволь. Пушкина отрицалъ вѣдь Писаревъ.

Надеждинъ велъ полемику противъ романтизма съ учено-литературной точки зрѣнія, и въ его критикѣ было много справедливаго. Онъ первый приложилъ къ критикѣ глубокій философскій взглядъ. *Бѣлинскій былъ его сотрудникомъ*; такъ же, какъ Надеждинъ своей статьей „Литературныя опасенія", такъ и Бѣлинскій статьей „Литературныя мечтанія" указываетъ что наша литература не болѣе, какъ мечта. Бѣлинскій въ этой статьѣ говоритъ, что „Пушкинъ показалъ, что у него великій талантъ, но *не произвелъ ничего, достойнаго своихъ силъ*, а теперь не (1832 — 1834 гг.) печатаетъ ничего хорошаго: теперь онъ умеръ, или только, быть можетъ, обмеръ на время.—*судя по Анджело и сказкамъ, умеръ*" [1]).

[1]) Очерки Гоголевскаго періода, стр. 228.

Г. Ник. Энгельгардтъ не нашелъ возможнымъ нападать ни на дворянство, въ лицѣ Писарева отвергавшее Пушкина, котораго Императоръ Николай I взялъ подъ свое покровительство, такъ какъ иначе мы, вѣроятно, потеряли бы великаго поэта не отъ семинаристовъ,—пѣтъ, а отъ считавшихся въ то время передовыми людьми, имѣвшими вѣсъ; ни на сыновей врачей, какъ В. Г. Бѣлинскій, на основаніи его статьи „Литературныя мечтанія". Почему это, когда въ отношеніи Писарева—есть основательныя данныя, а въ отношеніи Надеждина данныя такого же свойства, какъ и въ отношеніи Бѣлинскаго? Надеждинъ нападалъ на Пушкина потому, что первый понялъ его талантъ и ждалъ, что онъ произведетъ что-нибудь достойное его таланта, а не ограничится поэмами въ духѣ Байрона, совсѣмъ не подходящими для его таланта и *надъ которыми потомъ смѣялся самъ Пушкинъ*. Надеждинъ хвалилъ все, что было хорошаго, порицалъ то, что порицается теперь. Когда Пушкинъ написалъ „Бориса Годунова", онъ первый оцѣнилъ это произведеніе, тогда какъ остальные критики отнеслись съ осужденіемъ, равно и читающая публика.

Н. Г. Чернышевскій въ его статьѣ „Сочиненія Пушкина" говоритъ:

„Нетерпѣливое ожиданіе, настоятельная потребность русской публики наконецъ удовлетворяется. Два первые тома новаго изданія *твореній великаго нашего поэта появились въ свѣтъ*".

Это обстоятельство онъ называетъ *радостнымъ событіемъ* [1]).

„Пушкина давно уже всѣ признали великимъ, *несомнѣнно великимъ писателемъ*; *для* его *—священный авторитетъ* для каждаго русскаго читателя и даже не читателя, какъ напримѣръ, Вальтеръ Скоттъ авторитетъ

[1]) Сочиненія Пушкина. Стр. I.

для каждаго англичанина, Ламартинъ и Шатобріанъ для француза или, чтобы перейти въ болѣе высокую область, Гете для нѣмца“ [1]).

„Кто былъ современникомъ *пошлыхъ выходокъ* противъ *великаго поэта*, кто былъ пораженъ громовою вѣстью о его безвременной кончинѣ, тотъ можетъ со временемъ судить о немъ безпристрастно, но никогда не будетъ въ состояніи говорить о немъ безъ слѣдовъ прежняго увлеченія“ [2]).

„Черезъ него (Пушкина) разлилось литературное образованіе на десятки тысячъ людей, между тѣмъ какъ до него литературные интересы занимали немногихъ. Онъ первый возвелъ литературные интересы въ достоинство національнаго дѣла, между тѣмъ какъ прежде она была пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени. Онъ былъ *первымъ* поэтомъ, который сталъ на то *высокое мѣсто*, какое долженъ занимать *великій писатель*“ [3]).

„Вообще вліяніе человѣка, одареннаго такимъ огромнымъ умомъ и такъ высоко стоявшаго по своей образованности, какъ Пушкинъ, было *неизмѣримо важно для развитія читателей*, имъ созданныхъ и очарованныхъ *его геніальнымъ талантомъ*. Въ исторіи русской образованности Пушкинъ занимаетъ такое же мѣсто, какъ и въ исторіи русской поэзіи. *Будемъ же читать и перечитывать творенія великаго поэта*, и съ *признательностью думая о значеніи ихъ для русской образованности, повторять вслѣдъ за нимъ*:

Да здравствуютъ Музы, да здравствуетъ Разумъ!

И да будетъ безсмертна память людей, служившихъ Музамъ и Разуму, какъ сказалъ Пушкинъ“ [4]).

Довольно ли съ васъ, г. Николай Энгельгардъ? Краснѣете ли вы?

Н. Г. Чернышевскій, почитавшій Пушкина, не могъ бы отнестись къ Надеждину такъ, какъ онъ отнесся,

---

[1]) Очерки Гоголевскаго періода, стр. 21.

[2]) Сочиненія Пушкина, стр. 98.

[3]) Сочиненія Пушкина, стр. 65.

[4]) Сочиненія Пушкина, стр. 67.

признавая его ошибки и воздавая ему должное въ отношеніи къ Пушкину [1]).

А вотъ какъ относился къ Пушкину третій семинаристъ Н. А. Добролюбовъ по поводу изданія VII тома сочиненій нашего поэта.

„Всѣ еще помнятъ, вѣроятно, какой *восторгъ* возбудило, три года тому назадъ, во всей читающей публикѣ извѣстіе о новомъ изданіи Пушкина, подъ редакціей г. Анненкова. Послѣ вялости и мелкоты, это изданіе дѣйствительно было событіемъ не только литературнымъ, но и общественнымъ. Русскіе, любившіе Пушкина, какъ *честь своей родины*, какъ одного *изъ вождей ея просвѣщенія*, давно уже пламенно желали новаго изданія, достойнаго его памяти и встрѣтили предпріятіе г. Анненкова съ *восхищеніемъ и благодарностью*. И въ самомъ дѣлѣ, память Пушкина какъ будто еще разъ *повѣяла жизнью* и свѣжестью на нашу литературу, точно *окропила насъ живой водой* и привела въ движеніе наши окостенѣвавшіе отъ бездѣйствія члены".

Указывая на то, что въ изданіе не вошли многія эпиграммы Пушкина, Н. А. Добролюбовъ находитъ, что напрасно было церемониться съ тѣми людьми, которые сами не церемонились съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Онъ указываетъ на Греча и Булгарина, между прочимъ. Вѣдь и эти ругатели Пушкина были не семинаристы, г. Николай Энгельгардтъ!..

Понимая Пушкина вполнѣ, указывая на перемѣны его направленія, которое произвело охлажденіе къ нему въ лучшей части его почитателей, на что указываетъ и Н. Г. Чернышевскій, Н. А. Добролюбовъ называетъ его *любимымъ поэтомъ*, *великимъ поэтомъ*, а изданіе сочиненій Пушкина выставляетъ, какъ *истинную заслугу* передъ русской литературой и обществомъ [2]).

---

[1]) Очерки Гоголевскаго періода. Надеждинъ.

[2]) Сочиненія Пушкина. VII томъ. Н. А. Добролюбовъ, томъ 4, стр. 432

Люди умные, честные, непреклонныхъ убѣжденій основательно и многосторонне ученые, видятъ ясно, какъ достоинство, такъ и недостатки писателя и понимаютъ причины перемѣнъ въ немъ. Говоря о комъ-нибудь, — они отдаютъ полную справедливость его достоинствамъ, но не обратятся въ холоповъ, расхваливающихъ, въ угоду кому бы то ни было, тѣ недостатки, которые они видятъ, и на которые представляютъ читателю всѣ данныя для его приговора.

Приведенная г. Ник. Энгельгардтомъ эпиграмма Пушкина по адресу Надеждина объясняется единственно полнымъ незнаніемъ автора „издѣлія“ ничего относительно критики Надеждина и полной невозможностью судить о ней. Со стороны Пушкина его ругательная эпиграмма естественна и понятна, но со стороны г. Ник. Энгельгардта, взявшагося за такую нелѣпую тему, какъ обвиненіе семинаристовъ въ отрицаніи Пушкина, искусства, чистой мысли, чистой науки, по прошествіи почти полвѣка, только и можно объяснить тѣмъ, что не только его воспитаніе сплошь основано, но и дальнѣйшее его развитіе сосредоточилось единственно на лубочной литературѣ, которая, понятно, не могла ни пріохотить его къ серьезному чтенію, ни повліять на его мышленіе и знаніе.

Мнѣ кажется, что г. Ник. Энгельгардтъ достаточно обрисовался, чтобы еще говорить объ единичномъ фактѣ — допущеніи Благосвѣтлова отрицать Пушкина, искусство и все прочее — дворянина Писарева. Только г. Ник. Энгельгардту можетъ быть понятна возможность „вдохновить“ другого писать, что прикажутъ. Это насъ завлечетъ далеко, заставивъ говорить о томъ времени, когда у насъ явился рѣзкій поворотъ отъ бездѣльничанья, пустословія, проживанія на трудъ сотенъ и тысячъ крестьянъ, къ реальной жизни, въ которую проникли новыя теоріи о трудѣ, благѣ народа

и т. п. Это явленіе жизни, представителемъ котораго явился недоучившійся Писаревъ, а объ этомъ явленіи нельзя говорить такъ, какъ говорятъ авторы „издѣлій".

Во всякомъ сословіи есть люди умные и глупые, честные и подлые, ученые и невѣжды—люди разныхъ душевныхъ и умственныхъ качествъ и, опять повторяю, только ограниченность и невѣжество дѣлаетъ заключеніе по единичнымъ фактамъ, а если единичный фактъ берется какъ предлогъ для ложнаго обвиненія цѣлаго сословія, то это... доказательство еще „чистой мысли" „отвлеченной науки" и духовной доблести.

Перо г. Ник. Энгельгардта, помимо его желанія, выставило семинаристовъ геніями, а онъ самъ не понималъ этого, думая что наша читающая публика воспримetъ его ложь. Можетъ быть и найдутся такіе читатели, но о нихъ скажу потомъ.

„Искусство мыслить—къ искусству сочинять".
Горацій.

„Мудрецъ нашъ мыслитъ такъ: предъ смѣлымъ
награжденье
Погибни всякій трудъ: могу и безъ него
Казаться знатокомъ, не зная ничего!"

Теперь еще немного о „созрѣвающемъ философѣ". О немъ и говорить, въ сущности, не стоитъ, послѣ того, что сказано объ г. Ник. Энгельгардтѣ, такъ какъ достаточно того, что *онъ заявилъ свою полную съ нимъ солидарность въ его издѣліи* „Сословное ли только безвкусіе" въ № 9270 „Нов. Времени", если бы не его высокое мнѣніе о себѣ и отвѣты, которыми его удостоиваютъ еще.

Г. Розановъ воображаетъ, что онъ походитъ на философа. Философъ на столбцахъ газеты! Какую бы философскую формулу ни вывелъ философъ, онъ долженъ

прійти къ ней цѣльнымъ рядомъ умозаключеній, поясняя ихъ примѣрами, сопоставленіями, считаясь съ ранѣе сложившимися понятіями — написать цѣлый трактатъ. Г-нъ же Розановъ въ нѣсколькихъ стахъ строчкахъ „выводитъ тему большихъ размышленій, которую онъ намѣтилъ только легкимъ пунктиромъ". Если бы онъ не мудро, а только правильно мыслилъ, то не могла бы его „тема большихъ размышленій" состоять изъ лжи и безсмыслицы. Если задать себѣ вновь *неблагодарный трудъ*, то въ каждой строчкѣ найдемъ ложь и чепуху, но этого дѣлать, къ счастью, не придется. Развѣ только коснуться слегка, чтобы не сказали: это голословно. Не придется разбирать потому, что эта ложь и чепуха уже разоблачена въ изданіяхъ г. Ник. Энгельгардта. Нашъ „созрѣвающій философъ", увидя своего товарища въ трясинѣ на виду десятковъ тысячъ людей, не понялъ опасности для „художника слова" и для себя и бросился къ нему, но пощупавъ почву, счелъ за лучшее оставить только слѣды своего знаменитаго философскаго путешествія.

Вотъ г. Буренинъ въ № 9287 „Новаго Времени" и въ журналахъ даже не признаетъ „философіи", которую онъ называетъ „ежемѣсячнымъ враньемъ". „Въ самомъ лучшемъ случаѣ, говоритъ онъ, такъ называемая философія, это путанная, непонятная и часто просто *глупая компиляція* изъ нѣмецкихъ, англійскихъ или французскихъ философскихъ книжекъ; а въ худшемъ— это просто *безсмыслица, наборъ пустыхъ словъ*, терминовъ и фразъ, *нагло выдаваемый* за какія-то мнимыя „системы" какой-то отвлеченной мудрости. Эта мудрость дѣйствительно отвлеченная, но только въ томъ отношеніи, что она *отвлечена отъ мысли* (невольно вспомнишь „чистую мысль и отвлеченную науку", которую такъ защищаетъ г. Ник. Энгельгардтъ), отъ логики, отъ здраваго ума. Если наши современные критики очень мало

похожи на критиковъ, то на философовъ они столько же похожи, какъ попугай на человѣка!

Разберемъ теперь немного философію г. Розанова, для тѣхъ, которымъ недостаточно такого краснорѣчиваго факта, какъ тождество логики, понятій, знанія и этики „созрѣвающаго философа“ съ г. Ник. Энгельгардтомъ. Можетъ быть, это и принесетъ нѣкоторую пользу! Можно совершить частицу „неблагодарнаго подвига“, хотя это скучно и надоѣло.

Г. Розановъ начинаетъ свое „издѣліе“ „Сословное ли только безвкусіе“ такъ:

„Иногда вопросъ *трудный*, вопросъ *тонкій*, вопросъ *нерѣшенный* и, можетъ быть, *даже нерѣшимый*, вдругъ, такъ сказать, разрѣшается почти въ серію анекдотовъ. Не весело эту недѣлю *лежалось косточкамъ* о. Матвѣя Константиновскаго въ могилѣ. Сколько разъ повернулись онѣ тамъ, когда имя его такъ и этакъ повертывалось здѣсь! *Но въ концѣ концовъ что же мы получили?* О. Матвѣй—случай. Около этого случая—случаи Надеждина, Чернышевскаго, Добролюбова, Благосвѣтлова и *общее заключеніе: вся антиэстетичность въ нашей литературѣ шла отъ семинаріи*“.

Вѣдь въ шестидесятыхъ годахъ и разсуждать съ такими „созрѣвающими философами“ не стали бы, а осмѣяли бы въ „Свисткѣ“ и достаточно было бы, а въ настоящее время противъ нихъ надо книгу издавать: направленіе, о которомъ говоритъ г. Ник. Энгельгардтъ, въ ихъ пользу и иначе ихъ не изобличишь! Печальное время!

Всякій размышляющій читатель, разсмѣется, прочтя вышеозначенныя „вѣщанія“ нашего „философа“, если онъ человѣкъ хладнокровный, привыкшій ко всему, что у насъ проявляется въ послѣдніе годы въ литературѣ; если же онъ человѣкъ воспріимчивый, первый, не могущій примириться съ тѣмъ упадкомъ, который проявляется вездѣ у насъ, онъ возмегодуетъ, и только

глупецъ прочтетъ эти строки, какъ Гоголевскій Петрушка.

Обратите вниманіе на литературное достоинство этого вступленія да еще „созрѣвающаго философа“, подыскивающаго къ пустому, ничего не означающему факту свои „умопомрачающія“ заключенія, уничтожающія только что сказанное другимъ такого же сорта заключеніемъ, доказывающимъ, что „философъ“, такъ же, какъ и г. Ник. Энгельгардтъ, не можетъ справиться съ своимъ перомъ, его предающимъ! А вѣдь г. Розановъ, какъ увидимъ ниже, печатно заявляетъ, что онъ чрезвычайно нужный, великій учитель!

Разберите особенность его мышленія, его выраженій. Онъ хочетъ сдѣлать разрѣшеніе вопроса, между прочимъ, *нерѣшимаго* и тутъ же говоритъ, что этотъ *нерѣшимый* вопросъ обращается въ серію анекдотовъ! Онъ не понимаетъ, что слово *нерѣшимый* требуетъ объясненій, ставитъ его въ необходимость считаться съ этимъ словомъ, какъ скоро его перо написало. Но „философъ“ этого не соображаетъ и прямо переходитъ къ „косточкамъ“ о. Матвѣя и къ этимъ косточкамъ прибавляетъ „косточки“ Надеждина, Чернышевскаго, Добролюбова и Благосвѣтлова—и его „философская формула“ готова! Развѣ человѣкъ размышляющій можетъ такъ писать и дѣлать такія заключенія, которыя выводятся только на основаніи такихъ данныхъ, какъ „косточки?“

Но вы, читатель, не думайте, что это „философское заключеніе“ окончено, судя по рѣшительному выводу. „Косточки“ „косточками“, „случай“—„случаемъ“, но къ этому прибавьте еще образованіе!

„Мы имѣемъ цѣлую группу почти *сословныхъ талантовъ* и цѣлую группу почти сословныхъ *неспобностей, дефектовъ*. Класть все это случай къ случаю и въ заключеніе объявить: *„таково сословіе неосновательно“*.

Почему неосновательно, какъ вы думаете? Да потому, что „это не значитъ *объяснить*, это значитъ—*суммировать*". Вотъ вамъ и объясненіе, достойное „созрѣвающаго философа". Онъ не подозрѣваетъ, что его заключеніе „таково сословіе", хотя „неосновательно", по его же словамъ, *остается въ полной силѣ, какъ бы онъ ни объяснялъ это! (!!!)* И изъ-за чего онъ хлопочетъ, высказывая такія истины, что въ сословіи есть таланты и люди неспособные, съ „дефектомъ"? Ему хочется увѣрить, что ни одинъ семинаристъ не любитъ поэзію.

„Духовенство не только не любило поэзію *теоретически*, (?) оно и не дало *поэтовъ*. Оно не сложило у себя и поэтическаго быта, обычаевъ" (!).

Хороши знанія, пониманія явленій жизни у г. „созрѣвающаго философа"!

„Мнѣ кажется", вѣщаетъ „мудрецъ", здѣсь не столько *традиція* сословія, сколько система образованія дѣйствуетъ".

Къ этому вопросу мы вернемся. Я сдѣлалъ маленькій пропускъ, чтобы дать читателю возможность уяснить „систему мышленія созрѣвающаго философа", приводящую меня въ необычайное удивленіе, мало этого сказать,—прямо въ ужасъ!

Послѣ „косточекъ" г. Розановъ вѣщаетъ:

„Что такое за сословные вкусы? Духовенство живетъ ближе къ природѣ, чѣмъ мы, *а природа развиваетъ поэтическіе вкусы*. Но въ духовенствѣ они не развились (?). Зато въ духовенствѣ развились и привились *государственныя, административныя способности* (?). Нѣтъ бы тѣ *стойкихъ, выносливыхъ, послѣдовательныхъ, соображательныхъ* и *тонко-соображательныхъ* людей на службѣ, какъ изъ *семинаристовъ* [1]). Филаретъ былъ высоко-государственный умъ. Сперанскій былъ изъ духовенства. Два имени на Западѣ, Ришелье и Мазарини

[1]) Прошу обратить на это особенное вниманіе *Нашу безъ пропуска.*

знаменуютъ цѣлую политическую систему. Хотя нельзя не замѣтить, что *государственные люди семинарскаго закала болѣе систематики*, чѣмъ *творцы*. Они *упорядочиваютъ* строй государства, *но не ведутъ государство къ новому*. Они осторожны, *но не смѣлы*. Министръ изъ семинаристовъ всегда пахнетъ болѣе чиновникомъ [1]). Петръ Великій есть совершенное отрицаніе семинаризма (?). Сперанскій своими учрежденіями *подсѣкъ порывъ Петра и вообще угасилъ наше политическое творчество*.

Образецъ „философіи“ — выдающійся, какъ и все, что предательское перо г. Розанова выводитъ на бумагѣ.

Г. Розановъ дѣлаетъ заключенія, которыя сейчасъ же уничтожаетъ, ставитъ вопросы, но ихъ не разрѣшаетъ, производя наборъ ни къ чему не идущихъ словъ.

Онъ не можетъ объяснить, что это за *„сословные вкусы“*. Эти вкусы всякій, поживщій среди какого-нибудь сословія, знаетъ. Не въ нихъ значеніе, *а въ причинахъ, вырабатывающихъ извѣстный вкусъ*; если кто заводитъ объ этомъ рѣчь, то онъ на эти причины и указываетъ. Но „философъ“ набралъ нѣсколько словъ, поставилъ вопросительный знакъ и доволенъ, воображая, что сказалъ необычайную мудрость, истину!

Онъ говоритъ, что природа, къ которой ближе духовенство, развиваетъ поэтическіе вкусы, но въ духовенствѣ они не развились. Почему же это? Если природа развиваетъ поэтическіе вкусы, то они и должны быть у духовенства.

Я привелъ факты, что наши семинаристы — Надеждинъ, Н. А. Добролюбовъ, Н. Г. Чернышевскій не только не отрицали Пушкина, поэзію, искусство, но понимали все это лучше, чѣмъ кто-либо, оставивъ послѣ себя ученіе, которое все болѣе и болѣе воспринимается. Если бы даже Благосвѣтловъ отрицалъ Пуш-

---

[1]) Какимъ образомъ „философъ“ могъ вывести заключеніе о запахѣ министра изъ семинаристовъ? У насъ ихъ не было. Даже Боголѣповъ—не семинаристъ.

кина, *хотя данныхъ на это г. Розановъ не привелъ*, то и въ этомъ случаѣ изъ 4 названныхъ имъ семинаристовъ,—трое изобличаютъ его ложь блистательно, открывая его качества „философа". Почему Благосвѣтловъ позволялъ Писареву въ своемъ журналѣ отрицать Пушкина, г. Розановъ *указалъ на одну только причину: Благосвѣтловъ семинаристъ*. Основательно! Какъ все это просто у этихъ „столповъ" „Новаго Времени"! Писаревъ отрицалъ искусство, говоря, что пара сапогъ лучше, полезнѣе Венеры Медицейской, или что-то въ этомъ родѣ; отрицалъ Пушкина, отрицалъ... даже Петра Великаго! Прочтите у другого семинариста—Н. А. Добролюбова, статью „Исторія царствованія Петра Великаго" и вы увидите, какая разница между глубоко знающимъ, необыкновенно умнымъ, честнымъ, благороднымъ семинаристомъ и недоучившимся дворяниномъ, обыкновеннаго ума!

Самъ же „философъ" ниже говоритъ [1]), что „семинарское образованіе замѣчательно *послѣдовательно, систематично, философично. Ничего подобнаго никогда не было въ сложеніи гимназическаго образованія*" (!).

Выше мы видѣли, что философское образованіе развиваетъ понятіе о прекрасномъ, а это понятіе даетъ огромное преимущество семинаристамъ передъ огромнымъ большинствомъ другихъ людей, лишенныхъ этого образованія. Большинство семинаристовъ дѣти сельскаго духовенства, съ дѣтства живутъ съ природой, которая, какъ признаетъ г. Розановъ, развиваетъ поэтическіе вкусы. Составивъ себѣ понятіе о прекрасномъ, эти семинаристы несравненно болѣе понимаютъ природу, замѣчаютъ въ ней то, чего не замѣчаютъ дру-

---

[1]) Невольно приходится нарушать порядокъ разбора: таково свойство авторовъ „издѣлій", обладающихъ особеннымъ мышленіемъ.

гіе, и ихъ эстетическіе вкусы еще болѣе развиваются. Для примѣра вспомните мѣстоположеніе монастырей. Гдѣ монастырь—тамъ самое живописное мѣсто; то же наблюдается и относительно расположенія домовъ духовенства, если устроиться на мѣстѣ зависѣло отъ него.

Отрицаніе г. Розановымъ у духовенства поэтическаго вкуса на томъ основаніи, что оно „не дало поэтовъ, не сложило у себя и поэтическаго быта и обычаевъ"—доказываетъ только одно—его... какъ это сказать помягче?.. его непониманіе того, что и о чемъ пишетъ его перо.

Чтобы быть поэтомъ, необходимо, кромѣ таланта, имѣть возможность заниматься поэзіей; нужна обезпеченность, извѣстныя условія, чтобы ничто не мѣшало отдаться этому занятію. Какой поэтъ можетъ выработаться изъ семинариста, огромное большинство которыхъ съ самаго дѣтства видятъ нужду, горе, стѣсненія; образованіе которыхъ „пропитанное духомъ покорности, безропотности, дисциплины", по словамъ г. Розанова, не располагаетъ къ поэзіи, а послѣдующая жизнь вся состоитъ изъ *заботъ о* насущномъ хлѣбѣ, въ нуждѣ, въ исполненіи требъ, службы и зависитъ до сихъ поръ *отъ милостыни*! При такихъ условіяхъ не можетъ явиться поэтовъ! Не можетъ слагаться и поэтическаго быта, обычаевъ, когда вся жизнь заключается въ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ, когда эта жизнь сурова и не даетъ ничего поэтическаго! *Поэзія дѣйствуетъ на фантазію*, а какая фантазія можетъ развиться при означенныхъ условіяхъ!

Ай, г. Розановъ! Какъ это ему ничего таки непонятно, ничего неизвѣстно, точно онъ спустился „съ эѳирнаго пространства", чтобы насъ поучать! Если сословіе не дало поэтовъ, не сложило поэтическаго быта, обычаевъ—это не доказательство еще, что оно не понимаетъ, отрицаетъ поэзію, искусство?

Много ли во всемъ мірѣ поэтовъ? Много ли ихъ у насъ? Лермонтовъ и Пушкинъ. А за ними и послѣ ихъ кто? Никого вѣдь нѣтъ! Кольцовъ изъ народа—необычайное, исключительное явленіе и мы его знаемъ благодаря случаю, *столкнувшему его опять-таки съ семинаристомъ, Серебрянскимъ, исправлявшимъ его первыя стихотворенія, развившимъ его вкусъ.* Жизнь Кольцова постоянно съ природой, безъ заботъ, безъ думъ о завтрашнемъ днѣ, самостоятельная, не выработала бы изъ него поэта, если бы случайно купленныя стихотворенія Дмитріева не дали ему толчокъ кропать нескладные стихи и не встрѣча съ Серебрянскимъ. Въ полѣ, съ гуртомъ скота, ему много было свободнаго времени. Мало ли у насъ задатковъ поэзіи въ народѣ, мало ли народныхъ произведеній, а что изъ нея вышло? Что она дала? Что могла дать при томъ образованіи, развитіи народа, условіи быта, въ которомъ онъ находится? Поэтическій талантъ—*исключительный даръ.*

Можетъ быть и въ духовенствѣ есть поэтическія произведенія, которыхъ мы не знаемъ и никогда не узнаемъ! Не такъ объясняютъ явленія жизни народа, какъ „философъ“. Не въ газетѣ пролить свѣтъ на тѣ вопросы, которые воображаетъ разрѣшить „созрѣвающій философъ!“

Я знаю чиновника, очень умнаго, знающаго, обладающаго необыкновеннымъ поэтическимъ талантомъ, стихотворенія котораго, не говоря уже о формѣ, объ отдѣлкѣ, полны глубокой мысли, глубокаго чувства, и онъ не только не отдается поэзіи, но до сихъ поръ не напечаталъ ни одного своего стихотворенія: служба отнимаетъ у него все время, и онъ пишетъ иногда, ради удовлетворенія самого себя.

Отчего въ духовенствѣ развились и привились государственныя, административныя и чиновничьи способности? Потому что духовенство „ближе къ природѣ,

чѣмъ мы" *вотъ что сходитъ по словамъ „философа"*. Не вѣрите прочтите слова. Какія причины такого явленія г. Розановъ, конечно, не можетъ объяснить.

Филаретъ, Ришелье, Мазарини у него *семинаристы*, какъ и Сперанскій! Сопоставляя Филарета съ Ришелье, онъ указываетъ этимъ на Филарета [1]) Никитича Романова, *отца царя Михаила*! Ришелье, *дворянинъ*, сынъ капитана гвардіи; получилъ 22 лѣтъ епископство, 37 лѣтъ былъ уже кардиналомъ, 39 лѣтъ—министромъ; Мазарини—также *дворянинъ*. Г. К. Скальковскій указалъ г. Розанову въ № 9272 относительно Ришелье и Мазарини, что „они семинаристами не были, да и духовными были только по платью".

„Болѣе всѣхъ братьевъ выказывался дарованіями и умомъ Федоръ Никитичъ Романовъ". Никто лучше его не умѣлъ ѣздить верхомъ, не было въ Москвѣ красивѣе и щеголеватѣе мужчины". Этого-то перваго московскаго щеголя насильно постригли (по приказанію Бориса) въ Сійскомъ монастырѣ подъ именемъ Филарета [2]).

Вотъ она „чистая наука" авторовъ „издѣлій!" Ничего нельзя ожидать отъ людей съ тѣмъ отсутствіемъ всякаго знанія, которое они сами изобличаютъ въ себѣ!

По этой-то причинѣ г. Розановъ утверждаетъ, что Сперанскій подсѣкъ порывъ Петра! Вѣдь этого одного достаточно, чтобы поставить ему нуль навсегда по всѣмъ вопросамъ, о которыхъ пишетъ его перо!

Пусть г. Розановъ объяснитъ, какимъ образомъ Сперанскій черезъ 76 лѣтъ послѣ смерти Петра „подсѣкъ его порывъ" своими учрежденіями, т.-е. министерствомъ.

---

[1]) Г. Розановъ говоритъ: „Оттого Ришелье и Филаретъ на Западѣ и Востокѣ имѣютъ, *въ сущности, одинаковую структуру ума*". Къ тому же они были современниками.

[2]) Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова, т. I, стр. 752.

внутреннихъ дѣлъ, государственнымъ совѣтомъ, существующими до сихъ поръ [1]). Такихъ данныхъ нѣтъ ни у кого и нигдѣ, смѣю увѣрить; онѣ имѣются только у г. Розанова. Онъ одинъ только можетъ объяснить такое неслыханное, невозможное явленіе въ жизни народовъ, да еще въ Россіи!

Несмотря на похвалы вышеозначеннымъ лицамъ, г. Розановъ говоритъ, что эти лица „систематики", „не творцы", упорядочиваютъ строй государства, но не ведутъ его къ новому. „Петръ Великій—отрицаніе семинаризма!"

Я, кажется, не въ состояніи буду сдѣлать даже ту ничтожную часть подвига, которую взялъ на себя: до такой степени противно объяснять истины, извѣстныя теперь въ другихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ младшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Онъ не понимаетъ, что „упорядочить строй государства" —значитъ вести его „къ новому", „творить". Какъ мы ни хорошо успѣли познакомиться съ мышленіемъ г. Розанова, я пока не рѣшаюсь предположить, что онъ, говоря о людяхъ, управлявшихъ государствомъ, имѣетъ въ виду поэтическое творчество, хотя ясно, что онъ не понимаетъ, что означаетъ творчество въ общемъ.

Государственные люди, если они дѣйствительно *заслуживаютъ это названіе по ихъ дѣламъ*, а не по занимаемому ими мѣсту только, *всегда ведутъ государство къ новому, всегда творятъ*, такъ какъ потребности жизни народа не находятся постоянно, неизмѣнно на одномъ уровнѣ, иначе государство погибло бы, и люди, вообра-

[1]) Я слышалъ: Сперанскій представилъ Императору Николаю проектъ управленія и самоуправленія, но проектъ самоуправленія былъ отвергнутъ. Если это вѣрно, то мнѣніе о немъ Корфа несправедливо.

жающіе, что они могутъ держать государство въ одномъ и томъ же положеніи безконечно,—не государственные люди, а просто тупоумные люди. Высокогосударственный умъ, какимъ обладалъ Петръ Великій, чуть не единственный въ мірѣ, предвидитъ не только потребности настоящаго, но и *будущаго времени* — это геній. Онъ обладалъ великой любовью къ Россіи, и это свойство, несмотря на его недостатки, объясняемые его воспитаніемъ, и ужасами, видѣнными имъ въ дѣтствѣ во время стрѣлецкаго бунта, помогало ему понимать нужды государства, необходимость обезпечить возможное спокойствіе и благосостояніе на сколько возможно долгое время, почему мы и видимъ болѣе, чѣмъ у кого-либо его творчество. Ни одинъ государственный человѣкъ не можетъ держать государство въ одномъ и томъ же состояніи государственной, политической, экономической, умственной жизни неопредѣленное время. Государственные люди вѣдь *являются выразителями потребностей жизни всего государства — это ихъ назначеніе.* А жизнь идетъ впередъ, предъявляетъ все новые и новые вопросы, и тотъ только — государственный человѣкъ, *кто ихъ понимаетъ, кто идетъ имъ навстрѣчу, разрѣшаетъ ихъ, согласно жизненной потребности*, а это можно только тогда, когда человѣкъ именно *творитъ, создаетъ, ведетъ государство къ усовершенствованію во всемъ, къ новому.*

Наши семинаристы безсильны въ бюрократіи. На нее не мало было нападковъ, и если бы „созрѣвающій философъ“ могъ бы достаточно впечатлѣваться, понимать явленія жизни, то не сталъ бы писать чепухи о семинаристахъ-чиновникахъ. Типъ бюрократа создался очень давно -это каста, въ которую поступаютъ въ большинствѣ случаевъ, а на видныя мѣста исключительно,— дѣти чиновниковъ - „плоть отъ плоти, кровь отъ крови“

отцовъ, у которыхъ выработался на „службу“ тотъ же взглядъ, какъ и у ихъ родителей.

Даже ограниченные люди, попавъ на государственный постъ, волей неволей творятъ, ведутъ къ новому; какъ они это дѣлаютъ, много ли пользы отъ ихъ вліянія—другой вопросъ, но фактъ остается неизмѣннымъ: жизнь, ея потребности *заставляютъ* хоть что-нибудь сдѣлать, устроить, начать новое. Государственныхъ людей или слишкомъ мало, или совсѣмъ нѣтъ, а стоитъ только прочитать въ газетѣ о какомъ-нибудь чиновникѣ, занимавшемъ какое-нибудь болѣе или менѣе важное мѣсто,—сколько перечисляютъ его твореній: и то-то онъ устроилъ, и то-то проектировалъ, и то-то измѣнилъ и т. д.! Да о губернаторѣ сообщатъ—и то довольно! Сперанскій тоже творилъ: помимо учрежденій, онъ составилъ сводъ законовъ, уставъ о ссыльныхъ, положеніе которыхъ облегчилъ.

„Петръ Великій есть совершенное отрицаніе семинаризма“, говоритъ г. Розановъ. Да что такое семинаризмъ? Вѣдь по тому, что передъ этими словами сказалъ „философъ“, я утверждаю, да и всякій другой будетъ утверждать, какъ разъ противное: Петръ Великій—олицетвореніе семинаризма. Петръ Великій высоко государственный умъ, стойкій, выносливый, послѣдовательный, сообразительный, тонко-сообразительный. Семинаристы, по словамъ самого философа,—именно такіе. Они упорядочиваютъ строй государства—это было главной цѣлью Петра Великаго, доказательствъ — сколько угодно. Они осторожны, но не смѣлы—вздоръ, Филаретъ, Ришелье, Мазарини были очень смѣлы, что докажу ниже; Сперанскій тоже не былъ трусливъ. Петръ Великій, *вѣроятно*, и по мнѣнію „философа“, творецъ, и названные имъ семинаристы творцы, такъ какъ они управляли государствами. Сперанскій, не управлявшій

государствомъ творецъ, насколько позволяла ему его сфера.

Самъ г. Розановъ отождествляетъ ихъ съ Петромъ Великимъ. Что дѣлать, г. Розановъ? Пусть насъ судитъ читатель. Если онъ способенъ разсуждать онъ будетъ на моей сторонѣ, увѣренъ въ этомъ.

Есть мудрая пословица, неизвѣстная „философу“: „что напишешь перомъ, то не вырубишь топоромъ“. Нельзя же безконечно презирать читателей, подпося имъ разныя безсмыслицы!

Обратите вниманіе на его объясненіе сословныхъ талантовъ и неспособностей, дефектовъ въ духовенствѣ.

Выше мы видѣли, какъ г. Розановъ опредѣляетъ образованіе семинаристовъ. Не знаю, какъ вы, читатель, но я понялъ, что оно *отличное и что гимназическое образованіе несравненно хуже во всѣхъ отношеніяхъ*. Оказывается, что я не понимаю глубокихъ мыслей и словъ „созрѣвающаго философа“, да и вы, читатель, тоже не понимаете, что видно теперь изъ слѣдующаго, совершенно *противоположнаго* опредѣленія, указывающаго на то, что это воспитаніе *губительно* во всѣхъ отношеніяхъ, обращая людей въ *кретиновъ*.

„Оно (т. е. образованіе) убиваетъ творчество [1]) и духовное сословіе, *столь способное въ общемъ*, есть самое нетворческое. Недвижность (!) и безсиліе къ творчеству наконецъ *задавило его самого*. Это есть одна изъ главныхъ причинъ, что чиновники, *люди безъ рясы*, взяли въ руки свои всѣ дѣла духовнаго вѣдомства. *Они сообщили импульсъ паралучному. Они не отняли, а*

[1]) Совершенно та же манія, какъ у г. Ник. Энгельгардта. „Отреченіе отъ Пушкина! Откуда вышло это отреченіе? Одинъ отвѣтъ изъ семинаріи“. № 9263. „О. Матвѣй — русскій критикъ, — виноватъ, въ русской критикѣ“.

„Искусству“ не было дѣла до реформъ, „поворота Россіи съ мертвой полосы, въ море реформъ!“

просто пришли и начали дѣлать. Духовный все ждетъ приказанія, приказать онъ не можетъ. Лучше ужъ онъ будетъ какъ-нибудь копаться, подкапываться, но не распорядится. Свойства крота, а не орла присущи всему духовному сословію".

Достоинство и этого образца „философіи" г. Розанова такое же, какъ и перваго, какъ и всѣхъ его „изслѣдованій".

Ужасное образованіе! Вотъ какое разочарованіе подготовляетъ намъ „философъ" при всякомъ заключеніи! Думаешь хорошо, а потомъ оказывается—отвратительно. Чему вѣрить? Первому или второму заключенію? Это истинно замѣчательное явленіе на столбцахъ „Новаго Времени!" „Философія" какъ есть „декадентская".

Замѣчаете ли вы, читатель, что духовное сословіе не разбирается въ цѣломъ, а въ двухъ естествахъ, такъ сказать: одно естество — въ рясѣ, паралличное, лишенное творчества, безсильное, недвижимое, ждущее приказаній, подкапывающееся — иначе „кротъ": другое — безъ рясы—сообщившее импульсъ первому естеству—параличному, дѣятели, и, надо заключить, творцы, орлы. Такъ какъ мы всѣ знаемъ, что эти дѣльцы, чиновники, за ничтожнымъ развѣ исключеніемъ, дѣти духовенства, то является вопросъ, который г. Розановъ не рѣшаетъ и не рѣшитъ, какъ примирить „*способность въ общемъ духовнаго сословія*" съ *его параличностью, негодностью, во-первыхъ*, а во-вторыхъ, какъ же отъ *такихъ негодныхъ, паралличныхъ и т. п. отцовъ родятся дѣти*, которые обратились въ орловъ, въ дѣятелей? Новая теорія происхожденія видовъ!

„Созрѣвающій философъ", орелъ по мысли, знанію, дѣйствіямъ—по всему, необыкновенный орелъ „эѳирнаго пространства!" Онъ и здѣсь, какъ и во всѣхъ его „изслѣдованіяхъ" раньше высказанное заключеніе уничто-

жаетъ другимъ. Такого мышленія я никогда не ожидалъ ни отъ кого.

Свойства духовенства опъ объясняетъ образованіемъ.—„Это римско-византійская система мышленія". Интересно знать, какъ называется „система мышленія созрѣвающаго философа?"

Эта система семинарскаго образованія такова, что тутъ невозможно ничего *отъ себя и ума своего рѣшить и въ то же время* (слушайте!) *этого нельзя и усвоить безъ очень тонкаго ума* (вотъ вамъ, поучайтесь!) Вдохновеніе здѣсь неминуемо бы все перепутало, испортило. Вдохновеніе здѣсь неприложимо, даже недопустимо.

Изъ этихъ словъ ясно, что „философъ" говоритъ о творчествѣ въ поэзіи, что подтверждается ниже, чего я никакъ не рѣшился предположить, помня начало статьи и знаменитыхъ „семинаристовъ" и государственныхъ людей—Филарета, Ришелье, Мазарини и Сперанскаго, которые „болѣе систематики, чѣмъ творцы" и т. д.

Выставивъ этихъ лицъ какъ *представителей семинаристовъ*, надѣливъ ихъ желательными ему достоинствами и недостатками, „философъ" долженъ былъ бы это помнить, такъ какъ я и всякій мыслящій человѣкъ его разсужденія неминуемо приложимъ какъ къ нимъ, такъ и ко всѣмъ, на кого онъ указалъ.

Его примѣры такъ же удачны, какъ и у г. Ник. Энгельгардта.

Филаретъ, вернувшись изъ польскаго плѣна, взялъ власть въ свои руки, отстранивъ бояръ, злоупотреблявшихъ ею, и его сынъ—царь Михаилъ *„ничего не смѣлъ сдѣлать безъ его воли и благословенія"* [1]). Всѣ находились у него въ подчиненіи [2]). Разница въ „структурѣ ума" его и Ришелье была *громадная* во всѣхъ отношеніяхъ,

[1]) „Русская исторія" Костомарова, стр. 757.
[2]) „Русская исторія" Костомарова, стр. 756.

и достаточно указать на его укоры Желябужскому *въ выборѣ его сына, а не другого.* „Вы не хорошо сдѣлали, - меня послали отъ всего государства посломъ просить Владислава, а сына моего государемъ выбрали. *Могли бы выбрать и другого, кромѣ моего сына.* За это вы предо мною *не правы,* что сдѣлали такъ безъ моего вѣдома".

Кто знаетъ Ришелье—тому достаточно и этого факта.

Ришелье вертѣлъ королемъ и Франціей 18 лѣтъ и королева-мать, несмотря на всѣ старанія, *не могла его удалить.* Онъ заставилъ Людовика XIII *казнить своего любимца,* Сенкъ-Марксъ.

Мазарини, сначала любовникъ королевы Анны, потомъ тайно обвѣнчавшійся съ ней, управлялъ Франціей. Онъ 2 раза былъ принужденъ, вслѣдствіе заговоровъ противъ него, бѣжать изъ Парижа, но *онъ навербовалъ войско, одержалъ верхъ и торжественно вступилъ въ Парижъ.*

Сперанскій тоже управлялъ, хотя не государствомъ.

Хотя г. Розановъ этого ничего не знаетъ, но какъ скоро онъ сказалъ, что эти семинаристы -государственные люди, что въ духовенствѣ развились государственныя, административныя, чиновничьи способности, то какъ онъ можетъ потомъ „вѣщать", что духовное сословіе „паралличное", „со свойствами крота", „боящееся приказать", не могущее „ничего отъ себя и ума своего рѣшить" и т. п.?

Это Филаретъ, Ришелье, Мазарини, Сперанскій ждали приказаній, отъ своего ума ничего не могли рѣшить! Ха, ха, ха!..

Государственные люди, администраторы не могутъ заниматься поэтическимъ творчествомъ, не могутъ прилагать къ рѣшенію дѣлъ вдохновенія. Дѣйствительно, всякое вдохновеніе при этомъ „недопустимо, неприложимо". А г. Розановъ недоволенъ этимъ!

Странно! Творчество государственныхъ людей неизмѣримо выше поэзіи.

Точно также и духовенству не заниматься поэзіей по причинамъ, мною выше выясненнымъ.

А проповѣди, напримѣръ, священника Петрова развѣ не творчество? Передъ творчествомъ о. Алексѣя Петровича Колоколова должны преклониться поэты всего міра: творчество священника Колоколова неизмѣримо выше творчества поэтовъ, какъ ученіе Христа выше всякаго другого ученія, его творчество—вѣрнѣйшій залогъ самаго разнообразнаго творчества въ будущемъ призрѣнныхъ имъ. А сколько такихъ лицъ въ духовенствѣ—мы до сихъ поръ не знаемъ, какъ не знали и о священникѣ Колоколовѣ.

Наконецъ, послѣ заключенія, что духовное сословіе никуда не годно - - представляетъ изъ себя выродившихся людей, обратившихся въ манекеновъ, паралличныхъ, — значитъ лишено умственныхъ способностей, такъ какъ умъ не допустилъ бы цѣлое сословіе до такого идіотскаго состоянія, „философъ“ утверждаетъ, что оно обладаетъ очень тонкимъ умомъ!

И г. Розанову я даю благой совѣтъ никогда не брать пера въ руки, какъ и г. Ник. Энгельгардту! Ихъ „система мышленія“ вполнѣ несостоятельна.

Онъ не имѣетъ понятія, что такое умъ, да еще „тонкій умъ“, какое его вліяніе на человѣка, на его дѣйствія. По его системѣ мышленія выходитъ, что идіотъ можетъ обладать очень тонкимъ умомъ.

Нѣтъ, г. Розановъ! Не только человѣкъ съ очень тонкимъ умомъ, но просто съ умомъ, — никогда не можетъ быть „паралличнымъ“ въ своихъ дѣйствіяхъ, ждать приказаній, не мочь ничего отъ своего ума рѣшить, а всегда управляетъ глупѣйшими и заставляетъ ихъ дѣйствовать по своему желанію даже тогда, когда умнѣйшій въ зависимости отъ глупѣйшаго.

По понятіямъ г. Розанова духовное сословіе состоитъ изъ людей особой организаціи *съ присущими только ему особенными качествами*, измѣнить которыя не можетъ никакое образованіе и воспитаніе (!), что ясно высказывается во всемъ „издѣліи“. Онъ говоритъ:

„Но вернемся къ о. Матвѣю Константиновскому, *личность* котораго пробуждаетъ *мысль* (гдѣ же она — эта мысль?) не *столько о качествахъ сословія, сколько о качествахъ и давленіи „образованія!“*

Духовное сословіе у г. Розанова—особая „порода“ людей!!

Невольно вспомнишь слова Кантеміра:

„Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребій былъ копать садъ, пасть другому скотину:
Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ,
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ“.

Ни одной мысли во всемъ „издѣліи“, — все оно сплошь—ложь или чепуха, дающая полное понятіе о качествѣ образованія и системѣ мышленія „созрѣвающаго философа“.

Онъ не имѣетъ никакого понятія объ исторіи цивилизаціи, почему его перо и выводитъ такія мудрыя „мысли“ и заключенія. Ему совершенно непонятно, что качества людей зависятъ исключительно отъ образованія и воспитанія. Доказывать это безполезно: образованный читатель самъ это отлично знаетъ, а учить г. Розанова я не намѣренъ.

Понятія г. Розанова нисколько не разнятся отъ понятій крестьянъ. Извѣстно, что въ народномъ представленіи зависть, корыстолюбіе, это какъ бы врожденныя качества духовныхъ, о чемъ сложились давнымъ давно различныя поговорки, ропяющія духовенство, что не можетъ, разумѣется, поставить его на надлежащую высоту, сдѣлать дѣйствительнымъ наставни-

комъ, воспитателемъ народа, возбудить къ нему должное довѣріе, уваженіе, которое существуетъ у другихъ народовъ къ духовному лицу, — главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что духовенство не обезпечено и находится въ матеріальной зависимости отъ прихожанъ.

Еще въ 1859 г. священникъ Грековъ указалъ на это ненормальное положеніе духовенства, которое его унижаетъ, тяготитъ:

„*Порокъ корыстолюбія въ духовенствѣ* (курс. авт.) зависитъ *не отъ воспитанія и не отъ природныхъ наклонностей духовнаго сословія* [1]), *а отъ способовъ его содержанія* (курс. авт.). Обезпечьте насъ, какъ слѣдуетъ, *дайте намъ приличное содержаніе и тогда требуйте отъ насъ совершеннаго безкорыстія* (курс. авт.). Мы не только не пожалѣемъ тогда о своихъ доходахъ, но, напротивъ, будемъ радоваться, что *избавились отъ этой тяжкой и горькой необходимости питаться подаяніемъ* (курс. авт.). *Это мысль общая всего духовенства, желаніе постоянно, высказываемое* (курс. авт.)".

Ничто такъ не унижаетъ человѣка, какъ его матеріальная необезпеченность, зависимость отъ милостыни. Мы, называющіе себя христіанами, почти всѣ, не только простолюдины, не относимся къ духовенству такъ, какъ должны относиться, обвиняя его въ тѣхъ качествахъ, въ которыхъ оно не виновато, которыя только слѣдствіе того положенія, въ которое его поставили.

Посмотрите на нашихъ священниковъ за границей, поговорите съ ними. Какая огромная разница между ними и здѣшними священниками!

Если бы г. Розановъ не былъ „философомъ", онъ не выставлялъ бы качества духовныхъ лицъ, какъ неизмѣнную особенность ихъ, какъ будто только имъ

---

[1]) Курсивъ мой.

свойственную, а разобралъ бы причины того или другого качества, какъ слѣдствія ихъ образованія, воспитанія и ихъ матеріальнаго положенія и старался бы объ уничтоженіи этихъ причинъ; разобралъ бы не по „философски“, какъ онъ разбираетъ въ его „издѣліи“ „Сословное ли только безвкусіе“, а такъ, какъ разбирали „семинаристы“ Добролюбовъ, Чернышевскій, Надеждинъ.

Не только люди съ такими знаніями, такого исключительнаго ума, какъ Добролюбовъ и Чернышевскій, знали вполнѣ недостатки семинарскаго образованія и воспитанія, но и священники, полвѣка тому назадъ заявляли о нихъ.

Это выразилось въ разборѣ книгъ: „Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ, „Описаніе сельскаго духовенства“ [1]) и „Русское духовенство“ [2]).

Послѣ „вѣщанія“ о личности о. Матвѣя и качествахъ сословія и образованія г. Розановъ вѣщаетъ слѣдующее:

„*На горячую и пылкую натуру, полученную отъ рожденія* (!!) школа надѣла „футляръ образованія“ [3]) не только спеціальнаго, но и *фанатично спеціальнаго*. А спеціалистъ *не только ничего не видитъ по сторонамъ*, но и крайне упоренъ въ проведеніи своей *линіи* (!). Пушкина онъ не любитъ и не знаетъ. Пушкинъ для него звукъ пустой“.

По первому заключенію нашего „философа“ семинарское образованіе великолѣпно, несравненно лучше гимназическаго по послѣдовательности, систематично-

---

[1]) Н. А. Добролюбовъ, т. II, стр. 555—559.

[2]) Н. А. Добролюбовъ, т. III, стр. 247—255.

[3]) Вотъ оно — философское выраженіе, глубина мысли! Этотъ „футляръ“ — должно быть ряса. Придумайте-ка что-нибудь подобное! А вѣдь въ подобныхъ выраженіяхъ и заключается вся сила г. Розанова. За эти выраженія-то онъ и признается „философомъ“.

сти и философичности. По второму же заключенію это образованіе не что иное, какъ система обращать семинаристовъ въ кретиновъ, параличныхъ. „Футляръ образованія"—это „футляръ" параличности, безпомощности, кретинизма; „футляръ"—опредѣляющій свойства крота. „Опредѣливъ такія качества духовнаго сословія г. Розановъ дѣлаетъ свое „философское заключеніе", что въ духовенствѣ *пылкая и горячая натура отъ рожденія!* „Образованіе"—это губительная въ нравственномъ и умственномъ отношеніи система, (по словамъ г. Розанова, конечно) которая тянется почти тысячелѣтіе [1])—по физіологическимъ и нравственнымъ законамъ — должна убить способность не только самостоятельныхъ дѣйствій, но даже мышленія во всемъ духовенствѣ уже много столѣтій тому назадъ и никогда не могла произвести другого потомства, кромѣ обладающаго качествами предковъ—параличныхъ, кротовъ и т. д.

Если бы г. „философъ" хотя въ ничтожной части своей глубокой мудрости былъ правъ,—духовное сословіе давно бы совершенно выродилось, исчезло бы на Руси!

Кротъ производитъ крота и никогда не будетъ крота съ качествами хорька, лисицы и т. п. Какая же пылкость и горячность натуры отъ рожденія возможна въ духовномъ сословіи послѣ всѣхъ „философскихъ заключеній" г. Розанова?

Жалко, что „философъ" не указалъ *на проведеніе своей линіи* разными спеціалистами! Интересно знать, какая линія у инженера, технолога, философа и „философа", у ученаго, у писателя и т. д. И скверно быть спеціалистомъ, господа! Спеціалистъ „ничего не видитъ по сторонамъ", а ведетъ „свою линію". Самые они

[1]) Г. Розановъ говоритъ: „Будучи вѣковымъ, *почти тысячелѣтнимъ*, все въ одномъ духѣ, оно *наложило отпечатокъ на физіономію цѣлаго сословія*" (!)

скучные, ничего не понимающіе ни въ чемъ, что не касается ихъ спеціальности! Ограниченность полная, по „философіи“ г. Розанова. Не все же вѣщать „истины“ о духовенствѣ, надо и о другихъ сказать!

Я разобралъ возможно кратко всего нѣсколько десятковъ строкъ, а сколько пришлось написать страницъ. Вѣдь разобрать эту безсмыслицу въ нѣсколько сотъ строкъ — разобрать подробнѣе, какъ издѣліе г. Нпк. Энгельгардта—значитъ издать другую книгу!

Говорить съ нимъ безполезно, такъ какъ надо начать съ азбуки, а логикѣ ни за что не научить, но снять съ него „футляръ газетной „философіи“ обязательно, такъ какъ есть наивные люди, которые печатно заявляютъ о дружбѣ съ нимъ, даже о признаніи какихъ-то заслугъ! Хотя это дѣлается, надо думать, по товариществу, а все какъ-то... страшно это въ XX в. До чего мы дошли! До чего упали, если „созрѣвающій философъ“ можетъ найти людей, одинаково съ нимъ мыслящихъ и „творящихъ“!

На послѣдокъ укажу на его высокое о себѣ мнѣніе. Его судьба, съ тѣхъ поръ, какъ *я* началъ просматривать его „издѣлія“, истинно печальна. Что онъ ни напишетъ—сейчасъ же появляются его изобличенія или въ выдумкахъ, или въ непониманіи элементарныхъ понятій о томъ вопросѣ, въ которомъ онъ намѣчаетъ легкимъ пунктиромъ тему большихъ размышленій“, какъ напримѣръ, объ о. Матвѣѣ. Это вполнѣ понятно, что ясно изъ признанія самого г. Розанова въ № 9281 „Новаго Времени“, которое необходимо снабдить примѣчаніями.

„На Новый годъ“, начинаетъ г. Розановъ, „мнѣ хотѣлось помечтать о будущемъ,—помечтать *вслухъ* (!) какъ это присуще, *къ несчастью*, писателю [1]). (?) Чита-

[1]) У „созрѣвающаго философа“ все непонятно, сверхъестественно. До сихъ поръ люди знали, что мечтать „вслухъ“ невоз-

тель вѣрно *улыбнется* или *вознегодуетъ*, услышавъ, что писатели (?) претендуютъ даже на то, что у нихъ все „вслухъ", слѣдовательно публично, слѣдовательно общеизвѣстно" [1]). (Какая глубокая мысль, какое краснорѣчіе!)

А какъ же добрый читатель? *Подумайте-ка о печкѣ, которая вѣчно выстываетъ?* [2]) *Хорошо ли ей?* (!) Посмотрите въ морозную ночь на улицѣ на эти полуоткрытые желѣзные полуцилиндры, съ пылающими внутри дровами. Сколько дрова ни пылаютъ, а такой печкѣ на вѣтру очень холодно (!!). *И писатель никакъ не можетъ согрѣться; потому что онъ вѣчно горитъ* (!!!). *А между тѣмъ писателю, какъ и всякому человѣку, нужна внутренняя собственная теплота* и нужна на одинаковомъ градусѣ температуры, *какъ и каждому смертному* (!!!!) [3]). Между тѣмъ черезъ печатное, публичное слово онъ вѣчно выхолаживается, температура его падаетъ, и вотъ отчего писатель такъ часто похожъ на больного человѣка [4]). Чтобы провѣрить это, попробуйте

можно, такъ какъ мечта понималась какъ сосредоточеніе ума на какой-нибудь идеѣ, овладѣвающей человѣкомъ настолько, что она преобладаетъ надъ дѣйствительностью, которая даже мелочью лишаетъ его возможности углубиться въ духовный міръ, почему онъ ищетъ полнаго уединенія, чтобы ничто не отвлекало его отъ овладѣвшей имъ идеи, а г. Розановъ, мечтая, громко декламируетъ свои мечты! Удивительно!

[1]) Г. Розановъ, видимо сознавая непонятность, сверхъестественность мечты „вслухъ"! Интересно, какъ онъ объяснитъ свой прогрессъ въ этомъ отношеніи. Очень это интересно.

[2]) Смѣю увѣрить читателя, что я пишу безъ малѣйшаго пропуска, оставляя даже вопросительный знакъ.

[3]) Болѣе восклицательныхъ знаковъ не буду ставить, такъ какъ они скоро дойдутъ до безчисленнаго количества. Довольно.

[4]) Вотъ какое разочарованіе насъ постигло относительно разъясненія возможности мечтать „вслухъ"! Я сначала думалъ, что читатель „улыбнется или вознегодуетъ" „на промахъ философа", который сейчасъ насъ одолжитъ такими туманными изреченіями, которыя все смѣшаютъ и изъ которыхъ мы не увидимъ свѣта, а оказывается, что это нужно для сравненія писателя *съ печью*, которой *холодно*, несмотря на пылающіе внутри дрова, и которая надо заключить изъ словъ „философа" такъ же, какъ и писатель,

добрый читатель (какая нѣжность!), хоть одну недѣльку начать *говорить въ удвоенной, въ утроенной пропорціи* противъ обыкновеннаго. (Сама мудрость вѣщаетъ!) Сперва какъ будто очень хорошо: *васъ всѣ слушаютъ, всѣ о васъ говорятъ, вы на виду у всѣхъ*, и *по крайней мѣрѣ самолюбіе чрезвычайно удовлетворено* [1]). Но уже черезъ нѣсколько дней вамъ станетъ хуже: въ душѣ утомленіе, *а самолюбіе* больше *не реагируетъ на возбужденіе*. Наконецъ къ концу недѣли вамъ будетъ совсѣмъ скверно. Чортъ знаетъ, о чемъ говорить [2]). *А всѣ слушаютъ. Вы почувствуете себя неловко и растерянно* [3]). Вы будете *напрягать умъ, о чемъ бы сказать*, станете взглядывать

кажется больной. Это сопоставленіе „мечты велухъ“ съ печью, „писателемъ“ и великимъ человѣкомъ вполнѣ естественно, понятно и верхъ „философскаго умозаключенія“. Надо сознаться, что не только такой „писатель“ кажется больнымъ, но онъ дѣйствительно опасно боленъ, и надо удивляться, что и окружающіе его также больны, такой же болѣзнью, такъ какъ не замѣчаютъ состоянія писателя и своего. Конечно, „философъ“ не могъ не поздорить насъ глубокими истинами, что писателю нужна внутренняя собственная теплота, какъ и каждому человѣку, что г. Розановъ прибавилъ, чтобы показать, что хотя „писатель“ и бываетъ иногда печкой, но въ сущности онъ человѣкъ; что печкѣ холодно, а для ея согрѣванія ничего не принимаютъ; что „писатель“ не можетъ согрѣться, *потому, что онъ вѣчно горитъ* — умозаключеніе тоже „философское“ и т. д. Поразительно! А какое „художество слова“ въ вѣщаніи „философа“! Замѣчаете ли! Я положительно скоро сдѣлаюсь сторонникомъ „словеснаго искусства“. Его вліяніе велико!

[1]) Досадно, что „философъ“ не сообщаетъ, *какъ* его слушаютъ, *что* говорятъ, на *какомъ* виду онъ у всѣхъ. Онъ не допускаетъ мысли, что о немъ говорятъ всѣ, кромѣ Гоголевскихъ Петрушекъ, то же самое, что говорится на этихъ страницахъ, ахъ, этотъ Розановъ! Стоитъ ли о немъ говорить!“ постоянно слышишь.

[2]) Не правда ли, такія же наивныя признанія у „философа“, какъ и у г. Ник. Энгельгардта! Вѣдный! Какъ ему тяжела его должности! Такое признаніе надо записать на скрижаляхъ „Новаго Времени“. У талантовъ писать потребность, удовольствіе, успокоеніе, жизнь, а г. Розанову пытка, которой подвергаютъ его всѣ, потому что слушаютъ, ждутъ его вѣщаній.

[3]) Положеніе „философа“ затруднительно! Онъ сознаетъ свою великую миссію. Похвально...

по сторонамъ (вотъ что значитъ не быть спеціалистомъ!), нѣтъ ли какихъ случаевъ и событій, чтобы поговорить о нихъ. *Но случаи позадержались.* Чортъ знаетъ мы въ какомъ-то *болотѣ* живемъ. *Исторія не движется. Всѣ спятъ.* Между тѣмъ никто не спитъ, а это только *говорунъ усталъ говорить.*

Г. Розановъ „*говорунъ*“. Это чистосердечное признаніе многозначительно!

Этого признанія достаточно для размышляющаго читателя, чтобы не предъявлять къ „созрѣвающему философу“ никакихъ требованій, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ предъявляться со стороны только исключительныхъ субъектовъ, какъ къ „говоруну“. Согласитесь сами. Человѣкъ, пишущій потому только, что его, *будто бы*, слушаютъ, ждутъ его вѣщаній, когда у него нѣтъ въ головѣ ни одной мысли, когда онъ „выхолодился“ весь, когда онъ боленъ и „самолюбіе не реагируетъ на *возбужденіе*“ и не можетъ дать другихъ образовъ его „говора“, кромѣ тѣхъ, которыми онъ обогащаетъ „Новое Время“. Оттого, что онъ не „наговорить“,— сейчасъ же докажутъ, что онъ все выдумалъ, что онъ не имѣетъ даже самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по тѣмъ вопросамъ, по которымъ думаетъ, что составляетъ свои рѣшенія.

Чтобы доказать въ томъ же изданіи „Сословное ли только безвкусіе“, что римско-византійская *система мышленія* такова, „что кто поработалъ надъ этой системой, станетъ чрезвычайно методиченъ въ умѣ и остороженъ въ мышленіяхъ, рѣшеніяхъ“, такъ какъ „тутъ невозможно ничего отъ себя и ума своего рѣшить и въ то же время нельзя и усвоить безъ очень тонкаго ума“, что я приводилъ выше, „созрѣвающій философъ“ приводитъ анекдотъ о профессорѣ, готовившемся держать экзаменъ на степень доктора и жившемъ на одной квартирѣ съ бакалавромъ академіи - монахомъ. Про-

фессоръ задавалъ, будто бы, бакалавру, который долженъ былъ получить санъ архіерея (и получилъ его), вопросы объ *неповѣрованіи той или другой истины*, на которые будущій архіерей отвѣчалъ, будто бы, только *ересью* (!). Вѣдь только одинъ „созрѣвающій философъ“ можетъ отлить такую пулю, когда онъ весь „выхолодился“, когда самолюбіе не реагируетъ на возбужденіе“. „Онъ пишетъ не потому, чтобы онъ зналъ что-нибудь, а потому что „самолюбіе реагируетъ на возбужденіе!“ Что же можно сказать на основаніи какого-то „возбужденія?“ Отчего у него это „возбужденіе“, каково это „возбужденіе?“ Въ больницѣ душевныхъ больныхъ вы найдете такихъ субъектовъ, которые пишутъ на основанія своего возбужденія!

На другой же день въ № 9271 „Новаго Времени“ г. С. Рыкевичъ доказалъ, что г. Розановъ ничего не знаетъ о томъ, о чемъ „вѣщаетъ“.

„Въ анекдотѣ о бакалаврѣ, очевидно, все выдумано, говоритъ г. С. Рыкевичъ: и экзаменовъ нѣтъ въ академіи на степень доктора и профессоръ Болотовъ [1]) никогда не жилъ съ академическимъ бакалавромъ-монахомъ на одной квартирѣ, и даже въ академіи нѣтъ бакалавра [2]). Самый анекдотъ настолько *опредѣленнаго качества*, что не требуетъ опроверженія для читателей, *не имѣющихъ привычки шутливо относиться къ вопросамъ серьезнымъ*“.

Въ томъ же „издѣліи“, въ подтвержденіе вышеприведенныхъ словъ „созрѣвающій философъ“ вѣщаетъ:

„Спро-халдеевъ возсоединяетъ съ православіемъ, въ сущности, профессоръ; даже „*власти*“ *только присутствуютъ*. Если что-нибудь надо отвѣтить лютеранамъ, католикамъ, англиканамъ, то опять объ этомъ спро-

[1]) Г. С. Рыкевичъ говоритъ: „ни для кого, конечно, не секретъ, что упоминаемый профессоръ—В. В. Болотовъ“

[2]) Степень бакалавра, введена во Франціи, существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, вѣроятно, и въ Англіи.

сять во всякомъ случаѣ очень ученаго профессора". Знаете ли почему? „Академики не могутъ горячиться: *они переступаютъ съ ноги на ногу, какъ лошадь съ занозой!*"

Какъ вамъ это понравится? Это дѣйствительно больное возбужденіе. Даже и лошадь съ занозой, должно быть, въ копытѣ!

Вотъ вамъ до чего доводитъ больное возбужденіе! Профессора духовной академіи всѣ свои знанія хранятъ про себя, не дѣлясь со слушателями въ академіи нарочно, чтобы самимъ и сиро-халдеевъ присоединять и власти призывать для виду, для обстановки, отчего эти власти, окончивъ академію, не могутъ ничего отъ себя и своего ума рѣшить. Если нужно что отвѣтить или кого присоединить, или явится какой-нибудь вопросъ, власти, прошедшія курсъ академіи, сейчасъ къ профессору съ просьбой, — разрѣши намъ вопросъ, научи насъ! Только какъ же это сами-то профессора учатся въ духовной академіи? У кого они почерпаютъ свои знанія?

Г. С. Рынкевичъ говоритъ:

„Кто подробно *знакомъ съ этимъ дѣломъ*, тотъ хорошо знаетъ, что выработка акта возсоединенія сиро-халдеевъ была *плодомъ долгихъ, коллективныхъ занятій нашихъ* іерарховъ", (*на которыхъ именно надѣтъ „футляръ образованія*"), а участіе профессора Болотова *ограничивалось ролью докладчика историческихъ справокъ* при *самомъ завершеніи дѣла, и ролью переводчика*". Г. С. Рынкевичъ указываетъ и іерарховъ, совершившихъ „чинъ воспріятія".

Безъ профессора Болотова нельзя было обойтись, потому что сиро-халдеи не *говорили по-русски*.

„Но все участіе Болотова касалось только подробной разработки условій и формы присоединенія. *Въ составленіи „исповѣданія православія" не было надобности, такъ какъ оно существуетъ со времени вселенскихъ соборовъ*".

А нашъ „философъ-то" что вѣщаетъ? Будущій архіерей *не зналъ истинъ исповѣданія* и на всѣ вопросы отвѣчалъ *ересью!*

„А въ исповѣданіи православія наша церковь крѣпка и безъ профессора Болотова", такъ заканчиваетъ свое изобличеніе нашего „мудреца" г. С. Рыкевичъ.

Въ доказательство, что духовное сословіе негодно, „паралично", не можетъ ничего „отъ себя и ума своего рѣшить" и т. д., г. Розановъ говоритъ о флорентійскомъ соборѣ, когда

„еще крики совѣсти не проходили въ ночныхъ слезахъ, и выносились на улицу. И рѣшеніе собора русскою совѣстью было брошено подъ ноги [1]). *Ибо Русь была безъ академій*, была народъ и царь, была схимники и правдолюбцы. Въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ, когда началось *ученое сохраненіе вѣры* (!), Россія никакихъ бы силъ и никакой возможности не имѣла пойти противъ *формально-правильныхъ* флорентійскихъ постановленій".

Въ этомъ виноватъ, по мнѣнію г. Розанова, „футляръ образованія!"

Хотя бы справился „философъ" о томъ, что, помимо его знанія, сознанія, воспроизводитъ его перо!

На флорентійскомъ соборѣ со стороны Россіи былъ *митрополитъ Исидоръ, который принялъ условія*, но они были *отвергнуты* Василіемъ Темнымъ.

Въ № 9272 „Новаго Времени" г. Скальковскій, приведя слова г. Розанова о „русской совѣсти, бросившей рѣшеніе собора подъ ноги, такъ какъ Русь была—народъ и царь", спрашиваетъ:

[1]) Вотъ опять доказательство, что „философія" г. Розанова основывается на такихъ выраженіяхъ, которыя только ему свойственны и благодаря которымъ его провозглашаютъ хотя и „созрѣвающимъ", но все же „философомъ". Стремленіе такъ писать, — прямое доказательство, что „философія" г. Розанова вся основывается на неясности мысли, непониманіи, что не позволяетъ ясно, литературно выражаться. Надо быть больнымъ, чтобы считать подобный языкъ за философію. Что это за языкъ!

„Какой же царь былъ во время флорентійскаго собора? *Извѣстно*, что *рѣшеніе его было отвергнуто* великимъ княземъ Василіемъ Темнымъ".

Я полагаю, этого достоточно.

Сослался нашъ „философъ" на Апостольскія постановленія и сейчасъ же петербургскій профессоръ Бронзовъ доказалъ его невѣдѣніе. Этого онъ не ожидалъ и въ № 9345 „Новаго Времени" препанвно спрашиваетъ, „кому же вѣрить — Петербургу или Москвѣ", и указалъ на профессора московской духовной академіи Заозерскаго, какъ будто, давшаго данныя г. Розанову считать себя правымъ. Оказывается, что г. Розановъ читалъ да ничего не узналъ. Отвѣтъ Заозерскаго я пропустилъ, но вотъ что отвѣтилъ редакторъ „Богословскаго Вѣстника", профессоръ Ап. Спасскій, въ № 9349 „Новаго Времени". Сказавъ о найденомъ г. Розановымъ противорѣчіи между московскимъ и петербургскимъ профессорами о происхожденіи Апостольскихъ постановленій, профессоръ Ан. Спасскій говоритъ:

„Смѣемъ увѣрить читателей вашего изданія, что *это противорѣчіе существуетъ только въ представленіи* В. В. Розанова. Профессоръ Заозерскій совершенно согласенъ съ выводами новѣйшей науки о времени происхожденія Апостольскихъ постановленій, относя появленіе существующей ихъ редакціи *такъ же, какъ и профессоръ Бронзовъ*, къ половинѣ или къ концу IV вѣка, что и *установлено было имъ въ особомъ изслѣдованіи* „Историческое обозрѣніе источниковъ права Православной Церкви", изданномъ еще въ 1891 г." (стр. 33—110).

Заканчивается письмо слѣдующими словами:

„Если же въ самой статьѣ не указано ни на время происхожденія памятника (т.-е. Апостольскихъ постановленій), ни на научное значеніе его, то это объясняется тѣмъ, что *академическій журналъ разсчитанъ на читателей, не нуждающихся въ столь элементарныхъ разъясненіяхъ*".

Теперь, я полагаю, достаточно данныхъ, чтобы по-

благодарить г. Розанова за его чистосердечное признаніе въ „пздѣліи“: „Гдѣ было хорошо на Новый годъ“ относительно утомленія, черезъ немного дней „говора“ „писателя“, самолюбіе котораго больше не реагируетъ на *возбужденіе* „говоруна“. У г. Розанова то же „единство смѣси“, да еще какой смѣси!

И послѣ всего вышеизложеннаго г. Розановъ, не знающій, о чемъ писать, навѣрное, будетъ также воображать, что „всѣ его слушаютъ“, и ему „пельзя не писать, хотя говорунъ усталъ говорить“ (!).

Вотъ какъ относился Н. А. Добролюбовъ къ такимъ авторамъ, которые высказываютъ свои мнѣнія, не приводя фактовъ.

За границей въ 1859 г. вышла книга „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи“. По поводу этой книги появились „Мысли свѣтскаго человѣка“. Авторъ судитъ о ней, не приводя никакихъ данныхъ, и вотъ что говоритъ Н. А. Добролюбовъ по поводу такого отношенія.

„Странно намъ кажется, что Свѣтскій человѣкъ, столь чуждый, какъ видно, духовнымъ занятіямъ *первый и одинъ* (курс. автора) принялъ на себя обязанность опровергать автора, который *не только не можетъ защищаться, но даже не можетъ быть безпристрастно судимъ читателями* „мыслей“, потому что онъ и его книга никому неизвѣстны. Еще страннѣе показался намъ тонъ, принятый Свѣтскимъ человѣкомъ. Каждая страница брошюры наполнена бранью. И все это *безъ всякихъ доказательствъ, безъ всякой заботы о подтвержденіи фактами* своихъ собственныхъ мнѣній и подробными выписками - своихъ строгихъ сужденій о книгѣ неизвѣстнаго автора“ [1]).

„Какой дурной оборотъ для самого дѣла можетъ произойти отъ того, когда его начинаетъ защищать человѣкъ малосвѣдущій и *не проникнутый началами дѣйствительнаго добра и истины*. Благое намѣреніе мо-

[1]) Н. А. Добролюбовъ, т. II, стр. 558.

жетъ осуществиться не вполнѣ хорошо, если силы человѣка слабы для его выполненія, но оно можетъ получить совершенно превратный смыслъ и характеръ, когда, при выполненіи его, человѣкъ водится личной раздражительностью, поверхностнымъ пониманіемъ дѣла и разными исключительными пристрастіями".

Взглядъ Н. А. Добролюбова, согласный со взглядомъ Н. Г. Чернышевскаго, на духовное сословіе, выразился въ его статьѣ: „Заграничныя препія о положеніи русскаго духовенства" [1]). Онъ понималъ его недостатки, достоинства, потребности и находилъ необходимымъ допустить полную гласность, доказывая, что недопущеніе ея неосновательно, вредно.

Онъ говоритъ: „Что касается до личныхъ недостатковъ духовныхъ служителей, то, здѣсь, кажется, нужно бы дать уже полную свободу *печатать все, что угодно, безъ всякаго ограниченія* и при томъ съ *тѣмъ большей смѣлостью, чѣмъ выше стоитъ духовное лицо*, о которомъ пишутъ. Пусть будетъ и ложь печататься—бѣды нѣтъ; служитель Церкви — не чиновникъ, котораго дѣятельность теряется въ сотнѣ другихъ подобныхъ. На священника устремлены взгляды цѣлаго прихода, — нѣсколькихъ сотенъ, иногда и тысячъ человѣкъ. Ложь о немъ, не подъ рукою пущенная и коварно разнесенная шопотомъ, а гласная, напечатанная — всегда вызоветъ опроверженіе, и истина явится послѣ нея еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ. Недопущенная въ печать ложь все-таки останется и, затаившись гдѣ-нибудь въ темнотѣ, станетъ оттуда поражать честнаго дѣятеля сплетнями и клеветами, которыхъ даже и опровергнуть нельзя, потому что онѣ неуловимы, а какъ же бороться съ неуловимымъ? Не все же клеветники и злодѣи между людьми пишущими: найдутся и такіе, которые напишутъ чистую правду, изъ искренняго желанія добра. Зачѣмъ же ихъ подводить подъ общую мѣрку и не давать ихъ замѣчаніямъ гласности? Неужели въ духовномъ сословіи должны мы подозрѣвать боязнь огласки, опасеніе открыть передъ людьми свои недостатки? Это было бы слишкомъ печально!..

[1]) Н. А. Добролюбовъ, т. III, стр. 237—255.

Уступая силѣ общаго направленія, мірскіе люди всѣхъ вѣдомствъ и всѣхъ состояній подвергли себя публичному обличенію и не считаютъ преступниками тѣхъ, кто всенародно и печатно раскрываетъ ихъ недостатки. А духовенство должно бы, кажется, подавать примѣръ смиренномудрія: оно должно бы болѣе всѣхъ другихъ сословій сохранить память о первоначальномъ христіанскомъ обществѣ, въ которомъ существовала открытая, всеобщая исповѣдь; оно должно постоянно помнить примѣръ первоверховнаго Апостола Павла, который, не убоясь никакихъ послѣдствій, передъ лицомъ новообращенныхъ обличилъ Петра въ слабости и двоедушіи за то, что тотъ неодинаково велъ себя въ глазахъ христіанъ изъ язычниковъ и христіанъ изъ евреевъ. И между тѣмъ, что же мы видимъ? Всѣ подпялись на самообличеніе, всѣ стремятся заявить истину о своей жизни и обстановкѣ своего быта; одно духовенство не только молчитъ, но еще смотритъ съ непріязнью и подозрѣніемъ на всякую постороннюю попытку въ этомъ родѣ... Достойно ли это истинныхъ пастырей Церкви, которые должны подавать свѣтскимъ людямъ примѣръ самоотверженія, смиренія и любви къ правдѣ“ [1]).

„Пусть не боятся духовные, что подобнымъ обсужденіемъ можетъ быть унижено достоинство православной Церкви. Напротивъ, ничѣмъ оно столько не ослабляется, какъ постояннымъ молчаніемъ о духовномъ сословіи, постояннымъ отчужденіемъ его отъ того движенія, которое совершается въ литературѣ. Образованное общество, съ одной стороны видя недостатки, *неизбѣжно существующіе* въ духовенствѣ, а съ другой замѣчая, что всѣ молчатъ о нихъ, между тѣмъ какъ громко говорятъ о всемъ другомъ,—общество имѣетъ полное право думать, что духовенство само враждебно всякому исправленію и усовершенствованію, нетерпимо ко всякому постороннему мнѣнію и желаетъ навсегда остаться при тѣхъ порядкахъ, какіе у него существуютъ нынѣ... Такое мнѣніе сдѣлалось теперь почти повсемѣстнымъ въ обществѣ, и духовенство не иначе можетъ измѣнить его, *какъ дозволеніе* ей *свободно и гласно*

[1] Т. II, стр. 242.

обсуждать его опыты и даже нѣкоторыя условія теперешней организаціи судовнаго вѣдомства“ [1]).

Статья написана, какъ будто сегодня!

Эти строки—лучшее опроверженіе всего, что говорятъ о семинаристахъ, да еще такихъ, какъ Н. А. Добролюбовъ, Н. Г. Чернышевскій, гг. Ник. Энгельгардтъ, Розановъ и имъ подобные! Эти строки самое краснорѣчивое изобличеніе и осужденіе ихъ!

Мы видимъ, насколько упала наша литература въ настоящее время, когда можно печатать все, что взбредетъ въ голову—безъ всякаго знанія, даже безъ размышленія, все извращая, сѣя кругомъ мракъ. Ложь, чепуха проповѣдуется безъ малѣйшей застѣнчивости. Это явленіе крайне удручающее всякаго, кто не ставитъ единственной цѣлью своего существованія — преслѣдованіе только матеріальныхъ интересовъ, не разбирая средствъ,—вызываетъ серьезное обсужденіе и обязываетъ его уничтожать, насколько хватитъ силъ, такъ какъ проповѣдуемая ложь и чепуха по всѣмъ вопросамъ распространяетъ *одно невѣжество, развращаетъ народъ.*

Напрасно думаютъ, что ложь, чепуха, невѣжество, ограниченность, проявляющаяся въ литературномъ произведеніи— не опасны, такъ какъ авторъ такихъ произведеній самъ себя побиваетъ постоянно. Это мнѣніе справедливо для очень ограниченнаго меньшинства умныхъ, образованныхъ людей, но не для массы, которая, какъ теперь извѣстно, ищетъ въ газетахъ разрѣшенія занимающихъ, интересующихъ ее вопросовъ, даже *надѣется почерпнуть изъ газетъ знанія*, не имѣя возможности читать книги. Къ какому же состоянію приведутъ массу органы печати, распространяющіе превратныя идеи? Зараза, распространяемая такими органами печати, ока-

---

[1]) Т. II, стр. 255

зываетъ свое дѣйствіе даже на людей, которые у насъ считаются интеллигентными, на людей пишущихъ въ газетахъ. Вотъ факты.

Вспомните, какъ аплодировала въ Москвѣ публика еврею Волынскому, имѣвшему дерзость бросить оскорбленіе всему русскому народу, издѣваясь надъ дорогими ему писателями. Я увѣренъ, что, между аплодировавшими ему, были не только его единовѣрцы, но и русскіе, которые, можетъ быть, даже кутнули по случаю издѣвательства еврея надъ всѣми выдающимися русскими людьми. Волынскій не остановился даже передъ въ высшей степени неприличнымъ, грубымъ, дикимъ *оскорбленіемъ* Л. Н. Толстого. Какое *презрѣніе* выказалъ этотъ еврей не только къ собравшейся его слушать толпѣ, но и ко всему русскому народу, и *толпа, за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства, даже не поняла этого*, давши ему возможность продолжать его издѣвательства! Нигдѣ ничего подобнаго тому, что позволилъ себѣ Волынскій, не могло произойти. Нигдѣ никто не могъ бы даже подумать о чемъ-либо подобномъ! Вспомните, какъ въ той же Москвѣ готовы были забросать Л. Н Толстого грязью и камнями, если бы онъ былъ между собравшимися!

По слѣдамъ Волынскаго пошелъ г. Ник. Энгельгардтъ, затѣмъ Розановъ. „Издѣліе"—„Утилитаризмъ въ искусствѣ" заразило какого-то Нв. Кл., который, на другой же день, въ № 9254 „Новаго времени", назвавшись критикомъ, приводитъ свой разговоръ съ читателемъ, съ которымъ говоритъ какъ съ малымъ ребенкомъ, съ высоты своего величія. Этотъ „критикъ" утверждаетъ, что критика свою задачу *сдѣлала уже* въ шестидесятыхъ годахъ, что тогда были: вопросъ женскій,

...даже вопросище былъ „Темное царство", открытое Островскимъ (!), а теперь задача критики *указать*, „*насколько художественно, насколько нѣтъ* такое-то произве-

дѣніе, а вопросы истины, справедливости *ушли отъ ея компетенціи*. На это есть соціологія... Политическая экономія... пожалуй, исторія"... „О вопросахъ свободы или не свободы совѣсти будетъ не критика говорить, а философія, богословіе und so weiter".

„*Не широкихъ задачъ* требуйте отъ критики, а *маленькихъ, но важныхъ*. Эти задачи—заботиться о *чистотѣ* русскаго языка. Если критика выполнитъ эту задачу, она не даромъ *занимала свое мѣсто*".

И этотъ г. Нв. Кл. одной школы съ гг. Ник. Энгельгардтомъ и Розановымъ. Онъ точно также не знаетъ, что такое критика, какое ея назначеніе, какое ея вліяніе на просвѣщеніе. Манія таже—„художественность", о которой у нихъ ни у кого нѣтъ понятія, что сейчасъ же каждый изъ нихъ и доказываетъ, *не замѣчая даже этого*,—вотъ вѣдь знаменательные факты!

Этотъ г. Нв. Кл. пишетъ слѣдующее для *доказательства богатства русскаго языка, его красоты, необходимости сохраненія его чистоты:*

„*Зеленаго поросенка можно увидать, оранжевую лошадь во снѣ увидишь, а диму критика и во снѣ не видалъ*".

„Намѣтили вопросикъ и разрабатываете его, *а я и носъ повѣсилъ на гвоздь вниманія*".

„*Умъ выше лба не растутъ, самъ черезъ себя не не перескочишь*".

„*Другая дама такъ отгородитъ М. Горькаго, что и троимъ мужчинамъ въ пору*".

Все „издѣліе" написано такимъ „художественнымъ" языкомъ, съ такимъ же знаніемъ, пониманіемъ, какое мы видѣли.

Въ какомъ обществѣ вращается г. Нв. Кл.? Гдѣ онъ научился такимъ выраженіямъ?

Этотъ же г. Нв. Кл. утверждаетъ, что и роману конецъ приходитъ. Не помню, сколько еще лѣтъ онъ допускаетъ его существованіе.

А. г. завѣдующій отдѣломъ „среди газетъ и журналовъ" въ „Новомъ Времени", дѣлающій мудрыя заключенія подъ выносками или вырѣзками, выступилъ на

защиту лубочной литературы, заразившись отъ г. Ник. Энгельгардта.

Вотъ что онъ пишетъ въ № 9288 „Новаго Времени" въ предисловіи къ словамъ г-жи Балабановой:

„Бѣдный Милордъ Аглицкій и другія лубочныя сочиненія издавна служатъ у насъ мишенью самыхъ язвительныхъ нападокъ [1]). Г-жа Балабанова въ „Спб. Вѣд." выступаетъ съ защитой лубочной литературы, которая, какъ никакъ, а *развиваетъ любовь къ чтенію* и къ тому же, являясь передѣлкой старыхъ рыцарскихъ романовъ, *можетъ быть признана самой нравственной*, такъ какъ всегда караетъ порокъ и вѣнчаетъ добродѣтель. А *что значитъ любовь къ чтенію*, г. Балабанова *доказываетъ сравненіемъ интеллигентной молодежи прежней и молодежи нынѣшней*".

Защита лубочной литературы считается настолько серьезной, что даже посвящается вступленіе!

А вотъ и слова г-жи Балабановой:

„Въ помѣщичьихъ усадьбахъ кабинеты и чердаки (особенно чердаки) бывали завалены книгами *всякаго рода*, и дѣти *черпали изъ этихъ сокровищъ все, что имъ попадалось*. (!) Въ школу мы являлись (слушайте!) съ большимъ запасомъ, правда, *безтолковымъ* и *безпорядочнымъ*, но этотъ матеріалъ легко *поддавался организаціи*, распредѣленію: школа поддерживала любовь къ чтенію, хотя сама, можетъ быть, *плохо* учила (!)

„Все это *правда, горькая* правда", заключаетъ представитель отдѣла „среди газетъ и журналовъ". „*И потому-то у насъ много спеціалистовъ, но мало людей образованныхъ*" (!!)

Вотъ до какого паденія „дошло русское общество".

Не помню, въ какомъ номерѣ „Новаго Времени" завѣдующій отдѣломъ „среди газетъ и журналовъ" заявилъ, что вышло недоразумѣніе относительно лубочной литературы съ г-жей Балабановой.

Что бы у него ни вышло,—*фактъ защиты лубочной*

---

[1]) Г. Буренинъ только что наканунѣ произнесъ свой приговоръ этой литературѣ въ № 9287. (!!)

литературы въ самой распространенной газетѣ останется навсегда!

Въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ“ было сказано, что въ „Журналѣ для всѣхъ“ литературный ветеранъ г. М. А. Антоновичъ помѣстилъ свои воспоминанія о Добролюбовѣ и приведено изъ этихъ воспоминаній только одно: Тургеневъ называлъ Добролюбова—змѣей, а Чернышевскаго очковою змѣей! Воспоминанія же г. М. Антоновича написаны съ такой теплотой, такимъ уваженіемъ, сознаніемъ неизмѣримаго превосходства Н. А. Добролюбова надъ Тургеневымъ и другими корифеями во всѣхъ отношеніяхъ, что человѣкъ, *уважающій истину*, не желающій извращать ее съ цѣлью, никогда не вырвалъ бы фразы другого, которая можетъ быть понятна *превратно*!

Ради истины приведу факты.

Г. М. А. Антоновичъ ошибся, по свидѣтельству Н. Г. Чернышевскаго, который сообщаетъ слѣдующее:

„Это было на первомъ литературномъ чтеніи въ пользу „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“. Члены комитета этого общества и лица, участвовавшіе въ чтеніи, собрались въ галлереяхъ, окружающихъ залу пассажа, гдѣ происходило чтеніе. Въ одной изъ нихъ случилось какъ-то остаться троимъ или четверымъ изъ насъ, въ томъ числѣ г. Тургеневу и мнѣ. Онъ былъ тогда недоволенъ одною изъ статей Добролюбова и въ заключеніе спора со мною о ней сказалъ: „васъ я могу переносить, а Добролюбова не могу“. Это оттого,—сказалъ я,—что Добролюбовъ умнѣе и взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже“.—„Да,—отвѣчалъ онъ съ добродушной шутливостью, которая очень привлекательна въ немъ,—да, вы—просто змѣя, а Добролюбовъ—очковая змѣя“ [1]).

[1]) „Современникъ“ 1862 г. № 2. „Въ изъявленіе признательности“, письмо г. З—ну.

Тургеневъ былъ золъ на Н. А. Добролюбова за разборъ его повѣсти „Наканунѣ". Насколько Н. А. Добролюбовъ былъ скроменъ, настолько Тургеневъ былъ кичливъ своимъ величіемъ. Это былъ типъ изпѣженнаго барича, для котораго всѣ люди, не записанные въ родословныя книги, лишенные власти, богатства, титула —были ничтожествомъ, къ которому онъ только снисходилъ. Это былъ сибаритъ, отчасти Обломовъ, обожавшій только себя до встрѣчи съ Віардо. Онъ не могъ перепести, что „семинаристъ" судитъ о его произведеніи какъ и о всѣхъ прочихъ, нисколько не придавая значенія, что это созданіе его, Тургенева.

Разборъ повѣсти „Наканунѣ" былъ вполнѣ безпристрастный, честный, какъ и все, что писалъ Н. А. Добролюбовъ. Тургеневъ признавался истиннымъ художникомъ, угадывавшимъ новыя потребности, новыя идеи, вносимыя въ общественное сознаніе и въ своихъ произведеніяхъ, обращавшимъ вниманіе на вопросъ, стоявшій на очереди и уже смутно начинавшій волновать общество. Всѣ его достоинства были указаны и всякій другой былъ бы очень доволенъ, сознавъ справедливость всего написаннаго, но Тургеневъ не могъ простить такой критики:

„Но читатели наши знаютъ, что талантъ г. Тургенева *не изъ тѣхъ титаническихъ талантовъ*, которые единственно силою *поэтическаго* представленія, поражаютъ, захватываютъ васъ и влекутъ къ сочувствію такому явленію или идеѣ, которымъ мы вовсе не расположены сочувствовать. *Не бурная, порывистая сила*, а напротивъ, мягкость и какая-то *поэтическая умѣренность* служатъ характеристическими чертами его таланта. Поэтому *мы полагаемъ, что онъ не могъ бы вызвать общую симпатію публики*, если бы касался вопросовъ и потребностей, *совершенно чуждыхъ его читателямъ или еще не возбудившихъ въ обществѣ*" т. III, стр. 259.

Тургеневъ [illegible] чтобы [illegible], а не видѣлъ въ немъ то, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствитель-

ности. И кто такъ смѣетъ писать о немъ? Бывшій семинаристъ, мальчишка [1])! Тогда еще всѣ были крѣпостниками и титулованнаго негодяя, какъ и въ настоящее время, принимали и поддерживали съ нимъ отношенія, а на честнаго, ученаго, необычайно умнаго труженика, просвѣщавшаго людей, не записаннаго въ родословную книгу, смотрѣли съ пренебреженіемъ, *снисходили къ нему*, хотя онъ былъ неизмѣримо выше ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Изъ того, что говоритъ г. М. Антоновичъ, по поводу сказанныхъ Тургеневымъ словъ, размышляющій читатель составитъ мнѣніе о томъ же желаніи дать превратное мнѣніе о Н. А. Добролюбовѣ и Н. Г. Чернышевскомъ завѣдующимъ отдѣломъ „среди газетъ и журналовъ", которое проявили гг. Ник. Энгельгардтъ и Розановъ, и познакомится еще болѣе съ личностью Н. А. Добролюбова.

„Въ глазахъ Чернышевскаго еще болѣе рѣзкимъ выраженіемъ строгости и нелицепріятія Добролюбова было его отношеніе къ корифеямъ и ветеранамъ литературы. „Вы бы посмотрѣли, — говорилъ онъ,—какъ Добролюбовъ сдержанъ, холоденъ, даже суровъ съ ними. Съ милѣйшимъ, мягчайшимъ и утонченнѣйшимъ Тургеневымъ или съ добрѣйшимъ Кавелинымъ онъ не стѣсняется и не смущается, и рѣжетъ имъ свое А съ другими столь же почтенными и заслуженными литераторами обращается еще дерзновеннѣе".

— „Слѣдуетъ замѣтить при этомъ въ скобкахъ, что, несмотря на то, что Чернышевскій, при личныхъ сношеніяхъ съ литературными корифеями и авторитетами, былъ съ ними внимателенъ, почтителенъ и любезенъ, они однако не любили его еще больше, чѣмъ Добролюбова. Тургеневу, напр., въ то время приписывали такую фразу: „Добролюбовъ — просто змѣя, а Чернышевскій — ядовитая гремучая змѣя". Но то совершенная правда, что Добролюбовъ очень не жаловалъ нѣкоторыхъ

[1]) Н. А. Добролюбову было 24 года.

литературныхъ корифеевъ и такъ называемыхъ людей 40-хъ годовъ и вообще всѣхъ и менѣе извѣстныхъ литераторовъ, либеральничавшихъ только языкомъ и перомъ; онъ безжалостно осуждалъ и порицалъ ихъ и всегда говорилъ о нихъ раздраженнымъ тономъ. Въ нихъ видѣлъ, такъ сказать, квинтэссенцію того, что онъ ненавидѣлъ больше всего на свѣтѣ, что считалъ позоромъ и преступленіемъ со стороны всякаго интеллигентнаго и мыслящаго человѣка, а тѣмъ болѣе литератора: прекрасныя мысли, прекрасныя намѣренія, прекрасныя слова и никакого дѣла или даже не прекрасныя дѣла. „И что это за люди, съ досадою, говорилъ онъ, если мысли и намѣренія, лежащія у нихъ въ головѣ или постоянно болтающіяся у нихъ на языкѣ, не оказываютъ на ихъ дѣятельность никакого вліянія, не проявляются въ ихъ дѣйствіяхъ? Это бездушные механизмы, въ которые вставлены красивыя и блестящія погремушки; это деревянные шкафы, въ которыхъ лежатъ книги съ прекраснымъ содержаніемъ, которое не имѣетъ никакого отношенія къ шкафамъ и не оказываетъ на нихъ никакого дѣйствія. Нѣтъ, настоящее, дѣйствительное убѣжденіе и намѣреніе всегда бываетъ сильно и дѣятельно, оно одушевляетъ и охватываетъ всего человѣка, дѣйствуетъ на его чувства, движетъ его волю и служитъ пружиною, управляющею всѣми его дѣйствіями. Осуществленіе на дѣлѣ дѣйствительнаго убѣжденія есть естественная, такъ сказать, инстинктивная потребность, удовлетворить которую убѣжденный человѣкъ стремится съ такою же настойчивостью, съ какою онъ удовлетворяетъ всякую другую естественную потребность. Прекрасныя, но бездѣльныя, платоническія намѣренія столь же неестественны и безплодны, какъ платоническая любовь. Вотъ, напр., Кокоревъ, какими онъ одушевленъ прекрасными намѣреніями и какія либеральныя рѣчи произноситъ,—это тоже убѣжденія? Будучи откупщикомъ,—громитъ откупа, будучи учредителемъ акціонерныхъ обществъ,—громитъ акціонеровъ за то, что они не строго смотрятъ за дѣйствіями своихъ учредителей. Вотъ это полное согласіе между словомъ и дѣломъ. А то есть стихотворцы, которые сочиняютъ и печатаютъ высоконравственныя стихотворенія: воспѣваютъ красоту добродѣтелей и тлѣнность

земныхъ благъ, и въ то самое время занимаются ростовщичествомъ и предаются грязному разврату. Это тоже стихотворное выраженіе убѣжденій?!"

Приведенныя мною слова Н. Г. Чернышевскаго о Н. А. Добролюбовѣ, въ разговорѣ съ Тургеневымъ, указываютъ на безпримѣрное въ литературѣ проявленіе *величія души семинариста*, выразившееся вполнѣ въ письмѣ г. З—ну—„въ изъявленіе признательности".

Я рѣшаюсь сообщить это письмо возможно подробно вслѣдствіе его нравственаго значенія, особенно для настоящаго времени: кто его читалъ и понялъ—тотъ будетъ доволенъ за мою оцѣнку, кто не имѣетъ понятія о немъ,—въ томъ, можетъ быть, оно возбудитъ благородныя чувства, пробудитъ мысль, заставитъ строже относиться къ себѣ и другимъ, послужитъ примѣромъ, создавъ писавшему нерукотворный памятникъ въ сердцахъ, отзывчивыхъ на все честное, возвышенное.

Передъ разставаніемъ съ гг. Николаемъ Энгельгардтомъ и Розановымъ сообщеніе этого письма какъ нельзя лучше покажетъ разницу между ними и семинаристами.

Н. Г. Чернышевскій начинаетъ свое письмо такъ:

„Прочитавъ статью вашу въ январьской книжкѣ „Библіотеки для чтенія" [1]), хотѣлъ я, милостивый государь, просить у васъ свиданія, чтобы въ частномъ разговорѣ раскрыть вамъ глаза на неловкость, сдѣланную вами въ этой статьѣ. Но скоро я передумалъ: вы отличились публично; стало быть публично надобно и показать вамъ, какъ вы отличились".

Уже по этому вступленію видно, что Н. Г. Чернышевскій былъ возмущенъ поступкомъ г. З—на. Что же такое могъ напечатать г. З—нъ?

„Вы имѣете", писалъ Н. Г. Чернышевскій г. З—ну,

[1]) „Библіотека для чтенія". Январь 1862 г.

„на дѣятельность Добролюбова взглядъ, различный отъ нашего: это еще не заставило бы меня входить съ вами въ прeнія: ваше мнѣніе не такъ важно, чтобы кому-нибудь стоило обращать на него вниманіе. Но есть въ вашей статьѣ нѣсколько строкъ, претендующихъ опредѣлить мое отношеніе къ Добролюбову *съ похвальными эпитетами мнѣ.* Вы хотите засвидѣтельствовать для исторіи литературы фактъ, который былъ бы *очень почетенъ для меня; если я оставлю ваши слова безъ отвѣта, то должно показаться, что я безъ возраженій принимаю ихъ за правду. Такую роль я не могу взять на себя*".

„На страницахъ 37 и 39 вашей статьи вы говорите, что въ литературномъ кругу, къ которому принадлежалъ Добролюбовъ, былъ человѣкъ, *болѣе его замѣчательный по дарованіямъ: этого человѣка вы почитаете учителемъ Добролюбова: вы приписываете этому человѣку энергію убѣжденій, гораздо большую той, какую находите въ Добролюбовѣ.* На стр. 34 вы о томъ же человѣкѣ говорите „мы совершенно искренно уважаемъ нѣкоторыхъ изъ друзей покойнаго —бова, въ особенности одного, о лицемѣрномъ непризнаніи заслугъ котораго мы, кажется, первые сказали, что оно переступило мѣру. Очевидно, что вы тутъ упоминаете статью *объ мнѣ*, помѣщенную въ одной изъ осеннихъ книжекъ вашего журнала за прошлый годъ, Очевидно, что подъ человѣкомъ, *который былъ учителемъ Добролюбова, превосходилъ его талантомъ и энергіей, вы разумѣете меня.* Это заставляетъ меня разъяснить вамъ мои отношенія къ развитію образа мыслей Добролюбова, сказать, какъ представляется мнѣ самому отношеніе моихъ силъ къ силамъ его и какая разница дѣйствительно существуетъ, по степени энергіи, между мною и имъ".

Н. Г. Чернышевскій утверждаетъ, что ни онъ и никто изъ писавшихъ по-русски не могъ быть учителемъ Добролюбова, который почерпнулъ знанія и понятія (еще до начала своей литературной дѣятельности) читая книги „общихъ западныхъ великихъ учителей". „Если же даровитый человѣкъ въ рѣшительные годы своего развитія читаетъ книги общихъ западныхъ учи-

телей, то книги и статьи, писанныя по-русски, могутъ ему нравиться, восхищать его", „но ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить важнѣйшимъ источникамъ тѣхъ знаній и понятій, которыя онъ почерпаетъ."

Н. Г. Чернышевскій указалъ, что его статьи не могли имѣть вліянія на Добролюбова „даже въ той, не очень значительной степени, какую могли имѣть статьи Бѣлинскаго", такъ какъ онъ не имѣлъ тогда важнаго вліянія въ литературѣ и „Добролюбовъ сталъ помѣщать свои статьи въ „Современникѣ" съ половины того же 1856 г."

Н. Г. Чернышевскій относится къ З—ну съ величайшимъ презрѣніемъ, указывая на его опрометчивость, несообразительность, недостаточность для него фактовъ, къ которымъ надо прилагать нѣкоторое соображеніе, необходимость для него готовыхъ, пережеванныхъ заключеній, чтобы понять отношенія его къ Добролюбову.

„Вы имѣли въ печати, писалъ Н. Г. Чернышевскій, прямое свидѣтельство о фактѣ, который совершенно опровергаетъ вашу фантазію, будто я былъ учителемъ Добролюбова. Г. Пятковскій напечаталъ въ „Книжномъ Вѣстникѣ" некрологъ Добролюбова, въ которомъ прямо говорилъ, что біографическія свѣдѣнія получилъ отъ меня. Тутъ разсказываетъ онъ, что, когда Добролюбовъ познакомился со мною, его образъ мыслей былъ уже вполнѣ установившійся; стало быть съ этой стороны я не могъ имѣть на него вліянія. Всякому другому на вашемъ мѣстѣ было бы понятно, что г. Пятковскій, въ этомъ случаѣ, основывается на моемъ собственномъ признаніи".

„Вамъ не случилось знать или *не удалось понять ничего этого*; иначе вамъ не могла бы придти въ голову фантазія, будто я былъ учителемъ Добролюбова. Но вы оказываетесь незнающимъ и *не умѣющимъ понимать* уже не какихъ-нибудь частныхъ фактовъ, а *и вовсе ничего*, когда фантазируете *объ отношеніяхъ моихъ сношеній къ сношеніямъ Добролюбова*".

Н. Г. Чернышевскій указалъ г. З — ну, что онъ

„уже не разбирать ни одной беллетристической книги и ни одной книги по предметамъ, имѣющимъ близкую связь съ русской жизнью."

„Я понималъ, что для меня невыгодно, если бы мои статьи могли быть сближаемы съ статьями Добролюбова для сравнительной оцѣнки насъ обоихъ. Поэтому я старался и вовсе не писать для отдѣла критики и библіографіи; а когда Добролюбовъ говорилъ мнѣ, что онъ не успѣетъ наполнить этихъ отдѣловъ и что нужна моя статья, я бралъ предметы, не входившіе въ кругъ его обыкновенныхъ работъ". „Даже, когда онъ былъ за границей", и „необходимо стало мнѣ писать для отдѣла критики,—я все-таки не писалъ ничего о беллетристическихъ книгахъ и о сочиненіяхъ по тѣмъ отраслямъ литературы, которыми прежде занимался онъ. Я хотѣлъ избѣгать невыгоднаго для меня сравненія, надѣясь, что онъ возвратится къ намъ поправившись здоровьемъ и возобновитъ свою дѣятельность".

„Всѣмъ извѣстно, что черезъ годъ или меньше", „къ лѣту 1858 года или раньше, Добролюбовъ имѣлъ уже преобладающее вліяніе въ журналѣ. Почему это могло быть, когда тутъ былъ и я? Я не могу объяснить этого ничѣмъ другимъ, кромѣ его превосходства. Слава Богу, настолько-то все же есть у меня ума и добросовѣстности, чтобы понимать подобные факты".

„Въ концѣ 1858 г. и въ началѣ 1859 уже не было ни одного человѣка въ порядочныхъ литературныхъ кругахъ, который бы не выражался въ томъ смыслѣ, что Добролюбовъ - самый сильный талантъ въ „Современникѣ", нашъ кругъ зналъ это и гораздо раньше. Изъ этого вы можете заключить, писалъ онъ г. З—ну, какъ не вѣрны ваши слова, будто мы считали его „меньшимъ изъ своихъ братій, второстепеннымъ человѣкомъ своего кружка" и будто бы „друзья покойнаго" — бова ни при его жизни, ни послѣ его смерти, никогда не могли думать о бовѣ, чтобы онъ былъ первымъ человѣкомъ между нами, или даже вторымъ, или даже третьимъ". Мы не были *такъ тупы и глупы*, чтобы не считать его первымъ человѣкомъ въ нашемъ кругу. Но вы можете не повѣрить моему свидѣтельству. Сообщу же вамъ два изъ многихъ случаевъ, бывшихъ со мною.

Н. Г. Чернышевскій сообщилъ его разговоръ съ К. Д. Кавелинымъ о Добролюбовѣ, который начался такъ же, какъ и съ Тургеневымъ.

„Странное дѣло", сказалъ Кавелинъ, „я не могу чувствовать къ Добролюбову того мирнаго расположенія, какъ, напримѣръ, къ вамъ. Отчего это? Образъ мыслей у насъ, повидимому, одинаковъ; а какъ человѣкъ онъ—превосходнѣйшій человѣкъ; мое мнѣніе о его сердцѣ и характерѣ доказывается тѣмъ, что я допустилъ его совершенно овладѣть мыслями моего сына [1]), чего не сдѣлалъ бы, если бы могъ считать что-нибудь дурнымъ въ Добролюбовѣ. Но отчего же я чувствую, что онъ совершенно чуждъ мнѣ, между тѣмъ какъ, напримѣръ, вы не совсѣмъ чужды"? Я сказалъ тогда: „это оттого, что въ Добролюбовѣ нѣтъ тѣхъ слабостей и шаткостей въ мыслях и характерѣ, которыя даютъ вамъ нѣкоторыя точки опоры, чтобы притягивать мой образъ мыслей и поступковъ въ нѣкоторое согласіе съ вашими требованіями. Взглядъ его тверже и яснѣе, чѣмъ у меня, потому не остается для васъ возможности понимать его въ вашемъ смыслѣ, какъ можете вы въ значительной степени дѣлать съ моимъ взглядомъ". Да, сказалъ Кавелинъ, съ искренностью чувства, которое влечетъ къ нему, какъ къ человѣку, сколько бы иной разъ не желалъ бы посердиться на него,— „да", сказалъ онъ, „вотъ вы принадлежите къ поколѣнію, которое должно идти дальше нашего, а поколѣніе Добролюбова должно находиться въ такомъ же отношеніи къ вашему; между нами и вами есть связь; между вами и ими тоже есть связь; а между нами и ими уже нѣтъ связи. Что жъ дѣлать? *Это грустно для насъ; но такъ нужно для прогресса*".

Другой разговоръ Н. Г. Чернышевскій сообщилъ съ Тургеневымъ.

---

[1]) Сынъ К. Д. Кавелина умеръ, сколько я помню, шестнадцати лѣтъ отъ воспаленія мозга, происшедшаго вслѣдствіе чрезвычайно ранняго развитія. Онъ такъ былъ развитъ, такъ много зналъ, что Н. А. Добролюбовъ находилъ большое удовольствіе въ бесѣдахъ съ нимъ.

Затѣмъ Н. Г. Чернышевскій говоритъ о характерахъ своемъ и Добролюбова и опять говоритъ въ пользу Н. А. Добролюбова!

Вотъ какъ заключилъ свое письмо къ З—ну Н. Г. Чернышевскій.

„Вотъ, милостивый государь, кончены мои объясненія для васъ, и остается начинать заключительную часть письма съ обычнымъ ея содержаніемъ,—изъявленіемъ *чувствъ пишущаго къ получающему письмо*".

Вы принудили меня въ опроверженіе вашихъ вздорныхъ соображеній выставлять самому такія черты моей литературной дѣятельности и моего личнаго характера, которыми не слишкомъ доволенъ я самъ. Человѣкъ, принужденный выставлять свои слабости и недостатки, досадуетъ на того, кто принудилъ его къ этому.

„Вы наговорили мнѣ комплиментовъ, *очень пошло* отзываясь о статьяхъ Добролюбова, которыя лучше моихъ. Какое чувство должно было родиться во мнѣ отъ этого? „Вотъ господинъ, который не въ состояніи цѣнить дѣйствительно хорошаго; а мои статьи онъ высоко цѣнитъ. Что же это значитъ? Есть молодцы, которымъ не нравится Гоголь; эти молодцы хвалятъ повѣсти гр. Соллогуба и комедіи г. Львова: неужели отъ подобнаго свойства моихъ статей произошли похвалы имъ со стороны г. З—на? „Это неизбѣжное впечатлѣніе отъ вашей статьи было для меня очень оскорбительно".

А вѣдь по всему видно, что вы вовсе не хотѣли оскорблять меня,—напротивъ, вы ждали, что я буду очень доволенъ. Вы не могли сообразить, въ какое положеніе меня ставите. *Я проникнусь состраданіемъ къ вашей умственной слабости*".

„Но состраданіе мое, смѣшанное съ досадою и чувствомъ обиды, соединяется *съ отвращеніемъ*. *Ругаясь надъ мертвымъ, льстить живому*! Да, впрочемъ, *понимаете ли вы*, что именно это вы дѣлаете"?

Надѣюсь, что читатель, который не погрязъ въ низменныхъ стремленіяхъ, способный отозваться на всякое благородное чувство, порадоваться на проявленіе душевнаго величія, посѣтуетъ на меня развѣ за то только

что я не выписалъ всего письма Н. Г. Чернышевскаго точно съ подлинникомъ.

Какъ ни грустно я смотрю на нашу читающую публику, на нашу молодежь, я, все-таки, не допускаю поголовнаго тупоумія, невѣжества и развращенности, не допускаю мысли, чтобы такое выдающееся явленіе, какъ письмо Н. Г. Чернышевскаго, не было бы оцѣнено хотя нѣкоторою частью публики, не вызвало бы въ комъ-нибудь лучшихъ чувствъ. Теперь немногіе изъ новаго поколѣнія читали сочиненія Н. Г. Чернышевскаго, и его письмо, писанное сорокъ лѣтъ тому назадъ, почти неизвѣстно, а оставлять его въ неизвѣстности, когда къ его опубликованію явилась возможность, по моему убѣжденію,—непростительный проступокъ.

Быть можетъ, его письмо устыдитъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, не стѣсняющихся лгать, поносить тѣхъ людей, идеи которыхъ недоступны ихъ пониманію, нравственныя качества которыхъ служатъ имъ укоромъ и изобличеніемъ; быть можетъ, сама читающая публика немного опомнится и сознаетъ, что пора научиться разсуждать при чтеніи, чѣмъ постепенно будетъ уничтожать распространяемыя превратныя идеи и извращеніе фактовъ.

Н. Г. Чернышевскій, сорокъ лѣтъ тому назадъ, совершилъ подвигъ не тотъ подвигъ, который совершается при необычайномъ первомъ возбужденіи, граничащимъ съ аффектомъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствъ, а тотъ подвигъ, который совершали первые христіане, радостно шедшіе на смерть, распѣвая псалмы, съ вѣрой въ вѣчную жизнь, въ спасеніе людей въ исповѣданіи ученія Іисуса Христа.

Вѣдь Н. Г. Чернышевскій, оставаясь въ глазахъ всѣхъ вполнѣ честнымъ человѣкомъ, могъ опровергнуть [illegible] на въ другой формѣ, не прибѣгая къ тѣмъ объяс-

ненiямъ, которыя пошлыми и глупыми людьми не могли быть оцѣнены надлежащимъ образомъ.

Почему же онъ написалъ то, чего могъ избѣжать, безъ малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что такое отношеніе ничѣмъ и никогда не повредитъ ему? Причиной этого—его высокая нравственность, о которой нынѣшнее поколѣніе не имѣетъ представленія, которая совершенно чужда ему. Н. Г. Чернышевскій осуждалъ себя за податливость, гибкость характера, за что самъ себя бичевалъ, но насколько я зналъ его, насколько понималъ его, эта мягкость была ему присуща только до тѣхъ поръ, пока поступки, отношенія людей касались его. Онъ тогда все прощалъ, терпѣлъ безропотно.

Мы видимъ по его письму какъ онъ наказывалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда низость, глупость относились къ другому. Когда проявлялось какое-нибудь явленіе, могшее принести вредъ другимъ, посѣять неправду, создать превратное сужденіе,—его податливость, мягкость исчезали и онъ являлся грознымъ судьей.

Не имѣя возможности входить въ большія подробности для опредѣленія личностей Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго, что требуетъ серьезнаго, большого труда, мы запомнимъ то, что выяснилось и оглянемся на ихъ антагонистовъ гг. Николая Энгельгардта, Розанова и имъ подобныхъ.

„Быть противникомъ разсудка, иначе сказать, желать ослабить дѣятельность мысли, иначе сказать, *мѣшать ея стремленію къ истинѣ*, — стремленію, безъ котораго нѣтъ дѣятельности мысли, нѣтъ и разсудка, можетъ только человѣкъ или самъ не понимающій, чего онъ желаетъ, или желающій разрушенія гражданскаго общества и превращенія своей страны въ землю Троглодитовъ-Пигмеевъ, которыхъ были не только люди, но и журавли".

„Современникъ". Май 1857 г. „О новомъ направленіи въ полемикѣ" Н. Г. Чернышевскаго.

Зараза, внесенная Волынскимъ, какъ видимъ, стала распространяться и до сихъ поръ не возбудила въ литературѣ стремленія—принять необходимыя мѣры для ея уничтоженія. Недавно мнѣ сообщили, что въ одномъ „философскомъ" обществѣ взгляды г. Розанова на духовенство вполнѣ восприняты (!!). Хотя г. Ник. Энгельгардтъ въ № 9292 „Новаго Времени" заявилъ, что его

„скромная литературная справка (?) —„Отецъ Матвѣй Константиновскій" *сплошь состоящая изъ цитатъ и фактовъ*, доказывающихъ что *отреченіе отъ Пушкина внесено въ русскую литературу воспитанниками семинарій и „бакалаврами богословія*", вызвала негодующіе протесты совсѣмъ неожиданнаго свойства",

но, судя по приводимымъ г. Ник. Энгельгардтомъ нападкамъ, если рѣшиться ему повѣрить, припявъ за эти нападки поставленныя имъ въ кавычкахъ слова, они ограничились общими фразами и не помѣшали ему отвѣчать „издѣліемъ" такого же сорта –„Наслѣдіе шестидесятыхъ годовъ" съ такой же беззастѣнчивостью.

Г. Ник. Энгельгардтъ и Розановъ находятся въ очень выгодныхъ условіяхъ относительно возраженій имъ: „Новое Время" возраженій, которыя были, не принято, конечно; въ другихъ газетахъ возраженія

ограничились небольшой статьей или двумя, какъ, напримѣръ, въ „Россіи"; журналы или не принимаютъ полемическихъ статей или ограничиваютъ эти статьи нѣсколькими строками или двумя, тремя страницами. Что же можно выяснить при подобныхъ условіяхъ въ вопросѣ о Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ и духовенствѣ, когда объ одномъ Н. А. Добролюбовѣ написаны сотни, если не тысячи книгъ, брошюръ, статей и, чтобы опредѣлить его, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, надо написать толстую книгу? Нельзя поэтому удивляться, если возраженія г. Ник. Энгельгардту не были достаточно сильны, благодаря совершенно неправильному взгляду издателей и редакторовъ нашихъ журналовъ, допускающихъ вслѣдствіе этого распространеніе все большаго и большаго развращенія и невѣжества.

Л. Н. Толстой въ своемъ предисловіи къ роману фонъ-Поленца—„Крестьянинъ" говоритъ, что лѣтъ двадцать тому назадъ Мэтью Арнольдъ написалъ прекрасную статью о назначеніи критики.

„По мнѣнію М. Арнольда, назначеніе критики въ томъ, чтобы находить во всемъ томъ, что было, гдѣ бы и когда бы то ни было писано, самое важное и хорошее и обращать на это важное и хорошее вниманіе читателей".

„Такая критика", говоритъ Л. Н. Толстой, „въ наше время затопленія людей газетами, журналами, книгами и развитія рекламы, мнѣ кажется, не только необходима, но отъ того, *появится ли и получитъ ли авторитетъ такая критика, зависитъ вся будущность просвѣщенія образованнаго класса нашего европейскаго міра*".

Н. А. Добролюбовъ, болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, имѣлъ несравненно болѣе широкій взглядъ на значеніе критики, что отчасти выяснено мною въ приводимыхъ мною ссылкахъ на его сочиненія. *Возлагая на критику обязанность указывать на все хорошее, онъ вмѣ-*

нялъ ей въ обязанность также бороться со всѣмъ ложнымъ, вреднымъ, для чего даже основалъ въ Современникѣ „Свистокъ“, гдѣ смѣхъ—самый злѣйшій врагъ пошлости, невѣжества, *безнравственности*, низости—безпощадно клеймилъ всякаго. Такъ, по моему убѣжденію, и надо смотрѣть на значеніе критики, такъ какъ пассивное отношеніе къ распространенію превратныхъ идей, къ извращенію фактовъ, способствуетъ не „просвѣщенію людей, а еще большему помраченію“.

Наши критики—Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій учили, что *полемика неизбѣжна* въ литературѣ и если этой полемики нѣтъ—значитъ литература находится *въ полномъ упадкѣ*. Само собой разумѣется, что необходимо понимать, какая полемика полезна. Спорить о пустякахъ нелѣпо. Полемика въ вопросахъ серьезныхъ, когда *нужно выяснить истину*,—она необходима, если представители литературы понимаютъ свое назначаніе. При такомъ понятіи у насъ явились бы и достойные критики, а это повело бы къ уничтоженію распространившагося зла, такъ какъ неучи, невѣжды, не нашли бы себѣ занятій на литературномъ поприщѣ: кому была бы охота пустить въ редакцію такого субъекта, котораго только что наканунѣ поставили къ позорному столбу на посмѣшище всей читающей публикѣ? Отношеніе къ печати явилось бы честное, и невѣждамъ, тупоумнымъ навсегда закрылась бы возможность распространять невѣжество, ложь, развращать людей.

Въ настоящее же время положительно нѣтъ возможности не только вести *серьезную полемику*, но даже опровергнуть ложь, клевету, если вы не сотрудникъ и если ваше опроверженіе не затрагиваетъ какъ-нибудь интересъ издателя и одно только средство и есть—печатать книгу за свой счетъ, что не всякому возможно. А превратныя идеи, невѣжество, развращеніе, ложь, клевета, издѣвательство надъ истиной и т. п. плетутъ

свою паутину, заволакивают всѣхъ „смрадомъ гнилыхъ теорій“. Литературѣ всегда необходимо считаться съ условіями жизни: борьба за существованіе для всѣхъ, кромѣ ничтожнаго меньшинства, очень тяжела въ настоящее время и люди, даже желающіе что-нибудь узнать, чему-нибудь научиться, лишены возможности разбираться въ томъ, что печатается, потому что они не подготовлены къ этому, чтобы тотчасъ же понять ложь, извращеніе фактовъ, а времени на обсужденіе у нихъ нѣтъ. Да и гдѣ найти теперь истину? Куда человѣкъ ни кинется, за что ни возьмется—во всемъ то же самое. Слѣдствіе такого положенія крайне печально, люди воспринимаютъ ложь и печать ведетъ къ неизбѣжному отупѣнію, невѣжеству. Масса можетъ читать только газеты; ни журналы, ни книги для нея недоступны, а что она можетъ почерпнуть изъ газетъ у насъ? Вѣдь со времени прекращенія изданія „Петербургскихъ Вѣдомостей“ Коршемъ, кажется, въ семидесятыхъ годахъ, у насъ не было ни одной газеты, издатели которой сознавали бы свое назначеніе какъ слѣдуетъ.

Условія, въ которыя у насъ поставлена печать, вовсе ужъ не такія, чтобы нельзя было писать правды въ извѣстныхъ границахъ. Необходимо, чтобы литература была руководима такими людьми, которые прониклись бы сознаніемъ, что печать должна быть святыней, что въ ней должна царить только истина, чтобы литература была средствомъ къ развитію просвѣщенія, полемъ честнаго духовнаго соревнованія, хотя бы и ошибочнаго съ какой-либо стороны, чтобы она не обращалась въ арену лжи, клеветы, гаерства, въ ширмы простонароднаго „Петрушки“, хозяинъ котораго старается только добыть лишній пятакъ, не заботясь о томъ, чѣмъ онъ потѣшаетъ собравшуюся публику.

Надо помнить всегда слова Н. А. Добролюбова и

сатиры Буало объ успѣхѣ всякаго автора въ томъ или другомъ кружкѣ, подходящемъ подъ одинъ уровень развитія съ авторомъ, которыя оправдываются постоянно, и это обстоятельство обязываетъ бороться противъ распространенія превратныхъ идей, если печать сознаетъ въ своемъ назначеніи что-нибудь болѣе нравственное, чѣмъ одну погоню за пятакомъ.

Печать должна помнить, что масса, да не только она одна, а такъ называемая „интеллигенція"—прошедшая Катково-Толстовскую школу, воспринимаетъ всякій вздоръ, всякую ложь, разъ она прочла объ этомъ, и что отвѣтственность въ этомъ падаетъ на нее.

Въ 1887 г. въ моей книгѣ „О положеніи каменноугольной промышленности Донецкаго Бассейна" я обращался къ представителямъ печати съ указаніемъ на ихъ священный долгъ, но... нигдѣ, сколько я знаю, не проявилось никакой перемѣны къ лучшему, даже наоборотъ, стало еще хуже, какъ мы можемъ судить по „издѣліямъ" гг. Николая Энгельгардта, Розанова, Волынскаго и имъ подобныхъ. Конечно тотъ же результатъ будетъ и теперь, и если я и могъ бы принести какую-нибудь пользу, то только тогда, когда читающая публика сознала бы справедливость моихъ доводовъ, была бы просвѣщеннѣе: печать отражаетъ въ себѣ, вѣдь, общество, его понятія, идеи, нравственность, стремленія, что ясно доказываетъ исторія литературы. Каково общество—такова и печать.

Зная, какая печать удовлетворяетъ общество,—смѣло можно опредѣлить по ней общество, что, я полагаю, не можетъ вызвать никакихъ возраженій. Такой взглядъ отнюдь не позволяетъ примиряться съ такимъ явленіемъ: вѣдь не всѣ же въ обществѣ поголовно тупоумны, безнравственны, лгупы, неучи,—такихъ большинство, но несомнѣнно, что меньшинство, какъ бы оно ни было незначительно, —люди обладающіе и умомъ,

и знаніемъ, и нравственностью, для которыхъ доступно пониманіе высшихъ интересовъ и обязанностей.

Вотъ это-то меньшинство лучшихъ людей и можетъ проявить свое вліяніе поддержкой того принципа, который ему дорогъ и проводить его въ большинство, способствуя искорененію вредныхъ началъ. Со всякой идеей происходитъ то же самое. Идея проникаетъ постепенно, очень медленно, но свое дѣло дѣлаетъ, такъ какъ мысль человѣка, кто бы онъ ни былъ, за малымъ исключеніемъ совсѣмъ тупоумныхъ людей, стремится къ истинѣ, на что его постоянно наталкиваетъ сама жизнь, безъ чего немыслимо существованіе человѣка. Какъ скоро большинство поставитъ къ печати извѣстныя требованія—печать перемѣнится и все скверное въ ней исчезнетъ, такъ какъ тотъ органъ печати, который не будетъ удовлетворять требованіямъ читающей публики, прекратитъ свое существованіе неизбѣжно, рано или поздно. Явись у насъ одинъ, два органа печати на высотѣ своей задачи и вся печать измѣнится постепенно или перейдетъ въ руки тѣхъ людей, которымъ будутъ понятны требованія общества.

Во всемъ этомъ новаго ничего нѣтъ: все это выяснено еще въ шестидесятыхъ годахъ нашими знаменитыми критиками, и если я привожу эти истины, то причиной этого—мои разговоры съ лучшими представителями печати, которые, къ моему великому изумленію, смотрятъ не такъ, какъ смотрѣли наши учителя, находя, что не стоитъ возражать такому-то и такому-то органу печати, такъ какъ это только марать себя.

„Стоитъ ли съ ними начинать полемику! Вонъ они лгутъ, ругаютъ нашего издателя даже, а онъ и вниманія не обращаетъ, никогда не отвѣчаетъ", слышалъ я отъ однихъ.

„Мы полемикой не занимаемся", говорили другіе.

„Помилуйте, развѣ можно помѣстить такую статью! вѣдь, придется ее раздѣлить на два мѣсяца"—говорили третьи.

„Мы удѣляемъ страницы двѣ, три на возраженія" и т. п.—все въ этомъ родѣ!

Изъ этого читатель можетъ судить, что тѣ истины, которыя проповѣдывали Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій, являются въ настоящее время снова вопросомъ, подлежащимъ разъясненію и проведенію его въ сознаніе, что подтверждаетъ и Л. Н. Толстой въ его предисловіи къ „Крестьянину" фонъ-Поленца—изданію *нынѣшняго года.*

Л. Н. Толстой говоритъ, что „перепроизводство предметовъ, составляющихъ не цѣль, а средство, когда люди это средство считаютъ цѣлью—особенно вредно" [1]).

Большинство издателей газетъ, журналовъ, книгъ именно считаетъ свои изданія только стредствомъ къ наживѣ, смотря на свое дѣло какъ купцы, заботясь только объ угожденіи вкусамъ публики и распространенію *буквально своихъ „издѣлій"*, обративъ редакціи въ торговую контору.

„Книгопечатаніе, несомнѣнно полезное для большихъ малообразованныхъ массъ народа, *въ средѣ достаточныхъ людей уже давно служитъ главнымъ орудіемъ распространенія невѣжества, а не просвѣщенія*" [2]).

„Убѣдиться въ этомъ очень легко. Книги, журналы, въ особенности *газеты* стали въ наше время большими денежными предпріятіями, для успѣха которыхъ, нужно наибольшее число *потребителей. Интересы же и вкусы наибольшаго числа потребителей всегда низки и грубы,* и потому для успѣха произведеній печати нужно, чтобы произведенія отвѣчали требованіямъ большаго числа потребителей, т. е. чтобы *касались низкихъ интересовъ и соотвѣтствовали низкимъ вкусамъ.* И пресса *вполнѣ удо-*

---

[1]) „Крестьянинъ" фонъ-Поленца, стр. VII.

[2]) „Крестьянинъ" фонъ-Поленца, стр. VIII.

вліятворять этимъ требованіямъ, имѣя полную возможность этого, такъ какъ *въ числѣ работниковъ прессы людей съ такими же низшими интересами и грубыми вкусами, какъ и публика* гораздо больше, чѣмъ людей съ высокими интересами и тонкимъ вкусомъ. А такъ какъ при распространеніи книгопечатанія и пріемахъ торговли журналами, газетами и книгами эти люди получаютъ хорошее вознагражденіе за *поставляемыя* ими и отвѣчающія требованіямъ массы произведенія, то и является *то ужасное, все увеличивающееся и увеличивающееся, наводненіе печатной бумагой*, которая уже однимъ своимъ количествомъ, *не говоря о вредѣ содержанія, составляетъ огромное препятствіе для просвѣщенія*" [1]).

Я нарочно выписалъ эти справедливыя слова Л. Н. Толстого и отмѣтилъ курсивомъ его опредѣленія вкусовъ, потребностей какъ публики, такъ и литературныхъ работниковъ, поставляющихъ свои „издѣлія". Такія „издѣлія", какія поставляютъ гг. Ник. Энгельгардтъ, Розановъ и имъ подобные, доказываютъ, что часть публики, читающая „Новое Время", подходитъ подъ одинъ уровень развитія, знанія, пониманія съ ними. Если кому-нибудь изъ этой части публики—попадется моя книга и тотъ, кому она попадется, въ состояніи будетъ „одолѣть" ее –пусть полюбуется на себя и авторовъ „издѣлій". Быть можетъ, кого-нибудь и можно будетъ вразумить, кто-нибудь и опомнится и пойметъ, что онъ стоитъ около самой трясины: еще шагъ и она засосетъ его

Если появились такія „издѣлія", на которыя я счелъ долгомъ обратить вниманіе публики, то была же на это причина.

Какъ я сказалъ въ началѣ, есть у насъ люди, которые считаютъ Н. А. Добролюбова своимъ врагомъ, какъ взяточники, напримѣръ, считали своимъ врагомъ Гоголя, какъ люди бездарные считаютъ своими вра-

---

[1]) „Крестьянинъ" фонъ-Поленца, стр. стр. VIII

гами талантливыхъ, безчестные—честныхъ, глупые—умныхъ и т. д. Люди противоположнаго развитія и нравственности при столкновеніи всегда враждебны другъ другу, что, я полагаю, всѣмъ людямъ, здраво разсуждающимъ, понятно и извѣстно. День сорокалѣтія со смерти Н. А. Добролюбова почтила вся печать и, сколько мнѣ извѣстно, только „Новое Время“ и „Историческій Вѣстникъ“ пошли противъ мнѣнія остальныхъ органовъ печати, и надругались надъ мертвецами.

Въ нѣкоторыхъ органахъ печати, какъ, напримѣръ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „Одесскомъ Листкѣ“, Журналѣ для всѣхъ“ признано значеніе Н. А. Добролюбова не только для настоящаго времени, но и для далекаго будущаго, что можно доказать его твореніями и что оправдывается въ дѣйствительности,—все усиливающейся потребностью въ его сочиненіяхъ, — самый вѣрный признакъ что его идеи стали доступнѣе въ настоящее время, вслѣдствіе большаго развитія людей. Враговъ Н. А. Добролюбова, почувствовавшихъ осужденіе себѣ въ отзывахъ печати, конечно, не могло не встревожить общее признаніе его заслугъ, хотя нѣкоторые отзывы и были такого сорта, какъ будто писавшій и самъ не имѣлъ опредѣленнаго мнѣнія, ставя значеніе Н. А. Добролюбова въ зависимость отъ взгляда на то, какъ мы будемъ разсматривать „шестидесятые годы“: были ли эти годы лучшіе въ исторіи Россіи или наоборотъ! Такое странное заключеніе объясняли особенными причинами, но эти причины, конечно, не только странны, но и не имѣютъ основанія, что доказывается положительными отзывами другихъ органовъ печати, а заключеніе смѣшно, такъ какъ всякій развитой, знающій человѣкъ не сомнѣвается что эти годы были самымъ свѣтлымъ временемъ въ Россіи, воспоминаніе о которомъ, увлекло даже г. Николая Энгельгардта.

Люди, враждебные Н. А. Добролюбову, рѣшили какъ-нибудь ослабить впечатлѣніе, произведенное печатью. Писать противъ Н. А. Добролюбова человѣку, читавшему его сочиненія и понявшему ихъ, немыслимо, если онъ и способенъ былъ бы согласиться на извращеніе его твореній: ничего нельзя такому человѣку написать противъ Н. А. Добролюбова и такую задачу могли выполнить только люди, не имѣющіе никакого понятія ни о его сочиненіяхъ, ни о его личности, которымъ сказали только о томъ, что Н. А. Добролюбовъ, будто бы, приложилъ ученіе объ утилитаризмѣ къ критикѣ, отвергалъ искусство, отрицалъ Пушкина и тому подобную чепуху.

Къ Н. А. Добролюбову присоединили и Н. Г. Чернышевскаго, понятія котораго были одинаковы съ понятіями Н. А. Добролюбова, а также Надеждина, Благосвѣтлова, Сперанскаго, всѣхъ семинаристовъ, включивъ въ ихъ число Шелгунова, Мазарини, Ришелье для большаго доказательства... своихъ познаній, логики, чистой мысли; затѣмъ ужъ перешли къ духовенству и успокоились, надѣясь, что ихъ никто не потревожитъ, не изобличитъ по многимъ причинамъ

Г. Николая Энгельгардта, выпустившаго свою „Исторію“, чего добраго, еще напугали тѣмъ, что, при вліяніи понятій Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго его „Исторію“ никто и читать не будетъ и что ее встрѣтятъ всеобщимъ осужденіемъ. Какъ мы убѣдились, самъ г. Николай Энгельгардтъ придаетъ слишкомъ ужъ большое значеніе нашимъ критикамъ, которые до сихъ поръ доступны все еще незначительному меньшинству. Наконецъ, пріятно вѣдь и показать себя, какъ показывалъ себя, напримѣръ, Писаревъ, все отвергавшій! Указывать на то, что Н. А. Добролюбовъ и Н. Г. Чернышевскій считаются критиками „по предразсудку“, что ихъ критику можно было еще оправдать до 19 фе-

враля 1861 г. и т. п.- это для людей невѣжественныхъ значитъ много: „вотъ такъ г. Николай Энгельгардтъ“, скажутъ, „первый выступилъ противъ Добролюбова и Чернышевскаго, котораго только что всѣ восхваляли; должно быть у него и „ума палата“, если противъ всѣхъ почти пошелъ“, и хотя ничего такіе люди не поняли въ его „издѣліи“, а его приговоры выучили и, конечно, при первой возможности, стали распространять, чтобы показать себя тоже великими мыслителями. Бранить все—очень легко и доступно всякому. Только дѣйствительное знаніе, глубокій умъ къ каждому явленію относится серьезно и, много понимая, не произнесетъ своего приговора безъ основательнаго знакомства съ извѣстнымъ явленіемъ и съ причинами, его вызвавшими. Только мудрецъ могъ сказать: „я знаю, что я ничего не знаю“.

Вотъ, по моему мнѣнію, главныя причины, вызвавшія „издѣлія“ г. Николая Энгельгардта и Розанова; другія причины поймете и самъ читатель, надѣюсь.

Къ чему же приведутъ такіе „работники прессы“, по выраженію Л. Н. Толстого, читающую публику—ту публику, которая слушаетъ, разинувъ ротъ, стараясь запомнить только слова, которая воспринимаетъ все, что напечатано, какъ истину?

Вотъ какъ смотритъ Л. Н. Толстой на дѣятельность такихъ *производителей печатной бумаги*.

„Если въ наше время *умному молодому человѣку изъ народа*, желающему образоваться, дать доступъ ко всѣмъ книгамъ, журналамъ, газетамъ, и предоставить его самому себѣ въ выборѣ чтенія, то всѣ вѣроятія за то, что онъ, въ продолженіе десяти лѣтъ, неустанно читая каждый день, будетъ читать все глупыя и безнравственныя книги. Попасть ему на хорошую книгу такъ же мало вѣроятно, *какъ найти замѣченную горошину въ мѣрѣ гороха. Хуже же всего* при этомъ то, что, читая все плохія сочиненія, онъ будетъ все *болѣе и болѣе извращать*

свое пониманіе и вкусъ. Такъ что, когда онъ *и попадетъ* на хорошее сочиненіе, онъ уже или *вовсе не поймет*ъ *его, или поймет*ъ его превратно".

„Въ наше время *невѣжество образованной толпы* [1]) дошло уже до того, что *всѣ настоящіе великіе мыслители, поэты, прозаики*, какъ древности, такъ и XIX вѣка, *считаются отсталыми, не удовлетворяющими уже высокимъ и утонченнымъ требованіямъ новыхъ людей*; на все это смотрятъ или *съ презрѣніемъ*, или *съ снисходительной улыбкой*. Послѣднимъ словомъ философіи въ наше время признается *безнравственная, грубая, напыщенная, безсвязная болтовня Ницше; безсмысленный, искусственный наборъ словъ*, соединенный размѣромъ и рифмой, разныхъ декадентскихъ стихотвореній, считается поэзіей высшаго разбора; на всѣхъ театрахъ даются пьесы, *смыслъ которыхъ никому, не исключая и автора*, неизвѣстенъ, и въ милліонахъ экземпляровъ печатаются и распространяются, подъ видомъ художественныхъ произведеній, романы, не имѣющіе въ себѣ *ни содержанія, ни художественности*". [2]).

Читатель, надѣюсь, уяснилъ себѣ теперь, что причины, заставившія меня разобрать „издѣлія" гг. Николая Энгельгардта и Розанова—слишкомъ важны. Такія „издѣлія" не опасны для публики *образованной, способной разсуждать:* такая публика, по прочтеніи нѣсколькихъ строчекъ, броситъ такое чтеніе и потомъ по первымъ же строчкамъ, попавшимся на глаза, будетъ знать автора, но огромное большинство заражается тотчасъ же такого рода „издѣліями", не будучи въ состояніи даже сообразить, что шуточное отношеніе къ серьезному предмету изобличаетъ негодность каждаго слова автора „издѣлія". Что можно ожидать отъ такой публики, которая, какъ мнѣ говорили, собираясь въ

---

[1]) „Крестьянинъ", стр. XI.

[2]) Романъ: „The Christian". Hall Caine'a былъ проданъ въ количествѣ милліона экземпляровъ. Въ послѣднее время надѣлалъ большого шума романъ русскаго произведенія фальшивый по содержанію и нехудожественный.

обществѣ, считающемся „философскимъ“, согласилась со взглядомъ г. Розанова на духовенство, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевскаго?

При томъ взглядѣ на значеніе, достоинство, долгъ прессы, на который указываетъ Л. Н. Толстой, невозможно противостоять развращающему вліянію, проникающему все глубже и глубже въ народъ. Одни органы распространяютъ невѣжество, ложь, клевету, безнравственность, другіе не считаютъ своимъ священнымъ долгомъ бороться противъ этого и такимъ образомъ постепенно обращаютъ народъ „въ троглодитовъ, въ пигмеевъ, которыхъ будутъ бить не только люди, но и журавли“.

Неужели же все общество такъ опустилось, такъ погрязло въ низменныхъ интересахъ, въ борьбѣ за существованіе, въ погонѣ за наживой, карьерой во что бы то ни стало, всевозможными средствами, что ему стало недоступно пониманіе высшихъ интересовъ, высшихъ обязанностей? Неужели же наше общество потеряло способность различать добро отъ зла, неспособно ничѣмъ возмущаться, ничему противодѣйствовать? Вѣдь такія „издѣлія“, какъ разобранныя мною, позорятъ каждаго изъ насъ. Такихъ „издѣлій“ масса; они являются каждый день по всѣмъ вопросамъ и нѣтъ возможности съ ними бороться, благодаря совершенно ложному взгляду даже лучшихъ представителей печати. Я знаю это по опыту. Сколько разъ по вопросу, о которомъ у насъ пишутъ цѣлые годы, запутывая его все болѣе и болѣе по совершенному незнанію этого вопроса, по невѣжеству, глупости или вслѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ причинъ, я приносилъ одну — двѣ статьи, которыя выясняли вопросъ окончательно приводимыми неоспоримыми данными и слышалъ въ отвѣтъ, что статья „не подходитъ“. Спросишь почему не подходитъ и узнаешь такія причины,

которыя доказываютъ неоспоримо, что статью и не трудились читать, зная уже мой взглядъ по тѣмъ статьямъ, которыя я помѣщалъ раньше. На другой же день появляется опять статья по этому вопросу въ томъ же органѣ печати и снова переливаніе изъ пустого въ порожнее, то же невѣжество, та же ложь, чепуха, противорѣчія! А зараза распространяется все болѣе и болѣе, люди чѣмъ дальше, тѣмъ больше глупѣютъ, лишаются послѣдней возможности что-либо понять и, въ концѣ концовъ, дѣлаются ко всему апатичными, не хотятъ ничего читать.

Въ нашихъ газетахъ, кромѣ телеграммъ, внѣшнихъ, внутреннихъ извѣстій, пожалуй, хроники, ничего не стоитъ читать, такъ какъ ничего не почерпнешь ни изъ одной статьи, тогда какъ при другомъ отношеніи къ прессѣ, газету можно было бы читать сплошь всю. Всѣ вопросы можно выяснить сжато, толково, подтверждая данными и дать понятіе по нимъ той массѣ, которая не можетъ читать книгъ, журналовъ,—служить къ ея просвѣщенію.

Задача лучшихъ органовъ печати настоящаго времени—всячески противодѣйствовать тому ужасному направленію, которое такъ рѣзко обозначилось у насъ. Въ этой задачѣ священный долгъ всякаго уважающаго себя человѣка. Достигнуть этой возможности очень легко: открыть у себя отдѣлъ, который не пропускалъ бы ни одного замѣченнаго случая извращенія истины, распространенія превратныхъ идей, фактовъ и т. п. стать строгимъ судьей всей прессы, указывая въ то же время на все хорошее.

Даже, смотря на дѣло, какъ на денежное предпріятіе, это выгодно: всѣ мыслящіе, образованные люди, истомленные распространяемымъ печатью невѣжествомъ, будутъ привѣтствовать такой журналъ и перейдутъ къ нему. Ни наши законы, ни цензурный уставъ не только

не запрещаютъ говорить истину, а побуждаютъ къ этому,—надо только умѣть ее высказывать. Вѣдь въ истинѣ сила государства, а какое же государство будетъ гнать ее? Развѣ кому бы то ни было запрещено сказать истину о сахарной, каменноугольной, металлургической и всякой другой промышленности, о положеніи крестьянъ, помѣщиковъ, кустарей и т. д.? У насъ все это обсуждается, но обсуждается людьми, ничего по этимъ вопросамъ незнающими, распространяющими все превратныя свѣдѣнія, понятія. Между людьми, стоящими близко къ дѣлу, его вполнѣ знающими, найдутся желающіе его выяснить,—только дайте эту возможность, не говорите „моя хата съ краю, ничего не знаю".

Указывая на незнаніе молодежи, окончившей высшіе курсы, равно и человѣка изъ народа, что имъ лучше читать, чтобы дополнить свое образованіе, Л. Н. Толстой говоритъ, что

„отвѣтить на этотъ огромной важности вопросъ" можетъ только настоящая критика, та, которая, какъ говоритъ Мэтью Арнольдъ, поставитъ себѣ цѣлью выдвигать и указывать людямъ все, что есть самаго лучшаго какъ въ прежнихъ, такъ и въ современныхъ писателяхъ [1]).

Н. А. Добролюбовъ писалъ: „что только фактическая, реальная критика и можетъ имѣть какой-нибудь смыслъ для читателя. Если въ произведеніи есть что-нибудь, то покажите намъ, что въ немъ есть; это гораздо лучше, чѣмъ пускаться въ соображенія о томъ, чего въ немъ нѣтъ и что бы должно было въ немъ находиться?" [2]).

„Отъ того, появится или нѣтъ, пишетъ Л. Н. Толстой, такая критика, *безкорыстная, не принадлежащая ни къ какой партіи, понимающая и любящая искусство*, и установится ли ея авторитетъ настолько, что онъ бу-

---

[1]) „Крестьянинъ", стр. XIII.

[2]) Н. А. Добролюбовъ, т. III, стр. 427.

детъ *сильнѣе денежной рекламы*,—зависитъ, по моему мнѣнію, рѣшеніе вопроса о томъ, *погибнутъ ли послѣдніе проблески просвѣщенія* въ нашемъ, *такъ называемомъ*, образованномъ, европейскомъ обществѣ, *не распространяясь на массы народа*, или возродится оно, какъ оно возродилось въ средніе вѣка, и *распространится на большинство народа, лишеннаго теперь всякаго просвѣщенія*“ [1]).

Критика, указывая на все „важное и хорошее“, что было когда-либо напечатано, и предупреждая о всемъ вредномъ, развращающемъ, постепенно будетъ выводить изъ обращенія негодныя „издѣлія“ и, развивая людей, указывая имъ надлежащія средства къ образованію, сдѣлаетъ въ короткое время невозможнымъ появленіе той литературы, которая наполняетъ въ настоящее время книжный рынокъ и редакціи журналовъ и газетъ.

Эти негодныя, ведущія къ отупѣнію, невѣжеству „издѣлія“ появляются единственно только потому, что противъ нихъ никто не возражаетъ!

Я глубоко убѣжденъ, что какъ скоро въ нашей прессѣ появятся люди, способные осуждать, осмѣивать все вредное—поставщики „издѣлій“ прекратятъ свое производство.

Можетъ быть у кого-нибудь изъ представителей печати и пробудится сознаніе и мое воззваніе къ ихъ священнѣйшему долгу не пропадетъ безслѣдно, а какъ скоро въ одномъ органѣ печати откроется отдѣлъ, карающій фабрикацію „издѣлій“, распространяющихъ превратныя идеи, все извращающихъ, ведущихъ публику къ невѣжеству, отупѣнію,—другіе послѣдуютъ ему и въ скоромъ времени зло уничтожится: оно будетъ безполезно для производителей, крайне убыточно для скупщиковъ.

---

[1]) „Крестьянинъ“, стр. XIII.

Что время для этого пришло укажу на фактъ: у насъ есть маленькій журналъ „Литературный Вѣстникъ“, отмѣчающій нелѣпое, вредное, появляющееся въ печати. Къ сожалѣнію, объемъ его очень малъ: листовъ пять всего. Нѣтъ сомнѣнія, что его ожидаетъ блестящая будущность, если онъ сдѣлается *извѣстенъ* читающей публикѣ и расширитъ свой объемъ.

Нельзя не привѣтствовать его, не порадоваться его появленію!

Прощаясь съ читателемъ, который можетъ спокойно обсудить *честно ли* я отнесся къ моей задачѣ, не былъ ли *я пристрастнымъ*, я могу сообщить теперь, что Н. А. Добролюбовъ —мой родной братъ, а Н. Г. Чернышевскій его лучшій другъ.

Я не боюсь *честнаго суда*, не обладаю авторскимъ самолюбіемъ и самъ скажу, что мой трудъ слабѣе, чѣмъ онъ могъ бы быть, если бы я находился при другихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ которыя я поставленъ въ настоящее время. За мой промахъ, ошибку я никогда не обижусь на того, кто мнѣ ее укажетъ.

Главное, что необходимо —это *честное* отношеніе къ вопросу. Люди бываютъ разнаго развитія, знанія, ума и никто не можетъ упрекать другаго за несогласіе съ его мнѣніемъ, вслѣдствіе ли недостаточнаго пониманія, какого-нибудь недоразумѣнія и т. п., лишь бы эти взгляды высказывались по *внутреннему убѣжденію, вполнѣ честно* не глупымъ человѣкомъ.

Съ такими людьми всегда можно говорить охотно, относясь къ нимъ съ уваженіемъ.

В. А. Добролюбовъ.

2007051118